



# УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО  
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА  
имени В. И. Вернадского

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 11 (77).№1

Симферополь  
2025

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**  
**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО**  
**УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.**  
**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**

**Научный журнал**

**Том 11(77), № 1**

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издавался с 1919 года.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского**  
**Симферополь, 2025**

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.6.5 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Адрес учредителя и издателя: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 2 от 14.03.2025 г.**

**Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:**

**Непомнящий Андрей Анатольевич** – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

**Герцен Александр Германович** – декан исторического факультета, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

**Крацова Елена Сергеевна** – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

**Крамаровский Марк Григорьевич** – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург)

**Наumenko Валерий Евгеньевич** – доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь) – выпускающий редактор;

**Майко Вадим Владиславович** – директор ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

**Мосейкина Марина Николаевна** – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

**Петрова Элеонора Борисовна** – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

**Романько Олег Валентинович** – профессор кафедры истории России исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

**Степаненко Валерий Павлович** – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

**Тихонов Игорь Владимирович** – профессор кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

**Тункина Ирина Владимировна** – директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник, член-корреспондент РАН (г. Санкт-Петербург);

**Храпунов Игорь Николаевич** – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

**Щевелев Сергей Стефанович** – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

Подписано в печать 14.03.2025. Формат 70x100 1/16 15.03 усл. п. л. Заказ № ИП/746. Тираж 25. Распространяется бесплатно.

Дата выхода в свет 07.05. 2025 г.

Отпечатано в Издательском доме

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7

<http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 908(292.471):ВЕЙСБЕРГ (470)Крым

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-1-3-35

## У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ Г. П. ВЕЙСБЕРГА<sup>1</sup>

*Акимченков В. В.*

*Школа № 1519  
г. Москва, Российская Федерация  
E-mail: AkimchenkovVV@edu.mos.ru*

Восстановлены ранее неизученные аспекты научной, организационно-педагогической и просветительской деятельности известного советского педагога, профессора Григория Петровича Вейсберга (1884–1942). Материал статьи охватывает период 1884–1927 годов в биографии ученого. Детализирован сюжет его активной партийной работы в период Первой российской революции 1905–1907 годов, Великой российской революции 1917 года и последующей Гражданской войны. Сквозь биографическую канву, удалось проследить этапы становления Григория Петровича в качестве педагога-профессионала и организатора советской школы. Выявлены и систематизированы источники, благодаря которым очерчены ключевые вехи его пребывания в Белгороде, Москве, Новониколаевске, связанные с формированием новой, советской, системы образования. Проанализирована многоуровневая система коммуникаций и круг общения ученого в 1920-е годы. В научный оборот вводятся документы из фондов Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива экономики, позволившие раскрыть неисследованные сюжеты о работе Вейсберга на ниве отечественного просвещения. Раскрыта деятельность Григория Петровича в роли заместителя заведующего Главсоцвоса Наркомата просвещения РСФСР, ректора Центрального института организаторов народного просвещения имени Е. А. Литкенса (г. Москва), заместителя заведующего Сибирского отдела народного образования, а также ответственного редактора журнала «Просвещение Сибири» (г. Новониколаевск). Неизвестные страницы биографии ученого представлены на фоне проходивших в молодой советской республике преобразований. Выявлена и обобщена библиография печатных работ Г. П. Вейсберга за 1921–1927 годы.

**Ключевые слова:** Г. П. Вейсберг, Народный комиссариат просвещения РСФСР, Белгородский учительский институт, Центральный институт организаторов народного просвещения имени Е. А. Литкенса, Главное управление социального воспитания и политехнического образования детей, Русское психоаналитическое общество, Сибирский отдел народного образования.

Крымоведение на современном этапе своего развития остро нуждается в составлении биобиблиографического справочника, на страницах которого были бы обобщены биографии, сведения о трудах, историография и источниковая база представителей крымской научной и инженерно-технической интеллигенции первых двух десятилетий советской власти. Это позволит существенно расширить знания об истории развития отечественной науки на территории Крыма, ввести в научный оборот

---

<sup>1</sup> Текст статьи подготовлен на основе результатов научного исследования «Интеллектуальный ландшафт Крымской АССР 1920–1930-х годов: биоисториографические этюды», проведенного при поддержке Российского военно-исторического общества (РВИО).

значительный массив эго-документов, которые долгие годы оставались слабоизученными профессиональным исследовательским сообществом. Более того, одной из наиболее перспективных задач в деле изучения общественно-культурной жизни Крыма 1920–1930-х годов является концептуализация интеллектуального ландшафта и социальной структуры крымского научного сообщества.



*Григорий Петрович Вейсберг*

В отношении некоторых деятелей крымской науки XIX – первой четверти XX века такая работа планомерно ведется и дает ощутимый результат. Уже изданы как отдельные монографии, раскрывающие ранее неизвестные страницы научных биографий и восстанавливающие понимание о творческом наследии ярких представителей крымской науки (А. И. Маркевич [1], С. Ф. Платонов [2], Н. Л. Эрнст [3]), так и масштабные научно-справочные издания, где объектом изучения стали целые коллективы. Ярким примером этого, служит трехтомное издание «Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского», ставшее весомым вкладом в изучение научной мысли региона сквозь призму индивидуальных портретов представителей интеллектуальной элиты высшего учебного заведения [4]. Весьма удачным примером создания обобщающего биобиблиографического труда, стало издание

доктором исторических наук, профессором Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского А. А. Непомнящим монографии «Подвижники кримведения» [5], вышедшей в двух томах и повествующей о кримведах как досоветской эпохи (М. Н. Бережков, Н. И. Веселовский, В. В. Григорьев, К. К. Косцюшко-Валюжинич, И. Ю. Крачковский, Ю. А. Кулаковский, А. Е. и Е. Е. Люценко, А. В. Орешников, А. Н. Самойлович, В. Д. Смирнов и другие), так и деятелях 20–30-х годов прошлого столетия (Б. Д. Греков, А. Н. Деревицкий, Г. А. Максимович, Н. Д. Полонская-Василенко) [6].

На страницах российской периодики также появляются исследования, детализирующие либо уточняющие биографии ученых, чье творчество и научное наследие связано с Крымом. В этом плане пальму первенства стоит отдать профессору А. А. Непомнящему, которым только за последние несколько лет было введено в научный оборот и интерпретировано десятки новых документов из российского архивного фонда, относящихся к биографиям археолога-антиковеда К. Э. Гриневича [7], академика В. И. Вернадского [8], востоковеда В. Д. Смирнова [9], минеролога С. П. Попова [10], гидрогеолога П. А. Двойченко [11] и других ученых-кримведов.

№ \_\_\_\_\_  
 Учетно-Распределительный Подотдел \_\_\_\_\_ Маркомпроса, \_\_\_\_\_

### АНКЕТА

(для ответственных работников)

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. Фамилия, имя, отчество	Вейсберг Гейнрих
2. Место и дата рождения	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия, 1884
3. Место рождения	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия
4. Значительные политические, организационные или общественные работы	Член ЦК ВКП(б), член Президиума ЦК ВКП(б), член ЦК КПСР, член ЦК КПСЗ, член ЦК КПСР, член ЦК КПСЗ
5. Место рождения	1884
6. Год рождения	1884
7. Место рождения	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия
8. Образование и квалификация	Высшее образование
9. Семейное положение, состав семьи и ее состав	Женат, жена Мария, 3 детей
10. Иностранность	Гражданин СССР
11. Место жительства, дата и место выезда, состав семьи	Москва, Ленинград, Ленинградская область
12. Труд и место-работы в настоящее время	Заместитель начальника управления
13. О службе (начальник, заместитель и т.д.)	Заместитель начальника управления
14. Образование (высшее, среднее и т.д.)	Высшее образование
15. Политические взгляды, участие в партии, профсоюзах, союзах, организациях, учреждениях, учреждениях культуры, искусства, спорта, физкультуры, туризма, охотничьих и рыболовских организациях, ветеранских организациях, ветеранских организациях, ветеранских организациях	Член ВКП(б), член ЦК ВКП(б), член ЦК КПСР, член ЦК КПСЗ
16. Семейное положение, состав семьи и ее состав	Женат, жена Мария, 3 детей
17. Место рождения	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия
18. Место рождения	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия
19. Место рождения	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия
20. Место рождения	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия

КОГДА	Где (укажите район, уезд, уезды, губернии)	В каком учреждении	Наименование должности
1903 - 1905	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия	ЦК ВКП(б)	Заместитель начальника управления
1905 - 1908	Киев	"	"
1908 - 1910	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия	"	"
1910 - 1913	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия	"	"
1913 - 1916	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия	"	"
1916 - 1918	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия	"	"
1918 - 1921	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия	"	"
1921 - 1924	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия	"	"

ХАРАКТЕРИСТИКА  
 (должна быть дана ответственным начальником соответствующего органа)

Р. С. Ф. С. Р.

### АНКЕТНЫЙ ЛИСТ

№ \_\_\_\_\_

Город: \_\_\_\_\_ Уезд: \_\_\_\_\_  
 Область: \_\_\_\_\_  
 Должность: \_\_\_\_\_

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
1. Фамилия	Вейсберг
2. Имя и отчество	Гейнрих Вильгельм
3. Год рождения	1884
4. Место рождения	Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия
5. Национальность	Польша
6. Паспорт	СССР
7. Социальное происхождение (привести данные)	Инженер (владельца завода)
8. Семейное положение (указать возраст, имя и отчество)	1) Женат - Вильгельмс-Хейде, Восточная Пруссия 2) Мария Вильгельмовна, 3 детей 3) Мария Вильгельмовна, 3 детей 4) Мария Вильгельмовна, 3 детей
9. Политические взгляды (указать организацию, участие в партии, профсоюзах, союзах, организациях, учреждениях, учреждениях культуры, искусства, спорта, физкультуры, туризма, охотничьих и рыболовских организациях, ветеранских организациях, ветеранских организациях, ветеранских организациях)	Член ВКП(б), член ЦК ВКП(б), член ЦК КПСР, член ЦК КПСЗ
10. Образование (указать класс, колледж и год окончания)	1) Высшее образование 2) Высшее образование
11. Основное занятие, должность и учреждение (указать наименование)	1) Заместитель начальника управления 2) Заместитель начальника управления 3) Заместитель начальника управления

Анкеты, заполненные Г. П. Вейсбергом в 1921 и 1924 году. Из фондов ГА РФ

В отношении же большего числа представителей научной и инженерно-технической интеллигенции Крыма 1920–1930-х годов подобная работа не проводилась. Их имена и биографии не фигурировали как в справочниках той поры [12], современниками которой они являлись, так и в нынешних изданиях. Однако научное наследие представителей обозначенной части крымского интеллектуального ландшафта весьма объемно и охватывает многие аспекты жизни полуострова – от вопросов экономического развития и планирования до изучения исторического прошлого региона.

В данном исследовании нами предпринята попытка изучения основных вех из ранней биографии (от рождения в 1884 году и до переезда в Крым в 1927 году) одного из наиболее заметных организаторов советской педагогики довоенной поры Григория Петровича Вейсберга (1884–1942). Несмотря на то, что его имя хорошо известно современным исследователям, однако, до сегодняшнего дня так и не появилось обобщающего труда, посвященного его биографии и научному наследию. На протяжении двух последних десятилетий, предпринимались лишь фрагментарные попытки отобразить отдельные аспекты деятельности ученого. Как правило, это находило место в региональной периодике Белгорода, Орла, Симферополя и т.д. [13], где Г. П. Вейсберг активно работал на научном, просветительском, педагогическом либо партийном поприще. Как следствие, на данный момент опубликованы лишь скудные сведения из богатейшей биографии Григория Петровича. Наглядным свидетельством, демонстрирующим имеющуюся историографическую лакуну, является одно из наиболее фундаментальных обобщающих изданий «Профессора Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского» [14], в котором отсутствует биографическая справка о профессоре Г. П. Вейсберге, возглавлявшем главный вуз Крыма в 1927–1930 годы.

Ранее нами уже предпринимались попытки в изучении биографии Григория Петровича. Однако происходило это в контексте написания обобщающего труда по истории Крымского отделения Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР (далее – ВАРНИТСО), в деятельности которого Вейсберг принимал определяющее участие [15]. Параллельно с этим, удалось составить первую обобщающую биографическую справку основных вех его биографии [16].

Г. П. Вейсберг являлся личностью, стоявшей у истоков формирования советской системы образования и просвещения. При его участии проходило становление нового образовательного пространства, возникшего на руинах старого общественного уклада, прошедшего через горнила событий Великой российской революции 1917 года и лихолетья Гражданской войны. Он был вовлечен в формирование советской средней и высшей школы, занимался внедрением новейших экспериментальных методов в обучение. Среди педагогического сообщества той поры, Григорий Петрович являлся весьма узнаваемым деятелем. Все 1920–1930-е годы его имя фигурировало на страницах центральных и местных газет, научной периодики, а также авторских педагогических изданий. После смерти Г. П. Вейсберга в 1942 году, упоминание о нем ушло со страниц многочисленных изданий, а научное наследие так

и осталось не систематизированным. Более того, в архивном фонде Российской Федерации не было сформировано отдельной коллекции документов, посвященной столь значимой личности, что затрудняет исследования в данном направлении. Как следствие, историкам по крупицам приходится выявлять и интерпретировать необходимые сведения, которые содержатся в разрозненных документах целой группы центральных, ведомственных и провинциальных архивохранилищах Российской Федерации.

В данном исследовании представлены материалы, выявленные нами в фонде Министерства просвещения РСФСР Государственного архива Российской Федерации. Опись 42 содержит личные дела сотрудников Народного комиссариата просвещения РСФСР, среди которых было обнаружено две анкеты, заполненные собственноручно Г. П. Вейсбергом в 1921 и 1924 годах. Полученные сведения относятся к наиболее малоизученному периоду в биографии ученого – от момента рождения до занятия им крупных должностей в Наркомпросе. В симбиозе с документами из коллекции Российского государственного архива экономики, а также опубликованными статьями и заметками журналов «Народное просвещение», «Сибирский педагогический журнал», «Просвещение Сибири», «Книжная полка» и др., удалось восстановить понимание о многих аспектах биографии Г. П. Вейсберга 1884–1927 годов, а также уточнить отдельные факты, вызывающие дискуссию в российском научном сообществе.

Первые два десятилетия жизни в биографии Григория Петровича Вейсберга неразрывно связаны с Малороссией, поскольку родился он в 1884 году на территории заштатного города Градижск Кременчугского уезда Полтавской губернии в семье еврейской интеллигенции [17, л. 2]. Однако, при заполнении анкетных данных в 1924 году, собственноручно указал местом своего рождения город Белгород, входивший на момент его появления на свет в состав Курской губернии [17, л. 25]. Нам еще предстоит установить, какие обстоятельства вынудили Г. П. Вейсберга указать недостоверные сведения. При этом отметим, проведенные нами архивные разыскания подтверждают, что этот вариант места рождения является неправдоподобным, поскольку не находит прямого подтверждения среди имеющихся документальных материалов ученого.

Юность Г. П. Вейсберга была связана с увлечением политической деятельностью и желанием стать причастным к активной работе партий левого толка той поры. К началу XX столетия он, будучи по-революционному настроенным молодым человеком, вдохновленным марксистскими идеями, занялся агитационной работой среди рабочих Полтавской губернии. В 1903 году Г. П. Вейсберг примкнул к деятельности Российской социал-демократической рабочей партии (далее – РСДРП) [17, л. 25]. Излишняя активность на этом поприще, послужила поводом для его ареста. В конце 1903 года Григорий Петрович был заключен в тюрьму города Прилуки Полтавской губернии сроком на 8 месяцев. После освобождения и вплоть до 1905 года продолжал пропагандистскую и агитаторскую работу в Прилуках, что послужило основанием для его административной высылки в Курскую губернию.



*Одна из выставок музея при Санатории-школе для дефективных детей, которым в 1910–1914 годы руководил Г. П. Вейсберг*

С началом Первой русской революции являлся членом Киевского комитета РСДРП, при котором продолжил заниматься агитационной работой. В 1906–1907 годы был вовлечен в партийную работу на территории Белгорода, Харькова, Волчанска и Екатеринослава. В 1908 году Вейсберг повторно арестован в Волчанске по обвинению в мятежных проявлениях и участии в преступных сообществах, которые заведомо имели своей целью ниспровержение существующего в российском государстве общественного строя. В итоге, он был осужден по статьям 125 и 126 Уголовного уложения 1903 года, проведя в заключении 1 год и 6 месяцев, после чего выслан под надзор в Белгород [17, л. 25 об.]. После выхода на свободу, поступил

учиться в Московский университет, при этом, вплоть до 1910 года занимался организацией агитационной работы среди студенчества Харькова, Киева и Москвы.

К этому же периоду относятся и первые шаги Г. П. Вейсберга в области педагогики. В 1910 году, будучи студентом Московского университета, он занял должность воспитателя в Санатории-школе для дефективных детей, которая была открыта на окраинах Москвы в 1908 году профессором Всеволодом Петровичем Кащенко (1870–1943). Опыт работы в учреждении, безусловно, имел определяющее значение в становлении Г. П. Вейсберга в качестве педагога-профессионала. Посетивший эту школу в 1912 году один из основателей отечественной олигофренопедагогики Алексей Николаевич Граборов (1885–1949) в своих воспоминаниях писал: «Что меня поразило в мой первый приезд в школу-санаторий В. П. Кащенко – это глубоко продуманная система работы: это тот исследовательский дух, которым была проникнута вся деятельность школы-санатория, поразительное умение Всеволода Петровича заставлять своих сотрудников думать, искать, исследовать, тщательно собирать опыт» [18]. Григорий Петрович работал воспитателем вплоть до 1914 года, а также руководил музеем при Санатории-школе.



*Георгий Иванович Челпанов*

В 1912 году Г. П. Вейсберг окончил юридический факультет Московского университета, после чего на протяжении года продолжал обучение в только что открытом, благодаря стараниям профессора Георгия Ивановича Челпанова (1862–1936), Психологическом институте при Московском университете [17, л. 4]. В 1913 году совмещал учебу с выполнением различных партийных поручений в Москве, на Кавказе и в Закавказье. По завершении обучения, получил квалификацию юриста-педагога и социолога, а также освоил немецкий и французский языки.

В 1914 году Г. П. Вейсберг сменил место работы, став попечителем Московского детского суда [19], а также состоял помощником присяжного поверенного Московской судебной палаты [17, л. 2]. С 1915 по 1917 годы заведовал культурно-просветительским отделом Киевского

рабочего кооператива «Жизнь», руководил книгоиздательством и являлся главным редактором при типографии кооператива, а также занимался преподавательской деятельностью в киевской школе для взрослых [17, л. 26]. Все эти годы жизни в Москве и Киеве были сопряжены с активной партийной работой, поскольку он продолжал осуществлять агитационную и пропагандистскую деятельность.

События Великой российской революции 1917 года застали Григория Петровича в Киеве. В этом же году он его покинул и переехал в Белгород, где присоединился к

группе левой интеллигенции, сочувствовавшей Советской власти. С 1917 года и вплоть до наступления войск А. И. Деникина на Белгород, являлся членом комитета уездного отдела народного образования. В 1918–1919 годы входил в состав комитета и бюро местной объединенной организации РСДРП. Здесь же примкнул к группе левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Весной 1918 года на Белгородчине разворачивались драматические события. К апрелю германские войска заняли Белгород, передав его под контроль марионеточной украинской «державы» во главе с Павлом Скоропадским. Под нажимом сложившихся обстоятельств, Г. П. Вейсберг вместе с отступающими частями Красной гвардии вынужден был покинуть город.

Перебравшись в июне 1918 года в Орёл, был назначен членом коллегии губернского отдела народного образования и начальником культурно-просветительского отдела Орловского военного округа [17, л. 4 об.]. Здесь же у Григория Петровича происходит смена политических воззрений, поскольку в начале 1919 года он решил покинуть группу левых интернационалистов, после чего был принят орловской партийной ячейкой в ряды Российской коммунистической партии (большевиков) (далее – РКП(б)), получив членский билет под номер 244208. Непродолжительное время являлся лектором Орловского пролетарского университета, открытого в октябре 1918 года решением отдела народного образования Орловского Губисполкома. В этот период Г. П. Вейсберг был причастен к работе секретариатов и уездных комитетов РКП(б) Орла и Раненбурга<sup>1</sup>, проводя среди личного состава агитаторскую и разъяснительную работу [17, л. 25 об.]. В связи с занимаемым положением в местной системе просвещения, Григорий Петрович был делегирован на Первый Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию, который проходил в Москве с 25 апреля по 4 мая 1919 года [20], а затем на Первый Всероссийский съезд по внешкольному образованию, работа которого проходила в столице 5–19 мая того же года.

В декабре 1919 года войска Добровольческой армии оставили Белгород, после чего там была восстановлена Советская власть. Г. П. Вейсберг вернулся в город, где был назначен начальником отдела дошкольного образования, а затем переведен на должность заместителя заведующего уездным отделом народного образования. В июле 1920 года он возглавил белгородский уездный отдел народного образования, сменив на этой должности своего бывшего начальника Германа Федоровича Линсера (1874–1946). Ключевое внимание в своей деятельности, Г. П. Вейсберг уделял решению вопроса с беспризорностью в губернии, открытию новых детских домов, пытаясь найти средства на их содержание. Григорий Петрович регулярно читал лекции по краеведению в местных учебных заведениях. С марта по июль 1920 года он возглавлял городской партийный комитет и непродолжительное время находился во главе Белгородского уездного исполкома РКП(б), являясь при этом редактором «Известий Белгородского уисполкома и укома РКП(б)». Несмотря на высокую загруженность управленческими, партийными и общественными делами,

---

<sup>1</sup> Ныне – г. Чаплыгин Липецкой области Российской Федерации.

Г. П. Вейсберг не оставлял педагогическую деятельность: читал лекции по социологии в Белгородском педагогическом институте, а после его реорганизации в Институт народного образования – значился в преподавательском штате.

К этому же времени относятся и его начинания на научном поприще. В «Анкете для ответственных работников», которая датируется 1921 годом, отмечал, что также ранее «писал статьи публицист[ического] и критико-библиог[рафического] содержания в газетах, журналах. Составлял воззвания, есть работы: «Учение о м[...]»<sup>1</sup> в связи с уголовн[ым] правом», «Влияние среды на организац[ию] детской психики и пр.» [17, л. 4 об.], а также «Система нар[одного] образ[ования] в СССР» [17, л. 26].



*Студенты и преподаватели Центрального института организаторов народного просвещения имени Е. А. Литкенса. Во втором ряду (слева направо) девятый – Г. П. Вейсберг. 1924 год*

С 1921 года начинается непродолжительный, однако, насыщенный яркими событиями, московский период в биографии Г. П. Вейсберга. После того, как его перевели на работу в столицу, Григорий Петрович принялся за внедрение своих новаторских идей в педагогическую жизнь молодой советской республики, продолжая заниматься партийной деятельностью при Московском комитете РКП(б) [17, л. 5]. В начале 1921 года постановлением Наркомпроса РСФСР при Главном управлении профессионального образования РСФСР был образован Центральный

<sup>1</sup> Фрагмент текста утрачен.

институт инструкторов-организаторов народного просвещения (с 1922 года – Центральный институт организаторов народного просвещения имени Е. А. Литкенса), который фактически начал функционировать с 10 июня того же года [21]. Г. П. Вейсберг был сразу же привлечен к работе института и назначен на должность ректора. Высшее учебное заведение занялось подготовкой организаторов-администраторов по всем отраслям народного образования (инспекторов, инструкторов, заведующих отделами и т. п.) в период реформы учебного процесса, реорганизации школы и учебных заведений. В деятельности института, по мнению Григория Петровича, «помимо чисто практической цели – дать стране инженеров народного образования, – преследовалась и теоретическая – кристаллизация организационного опыта для правильного и научного построения органов народного образования в республике», таким образом, институт планировали сделать «не только лабораторией Наркомпроса, но и его консультантом» [22].

Г. П. Вейсберг возглавлял институт вплоть до 1924 года, когда постановлениями Совнаркома СССР и Наркомпроса РСФСР он был ликвидирован с передачей функций Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской. В учреждении Григорий Петрович занимался лекторской работой, вопросами политического просвещения, а также взял шефство над студентами первого курса. Он способствовал открытию при институте Московского отделения Всероссийского союза учителей-интернационалистов, став его председателем [17, л. 26 об.].

К началу 1920-х годов относится стремительный карьерный рост Г. П. Вейсберга на ниве формирующейся советской системы образования. С 1921 по 1924 годы он являлся заместителем заведующего Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей (далее – Главсоцвос) Наркомата просвещения РСФСР [23, с. 55], а также начальником общего отдела данного учреждения [24]. В июле 1922 года Григорий Петрович временно исполнял обязанности заведующего Главсоцвоса [25]. В 1922–1925 годы являлся членом Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР [26, л. 1–2]. В первой половине 1920-х годов стал постоянным участником (должность обязывала!) всевозможных съездов, конференций и собраний, организуемых Наркомпросом РСФСР и посвященных вопросам развития советской системы образования [17, л. 26]. С 22 по 29 сентября 1921 года являлся делегатом проходившего в Москве II Всероссийского съезда губернских отделов народного образования. В ходе его работы поднимались вопросы, являвшиеся проблемными для образования в реалиях Новой экономической политики, рассматривалась деятельность Наркомпроса, Главсоцвоса, Главпрофобра, Главполитпросвета, Пролеткульта и других государственных институтов, так или иначе связанных с системой просвещения [27]. Уже в 1922 году Григорий Петрович был делегирован на Первую Всероссийскую конференцию заведующих губернскими Соцвосами, проходившую в Москве 2–5 мая. Мероприятие стало ключевым в деле постановки как методологических задач, так и конкретизации педагогических вопросов, стоявших перед народным просвещением. Делегаты конференции представляли 35 губерний, 12 автономных областей и республик, а также культотделы различных профсоюзов. В ходе ее проведения заведующий

Главсоцвосом Наркомата просвещения РСФСР Николай Николаевич Иорданский (1863–1941) и Г. П. Вейсберг, являвшийся его заместителем, уделили главное внимание вопросу изыскания средств на нужды социального воспитания. Участниками же съезда отмечалось, что «тов. Вейсберг подошел к решению вопроса о бюджете с цифрами. По его сообщению, вся смета Н.К.П., кроме Украины, равняется 45.397.982 руб. Из этой суммы на Главсоцвос приходится всего 9.621.750 руб. Этого недостаточно даже для содержания одной школы на волость. Наркомпрос настаивает на том, чтобы государство приняло на свое содержание не 45 тыс. работников соцвоса, а по крайней мере 100 тыс. Лишь тогда будет обеспечена хотя бы одной школой каждая волость, 20-ю школами с центра республики – Москва и Петроград, 10 учреждениями (с 7-ю рабочими единицами в каждом учреждении) – более крупные промышленные центры и тремя школами (с 6 рабочими единицами в каждой), остальные (примерно 44), губернские города. По три школы должны сохранить за государственный счет голодающие уездные города. В общей сложности это даст 29.688 рабочих единиц в школах и 70.312 рабочих единиц в учреждениях (школьных и дошкольных) интернатского типа и учреждениях соц. правовой охраны несовершеннолетних и воспитания дефективных. Вот тот максимум государственных средств, на который можно рассчитывать при самых благоприятных условиях» [28]. Отметим, что на протяжении всего 1922 года Г. П. Вейсберг неоднократно поднимал вопрос о необходимости выделения дополнительных средств на нужды системы образования.



*Николай Николаевич Иорданский*

11–16 марта 1923 года в Москве состоялся Второй Всероссийский съезд заведующих Губсоцвосами [29]. Г. П. Вейсберг, наряду с новым заведующим Главсоцвосом НКП РСФСР О. Л. Бемом, сменившим на этом посту Н. Н. Иорданского, заведующим отделом социального воспитания Московского ГорОНО П. Н. Шимбирёвым, заведующей Петроградским Губсоцвосом З. И. Лилиной (Бернштейн), представителем ЦК Российского коммунистического союза молодежи А. П. Шохиным и педагогом К. И. Савельевой, был избран в состав Президиума съезда. Его работу открыл вступительной речью нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский, в которой обозначил общегосударственные задачи в области просвещения и вопросы, стоящие перед съездом. 12 марта, в ходе работы пленарного заседания, делегатами были заслушаны доклады О. Л. Бема

«Общая политика Главсоцвоса» и Г. П. Вейсберга «Организационные вопросы»<sup>1</sup>. Григорий Петрович в своем заключительном слове по итогам обсуждения доклада, детально остановился на вопросе об осуществлении всеобщего обучения, как конечной цели работы сетевых комиссий. Он отмечал, что «при обсуждении вопроса и сроке реализации его, Главсоцвос и Центр. Статист. Управление определяли приблизительно 15 лет. Уточнение статистических данных необходимо, но и имеющиеся цифры дают возможность приступить к работе; дальнейшее уточнение цифр пойдет в процессе работы» [30, с. 142]. Материалы съездов и конференций позволяют понять, насколько скрупулезно Г. П. Вейсберг подходил к повестке дня и решению вопросов, которые перед ним, как организатором системы образования, были поставлены.



*Бюллетень III Всероссийского съезда заведующих губернскими отделами народного образования, г. Москва, 12–17 октября 1922 года*

<sup>1</sup> Под таким названием доклад упомянут в отчете по итогам работы съезда [30, с. 141]. Также на страницах журнала «Народное просвещение» был опубликован полный текст доклада Г. П. Вейсберга под названием «Наши организационные задачи» [31]. Однако, в резолюциях съезда он поименован «Об организационных задачах Главсоцвоса» [30, с. 172].



*Отто Людвигович Бем*

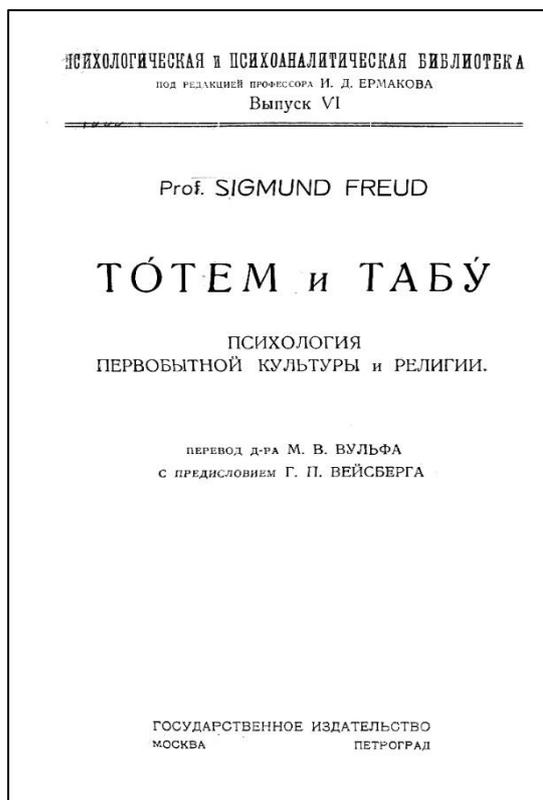
Эти же материалы позволяют восстановить понимание о составе участников, содержании докладов и ключевых вопросах, поднимавшихся в ходе их работы. Так, например, на III-м Всероссийском съезде заведующих ГубОНО, проходившем в Москве с 12 по 17 октября 1922 года, Г. П. Вейсберг выступил с докладом, в котором разобрал суть «Положения об организации социального воспитания в РСФСР» [32]. Его доклад стал одним из четырех запланированных в секции социального воспитания и вопросов общественной инициативы. После выступления Григория Петровича, заведующий Главсоцвосом НКП РСФСР Отто Людвигович Бем (1892–1938) разъяснил участникам секции содержание «Постановления о введении платы за обучение в школах II ступени», а заместитель наркома просвещения РСФСР Зиновий Яковлевич

Маркович – «Инструкцию по вопросу о допущении общественной и частной инициативы» в образовании и общие положения «Устава Общества просвещения».

В 1922 году Г. П. Вейсберг вошел в инициативную группу ученых и общественных деятелей (Белобородов Л. Я., Блонский П. П., Воронский А. В., Вульф М. В., Габричевский А. Г., Гливенко И. И., Ермаков И. Д., Каннабих Ю. В., Невский В. И., Сидоров А. А., Успенский Н. Е., Шацкий С. Т., Шмидт О. Ю.), стоявшую у истоков создания Русского психоаналитического общества [33]. Григорий Петрович состоял в обществе вплоть до его закрытия в 1930 году [34]. Он принял деятельное участие в подготовке к изданию в 1923 году [17, л. 4 об.] перевода с немецкого на русский язык книги Зигмунда Фрейда «Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии» [35]. Перевод текста осуществил один из членов-основателей Русского психоаналитического общества, профессор медицинской клиники при Московском университете Моисей Владимирович Вульф (1878–1971), который впоследствии стал президентом Общества. Г. П. Вейсберг подготовил предисловие к изданию, в котором подробно проанализировал работу Фрейда [36]. Книга была издана в серии «Психологическая и психоаналитическая библиотека», главным редактором которой являлся участник инициативной группы основателей Общества, директор Государственного психоаналитического института Иван Дмитриевич Ермаков (1871–1942).

Первая половина 1924 года так охарактеризована русским художником Валентином Ильичом Воробьевым в биографии ученого: «Год 1924-й. Если не

считать смерти В. И. Ленина, ничего хрестоматийного, разве что в семье молодого педагога Григория Петровича Вейсберга родился сын Володя<sup>1</sup>.



*Титульная страница книги «Тотем и табу: психология первобытной культуры и религии» Зигмунда Фрейда. Перевод М. В. Вульфа, с предисловием Г. П. Вейсберга. 1923 год*

Мать, Мария Яковлевна<sup>2</sup>, из сибирской семьи Бурцевых, – библиотекарь в Институте труда и гигиены. Адрес: Спиридоновка, особняк модной архитектуры, реквизируемый у банкира С. П. Рябушинского» [37]. В этом же году начинается сибирский период деятельности Г. П. Вейсберга. 1 сентября он был направлен в

---

<sup>1</sup> Вейсберг Владимир Григорьевич (1924–1985) – теоретик искусства, советский художник, работавший в направлении «неофициального искусства». Являлся членом художественного объединения «Девять» («Группа девяти»). С 1959 по 1984 год преподавал живопись в студии Института повышения квалификации Союза архитекторов СССР. С 1961 года – член Московского отделения Союза художников РСФСР. С 1964 по 1966 год преподавал на курсах телевидения Москвы.

<sup>2</sup> Автор ошибочно указал неверное имя. Настоящее имя матери В. Г. Вейсберга – Анна Яковлевна Вейсберг (Бурцева).

Новониколаевск<sup>1</sup> на должность заместителя заведующего Сибирским отделом народного образования. Имеющийся опыт в этом направлении деятельности позволил Григорию Петровичу в короткий срок занять должность заведующего краевым Соцвосом, возглавляя его вплоть до 1 октября 1925 года [26, л. 1–2]. Со второй половины 1924 года он также вошел в состав редакционной коллегии «Сибирского педагогического журнала», выходявшего один раз в два месяца в Сибирском областном государственном издательстве. Над содержанием издания Григорий Петрович трудился совместно с Н. Венгровым<sup>2</sup> и И. Л. Смирновым, а к середине 1925 года занял должность ответственного редактора. С начала 1926 года журнал получил новое название – «Просвещение Сибири» и стал ежемесячным, оставаясь печатным органом Сибирского краевого отдела народного образования и Сибирского краевого отдела Союза работников просвещения. Г. П. Вейсберг до апреля 1926 года находился в должности ответственного редактора издания.

В первой половине 1920-х годов на территории Сибири проходил процесс реформирования системы народного образования, в который был вовлечен и Григорий Петрович. Постепенно наладилась методическая работа в образовательных организациях. На должном уровне она была поставлена в Томске, Омске, Кузнецке, Новосибирске, отчасти в Бийске, Красноярске и Барнауле. Г. П. Вейсберг регулярно посещал сельские школы региона, пытался выстроить такую систему работы, которая позволила бы внедрить комплексные программы Государственного ученого совета, проводил инспекции сельских изб-читален [38]. Им были предприняты попытки наладить работу летней школы в сибирской деревне [39]. Однако, как отмечал сам Григорий Петрович, «вопрос о ней упирается в экономические и бытовые стороны деревенской жизни, которая упорно заставляет ребят бросать летом школьные занятия и превращает их на это время в необходимую для семьи рабочую силу. Всякие попытки использовать летнее время для каких-либо занятий заранее обрекаются на неудачу. Экскурсии в “природу”, “опытные” школьные огороды, “показательные” участки и другие “методы” летней школы в деревне только раздражают крестьянство. – “Ну, что толку от такой школы?.. Ребята зря время теряют... Учиться нужно зимой... Тут по хозяйству помощь нужна, а их заставляют никчемное дело делать...”» [39, с. 11]. При этом он продолжал теоретические разработки в данном направлении, в частности, отстаивал идею внедрения «метода проектов» в работу сельских школ.

В преддверии первой сессии краевого методического совета, назначенной на 23–28 марта 1926 года, Г. П. Вейсберг на страницах журнала «Просвещение Сибири» обозначил наиболее острые вопросы, которые планировали поднять в ходе предстоящего мероприятия [40]. К таковым он отнес рабочий план Сибирского методического совета, изданный в 1925 году и переработанный на основе учета опыта применения его в различных округах края. Остро стоял вопрос о городских школах I и II ступеней, семилетках, поскольку все эти учреждения нуждались в собственном

---

<sup>1</sup> Ныне – г. Новосибирск.

<sup>2</sup> Псевдоним. Настоящее имя – Вейнгов Моисей Павлович (1894–1962).

**У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ:  
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ Г. П. ВЕЙСБЕРГА**

рабочем плане, а также о программе для наименованных школ северных народностей. По итогам проведенной сессии, Г. П. Вейсберг констатировал, что она «не только подвела итоги большой методической работе массовых просвещенческих учреждений и их направляющих органов (районных методических комиссий, окружных методических бюро и Краевую центра), не только сделала соответствующие организационные выводы, но поставила и разрешила целый ряд основных вопросов, которые до настоящего времени мучали громадную массу просвещенцев» [41]. Сессией был также проработан поставленный на рассмотрение план работы избитален, одобрены мероприятия по организации летней школы, вопрос же о краеведческой книге с большой живостью обсуждался в ходе заседания как пленума, так и комиссии.



*Журнал «Народное просвещение» Наркомпроса РСФСР*

Находясь в Новониколаевске, Г. П. Вейсберг продолжил публикацию собственных научных разработок на страницах местной периодики, был причастен к составлению методических, справочных, учебных изданий педагогической направленности. Ученый-педагог всячески пытался внедрить новейшие достижения



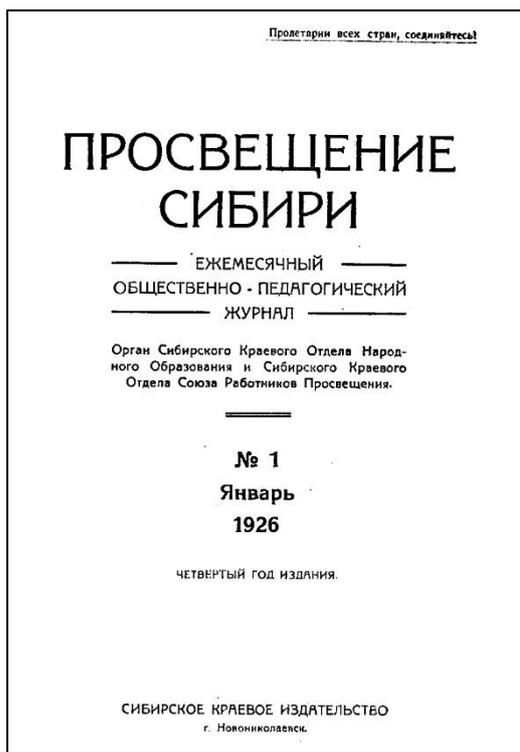
*Анна Яковлевна Вейсберг  
(Бурцева). Супруга Г. П. Вейсберга.  
Из фондов РГАЛИ*

молодой советской педагогики в образовательное пространство Сибири. В 1924 году в ежемесячном журнале критики, библиографии и книговедения «Книжная полка» им был опубликован обзор новой педагогической литературы для учителей. Григорий Петрович дал подробный анализ литературе, изданной за текущий год как столичными издательствами (Рюлле О. «Ребенок и среда», Шульгин В. Н. «Основные вопросы социального воспитания», Струминский В. Я. «Хрестоматия по основным вопросам теории и практики трудовой школы», Покровский М. Н. «Марксизм в школе» и др.), так и местными – сибирскими («Сборник материалов и статей по вопросам школ крестьянской молодежи» под редакцией И. Л. Смирнова, сборник статей «Школа советской деревни» и др.) [42]. Здесь же он поместил отдельную рецензию на сборник речей и статей В. И. Ленина «Заветы Ленина в области народного просвещения», составленный Н. К. Крупской [43], сборник статей и материалов

«О комплексном преподавании: методические письма Научно-педагогической секции ГУСа Главсоцвоса» [44], а также на книги А. А. Карельских «Через школу в организации крестьянского хозяйства» [45] и О. В. Трахтенберга «Беседы с учителем по историческому материализму» [46]. По мнению рецензента, современный советский учитель должен был сосредоточить максимальное внимание на «той литературе, которая освещает вопросы новой школы. Он должен быть в курсе того материала, который выпускается в свет различными издательствами, он должен следить за библиографией и рецензией и хорошо разбираться в различных течениях педагогической мысли» [47]. Во втором, декабрьском, номере «Книжной полки», который посвятили первой годовщине со дня смерти В. И. Ленина, Г. П. Вейсбергом был дан очерк той литературе в память о «вожде мирового пролетариата», которая выходила из печати на протяжении 1924 года [48].

Просветительскую активность Г. П. Вейсберга обнаруживаем и на страницах редактируемого им «Сибирского педагогического журнала». Например, в ноябрьском номере за 1924 год, он поместил рецензии на книжные педагогические новинки. Одна из них посвящена изданию «Основные вопросы социального воспитания» [49], автором которого являлся директор Института методов школьной работы, член научно-педагогической секции Государственного ученого совета, известный советский педагог-историк Виктор Николаевич Шульгин (1894–1965). Как отметил Григорий Петрович, эта книга стала возможной благодаря продолжительной коллективной работе Института Коммунистического воспитания, а в «нашей педагогической литературе, пожалуй, никем, за исключением Н. К. Крупской, не

ставился в такой ясной и отчетливой форме вопрос о целях воспитания» [49, с. 87]. Здесь же опубликована его рецензия и на книгу ленинградского педагога Ивана Александровича Челюсткина (1874–1937) «Методы работы в трудовой школе» [50]. Изданию была дана весьма критическая оценка. Например, Г. П. Вейсберг отмечал, что автор «<...> не рассматривает работу школы под углом зрения единого целостного учебно-воспитательного процесса <...>; признак материальности считает основным признаком трудовой школы; <...> незнаком с существующей практикой некоторых наших школ, проделавших в этом направлении довольно значительную работу <...>» [50, с. 89]. Тем не менее, рецензент пришел к выводу, что советскому педагогу «нужно научиться пользоваться и такими книгами» [50, с. 90].



*Журнал «Просвещение Сибири», вышедший в 1926 году под редакцией Г. П. Вейсберга*

Уже для следующего, декабрьского, номера «Сибирского педагогического журнала» Г. П. Вейсберг подготовил обзор литературы по вопросам социально-правовой охраны несовершеннолетних и воспитания дефективных [51]. Этой проблеме долгое время в советский периодике не уделялось должного внимания. Небольшая библиографическая заметка Григория Петровича включала основные

книжные новинки той поры по заявленной выше проблеме: «Справочник по вопросам социально-правовой охраны несовершеннолетних и детской дефективности» А. С. Грибоедова и С. М. Биргера [52], методическое письмо «Детская беспризорность и новые формы борьбы с нею» Е. С. Лившиц [53], «Социально-правовая охрана детства за границей и в России» М. Н. Гернета [54] и др.

В первом номере «Сибирского педагогического журнала» за 1925 год Г. П. Вейсберг дал подробный обзор новым изданиям педологической литературы, акцентировав внимание на работах советских педагогов Луизы Карловны Шлегер, Клары Павловны Веселовский, Ивана Васильевича Эвергетова и др. [55]. На страницах этого же издания Григорий Петрович вел и научную полемику. В частности, он обрушился с критикой на содержание статьи «Детдвижение и школа» [56], парируя сибирскому педагогу И. Л. Смирнову, издавшему материал под псевдонимом «N-ский». Григорий Петрович в своей критической статье [57] настаивал на том, что автор «протаскивает социальную природу детских движений и детские социальные интересы», и совершенно забывает о классовости этого социально-экономического явления – «классовая природа детдвижения подменяется “социальной природой детского движения”» [57, с. 89]. Таким образом, по его мнению, И. Л. Смирнов заблуждался в возможности слияния школы и пионерской организации, как в программном, так и организационном отношениях.

Находясь в составе редколлегии «Сибирского педагогического журнала», Г. П. Вейсберг продолжал знакомить педагогическое сообщество региона с книжными новинками. Для мартовского номера за 1925 год подготовил развернутый обзор сборников статей «Трудовая школа в деревне: практика проведения школьной работы с сельскохозяйственным уклоном в 3-й, Гагинской, опытной станции Наркомпроса» [58], редактором и составителем которого являлся педагог Александр Семенович Толстов, а также – «Дошкольная работа в деревне», под редакцией заведующей отделом дошкольного воспитания Наркомпроса РСФСР Марфы Митрофановны Виленской [59].

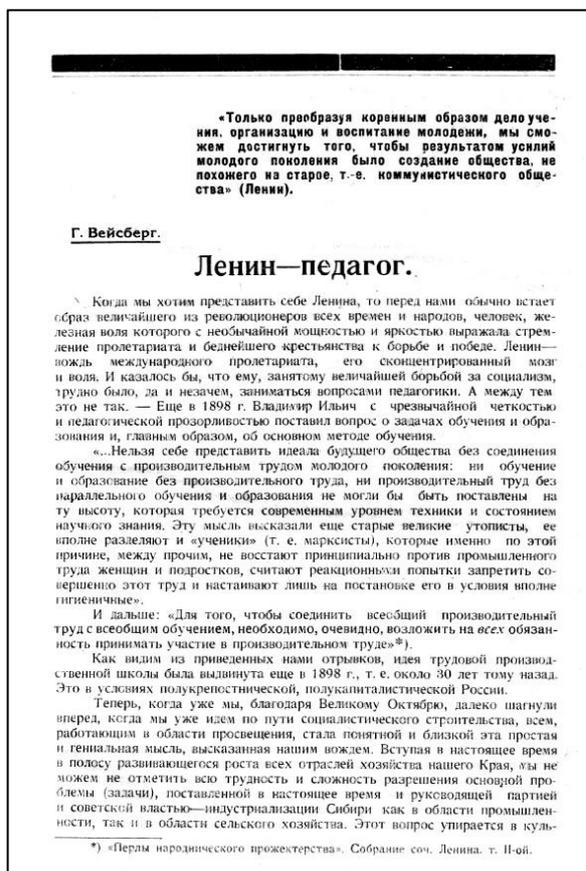
В этот период Г. П. Вейсберг установил тесные дружеские и деловые контакты с заведующим Комитетом профессионально-технического образования СибОНО и научным секретарем Краевого методического совета Николаем Ксаверьевичем Бауманом (1884–?). К 1925 году ими была подготовлена к печати и издана книга для работы в III и IV группах сибирской массовой школы «Наш край» [60]. Издание оказалось весьма востребованным среди учителей и учащихся массовой сибирской школы, поскольку носило актуальный и общественно-полезный характер [61]. Второй, стереотипный, выпуск книги был осуществлен в этом же году в Новониколаевске и Омске [62]. В 1926 году вышло третье издание, отличавшееся от первых двух небольшими изменениями в расположении материала, а также увеличением количества художественного материала [63].

В честь празднования 20-летия Первой российской революции 1905–1907 годов, Краевым методическим советом при СибОНО был издан сборник материалов для сельских просветительских учреждений «1905-й год в Сибири» [64]. Деятельное

участие в его составлении приняли Г. П. Вейсберг, И. С. Воробьев и Г. М. Пушкарёв. Ими была подготовлена подробная историческая справка о развертывании революционного движения на территории Сибири в 1905 году и подобрана художественная литература, посвященная данному вопросу. В этом же году на страницах сибирского библиографического издания «Книжная полка» Г. П. Вейсбергом был опубликован обзор книг по истории Парижской коммуны, которые рекомендовалось использовать для пополнения фондов местных сельских изб-читален [65]. Также интерес вызывает опубликованная им в этом же номере подборка изданий о Л. Д. Троцком и троцкизме [66]. Причем он охарактеризовал лишь те издания, которые в 1924 – начале 1925 годов появились на книжных рынках Сибири. Содержание обзора позволяет понять, что к тому времени Г. П. Вейсберг имел явные антитроцкистские взгляды.

Во второй половине 1920-х годов Григория Петровича, по-прежнему, продолжали привлекать к работе над педагогическими изданиями Московского отдела народного образования. В 1925 году он, в составе планово-методического совета столичного ОНО, занимался редактированием книги советского педагога Дмитрия Николаевича Кропотова «Бюджет времени учителя» [67]. Уже в следующем году был причастен к составлению сборника статей и материалов из опыта клубной работы в массовой школе [68]. Работа над изданием проходила при непосредственном участии сотрудников Центральной педагогической лаборатории Московского отдела народного образования, а редактирование полученных материалов было поручено видным педагогам, организаторам советской системы образования (Н. М. Шульман, Ф. Г. Моночиненков и др.), к каковым относился и сам Григорий Петрович. В 1926 году для январского номера журнала «Просвещение Сибири» им был подготовлен очерк «Ленин – педагог» [69], посвященный второй годовщине со дня смерти В. И. Ленина. На страницах этого же издания Вейсберг регулярно помещал обзоры книжных новинок. Так, в 1926 году он дал рецензию на книгу известного советского педагога-экспериментатора Станислава Теофиловича Шацкого (1878–1934) «Изучение жизни и участие в ней: к программам ГУСа» [70]. Григорий Петрович обозначил ее громадное практическое значение для советской системы образования, сделав акцент и на отдельных недочетах. Например, он указывал что автор «ни единым звуком не обмолвился о коммунистическом детском движении, о пионерах, которые и в жизни школы, и в общественной, и в бытовой жизни страны могут и должны играть большую роль. <...> При таких условиях, которые рисует нам Шацкий, когда школа только поддерживает детскую инициативу в создании массового детского движения, задача, которая стоит перед советским просвещением не может быть выполнена» [70, с. 91]. Однако рецензент пришел к выводу о том, что данная брошюра «должна быть у каждого учителя, у каждого просвещенца» [70, с. 91]. В том же номере журнала «Просвещение Сибири» помещена рецензия Г. П. Вейсберга на только что вышедший журнал Северо-Кавказского краевого отдела народного образования «Вопросы просвещения» [71]. Им была дана позитивная оценка этому периодическому изданию, отмечено его качественное содержание и актуальность статей советских педагогов П. А. Соколова,

В. В. Кегеля, В. Н. Шульгина и др. Завершает рубрику «Критика и библиография» второго номера «Просвещения Сибири» за 1926 год аннотированная подборка изданий, посвященных истории Парижской коммуны [72], которая была доработана Г. П. Вейсбергом на основе ранее изданного им же материала на страницах «Книжной полки».



### Статья Г. П. Вейсберга «Ленин – педагог» («Просвещение Сибири». 1926. № 1)

На протяжении 1927 года Г. П. Вейсберга неоднократно привлекали к редакторской работе над столичными педагогическими изданиями методического содержания [73]. В этом же году была опубликована хрестоматия «Сибирь в художественной литературе» [74], над которой известный советский писатель и драматург, заведующий издательским отделом Сибкрайиздата Глеб Михайлович Пушкарёв (1889–1961) трудился совместно с Г. П. Вейсбергом. Научно-педагогической секцией ГУСа издание было допущено для сибирских школ II-й ступени. Выход книги был связан с определенными проблемами, обозначенными

Г. М. Пушкарёвым на страницах художественно-литературного и научно-публицистического журнала «Сибирские огни»:



*Николай Ксаверьевич Бауман*

«В феврале т. г. в ГИЗ'е вышла книга Г. Вейсберга и Г. Пушкарёва «Сибирь в художественной литературе».

Я, как автор и составитель всей книги, кроме ее методической части, должен заявить здесь о том, что книга вышла из печати в совершенно искаженном против оригинала виде.

Из книги выпали такие произведения, непомещение которых граничит с литературной безграмотностью:

Омулевский. – «Шаг за шагом».

Новоселов. – «Беловодье».

Драверт, Вяткин, Ерошин. – «Стихи».

Исаков. – «Недра жизни».

Караваева, Тихменев, Далецкий, Фраерман и др.

Кроме этого, выброшена особо важная и особо

трудная для составителя работа – библиографический указатель литературы. На каждый отдел был дан список литературы с **кратким указанием содержания перечисленных произведений**. По этому указателю учащийся мог сразу найти то произведение, которое нужно ему для работы.

К другим недостаткам отношу небрежность выпуска: вместо Чехова, напечатан Гусев (стр. 176), вместо Урманов – Тупиков, Урманов – Ипатов (стр. 310); произведения Мачтета отнесены к Михееву, Михеевских совсем не помещено (стр. 100).

В стихотворении «Славное море, священный Байкал» в строчке: «Нечего делать, бог счастья послал»... напечатано: «Нечего думать, **чорт** счастья послал» и т. д.

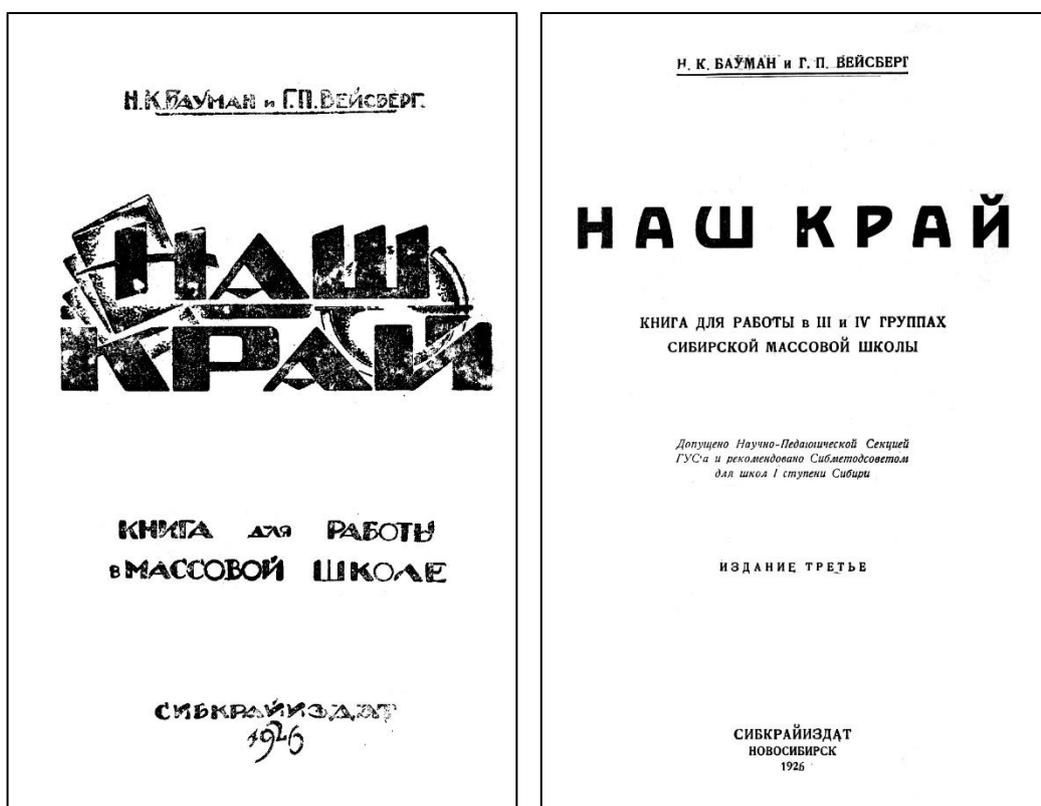
Этим перечислением я хочу подчеркнуть то небрежное отношение к авторам, какое имеется у нас и против чего писатель должен протестовать» [75].

Старания, предпринимаемые Г. П. Вейсбергом на ниве сибирского образовательного пространства, давали свои плоды. Маркером того, что было сделано, в том числе при участии Григория Петровича, служит оценка, данная заместителем Наркома

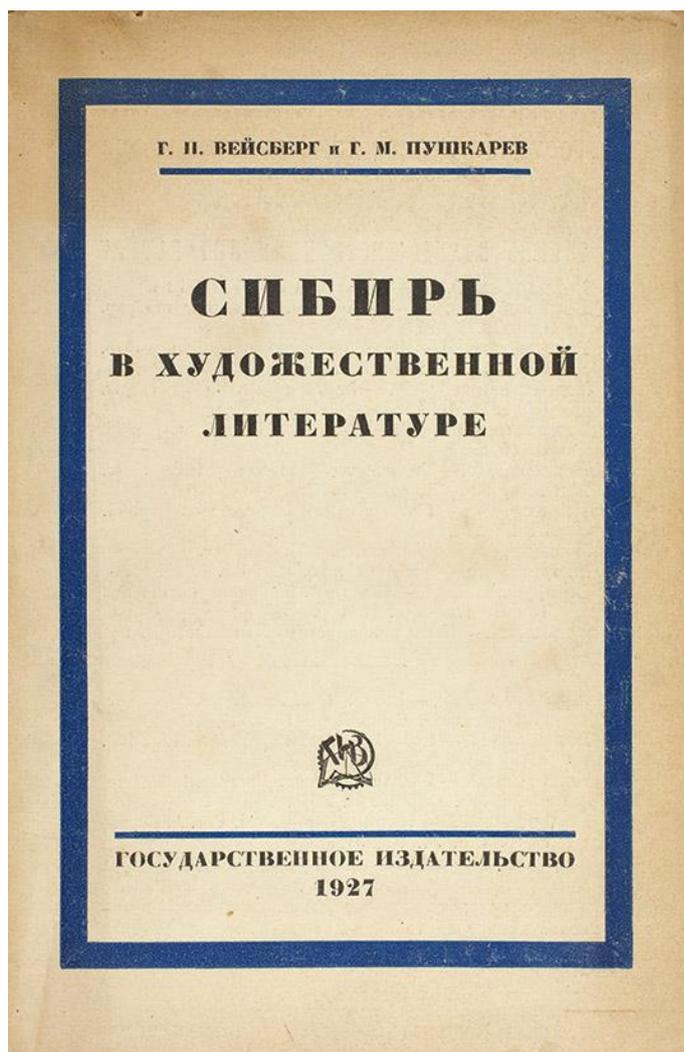


*Глеб Михайлович Пушкарёв*

просвещения РСФСР Варварой Николаевной Яковлевой (1884–1941). Она посетила Новосибирск летом 1927 года для того, чтобы выступить на краевом совещании по просвещению с докладом о работе Наркомпроса. Изучив состояние местной системы образования, В. Н. Яковлева отметила, что «как представительница Наркомпроса, я с удовлетворением констатирую, что за последние два года работа сибирского отдела народного образования значительно укрепилась и во всех отношениях выросла. Удалось привлечь внимание руководящих органов края к вопросам просвещения, удалось настолько увеличить долю участия в краевом и местном бюджете, что в этом отношении Сибирь опередила многие районы и области РСФСР, и мы готовы поставить Сибирь им в пример». Ею также была дана оценка работе журнала «Просвещение Сибири», который «является одним из лучших журналов подобного типа в РСФСР. Он, несомненно, нужен, и росту его тиража следует порадоваться. Хорошо освещаются в нем вопросы массовой школы, чувствуется связь с местами, о чем говорят многочисленные письма самих просвещенцев <...>» [76].



Книга Н. К. Баумана и Г. П. Вейсберга «Наш край»  
(третье издание, 1926 год)



*Хрестоматия Г. П. Вейсберга и Г. М. Пушкарёва «Сибирь в художественной литературе (Москва; Ленинград, 1927 год)*

С 1927 года начинается новый – крымский этап в биографии Г. П. Вейсберга, который был тесным образом сопряжен с руководством ведущим вузом региона – Крымским государственным педагогическим институтом им. М. В. Фрунзе. Здесь он был причастен к формированию интеллектуального ландшафта полуострова: создание Крымского отделения Всесоюзной ассоциацией работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР, руководство



*Варвара Николаевна Яковлева*

Всекрымским бюро секции научных работников и др. В 1930-е годы его деятельность была заметна и в общесоюзном масштабе. Весомую лепту он внес в функционирование Российской Ассоциации научных институтов марксистской педагогики и журнала «Советская педагогика». Однако этот период в его биографии станет предметом самостоятельного исследования.

Таким образом, Г. П. Вейсберга можно отнести к плеяде крупнейших теоретиков и практиков советской педагогики 1920–1930-х годов. Он стоял у истоков внедрения новых форм и методов работы в педагогическое пространство страны Советов. На протяжении всех 1920-х годов, перемещаясь по партийной линии, что обуславливало и его карьерный рост, систематически меняя место жительства и работы (Белгород – Орёл – Москва – Новосибирск), он продолжал заниматься лекторской, педагогической и исследовательской деятельностью. Безусловно, биография и творческое наследие Г. П. Вейсберга требуют дальнейшего изучения и осмысления.

#### Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – 432 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3).  
Nepomnyashhij A. A. Arsenij Markevich: stranicy istorii kry`mskogo kraevedeniya. – Simferopol': Biznes-Inform, 2005. – 432 s. – (Seriya: «Biobibliografiya kry`movedeniya»; vy`p. 3).
2. Непомнящий А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение. – Белгород: Константа, 2018. – 216 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27).  
Nepomnyashhij A. A. Akademik S. F. Platonov i kry`movedenie. – Belgorod: Konstanta, 2018. – 216 s. – (Seriya: «Biobibliografiya kry`movedeniya»; vy`p. 27).
3. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. – Киев: Стило, 2012. – 464 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 15).  
Nepomnyashhij A. A. Professor Nikolaj E`rnst: stranicy istorii kry`mskogo kraevedeniya. – Kiev: Stilos, 2012. – 464 s. – (Seriya: «Biobibliografiya kry`movedeniya»; vy`p. 15).
4. Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: в 3-х т. / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; ред.-сост.: А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин и др. – Белгород: Константа, 2018. – Т. 1. – 404 с.; Т. 2. – 428 с.; Т. 3. – 380 с.  
Professora Kry`mskogo federal`nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: v 3-x t. / Kry`mskij federal`ny`j universitet im. V. I. Vernadskogo; red.-sost.: A. A. Nepomnyashhij, D. A. Lomakin i dr. – Belgorod: Konstanta, 2018. – Т. 1. – 404 s.; Т. 2. – 428 s.; Т. 3. – 380 s.
5. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. – Симферополь, 2006. – Т. 1. – 324 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 7).  
Nepomnyashhij A. A. Podvizhniki krymovedeniya. – Simferopol', 2006. – Т. 1. – 324 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vy`p. 7).

6. Непомнящий А. А. Подвижники кримведения. – Симферополь, 2008. – Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. – 600 с. – (Серия: «Биобиблиография кримведения»; вып. 12).  
Nepomnyashhij A. A. Podvizhniki kry`movedeniya. – Simferopol`, 2008. – Т. 2: TAURICA ORIENTALIA. – 600 s. – (Seriya: «Biobibliografiya kry`movedeniya»; vy`p. 12).
7. Непомнящий А. А. Советская историческая наука в зеркале личных связей: переписка К. Э. Гриневича и С. Ф. Платонова (1927–1929) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 181–193.  
Nepomnyashhij A. A. Sovetskaya istoricheskaya nauka v zerkale lichny`x svyazej: perepiska K. E`. Grinevicha i S. F. Platonova (1927–1929) // Izvestiya Ural`skogo federal`nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarny`e nauki. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 181–193.
8. Непомнящий А. А. «Сделался в Крыму излишним»: перипетии судьбы профессора П. А. Двойченко: по материалам переписки с В. И. Вернадским // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 454–473.  
Nepomnyashhij A. A. «Sdelalsya v Kry`mu izlishnim»: peripetii sud`by` professora P. A. Dvojchenko: po materialam perepiski s V. I. Vernadskim // Nauchny`j dialog. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 454–473.
9. Непомнящий А. А. В. Д. Смирнов – исследователь крымских архивов // Крымское историческое обозрение. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 83–110.  
Nepomnyashhij A. A. V. D. Smirnov – issledovatel` kry`mskix arxivov // Kry`mskoe istoricheskoe obozrenie. – 2024. – Т. 11, № 1. – С. 83–110.
10. Непомнящий А. А. Профессор С. П. Попов: неизвестные страницы биографии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 62–103.  
Nepomnyashhij A. A. Professor S. P. Popov: neizvestny`e stranicy biografii // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 62–103.
11. Непомнящий А. А. «Наблюдается всюду застой, вялость, равнодушие и сонливость»: Крымский университет имени М. В. Фрунзе в первой половине 20-х годов XX столетия по эпистолярному наследию П. А. Двойченко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 23–40.  
Nepomnyashhij A. A. «Nablyudaetsya vsyudu zastoj, vyalost`, ravnodushie i sonlivost`»: Kry`mskij universitet imeni M. V. Frunze v pervoj polovine 20-x godov XX stoletiya po e`pistoljarnomu naslediyu P. A. Dvojchenko // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 23–40.
12. Научные работники Крыма: справочник. – Симферополь: Крымская секция научных работников, 1927. – 10 с.; Наука и научные работники СССР: справочник / Комиссия «Наука и научные работники СССР», под набл. С. Ф. Ольденбурга и Е. Ф. Карского; АН СССР. – Л., 1926–1934.  
Nauchny`e rabotniki Kry`ma: spravochnik. – Simferopol`: Kry`mskaya sekciya nauchny`x rabotnikov, 1927. – 10 s.; Nauka i nauchny`e rabotniki SSSR: spravochnik / Sost. Komissiej «Nauka i nauchny`e rabotniki SSSR», pod nablyudeniem akademika S. F. Ol`denburga i akademika E. F. Karskogo; AN SSSR. – L., 1926–1934.
13. Фомичёв В. На стыке двух эпох // Наш Белгород. – 2024. – № 2(2046). – 19 янв. – С. 13.  
Fomichyov V. Na sty`ke dvux e`rox // Nash Belgorod. – 2024. – № 2(2046). – 19 yanv. – С. 13.
14. Профессора Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: в 3-х т. / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; ред.-сост.: А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин и др. – Белгород: Константа, 2018. – Т. 1. – 404 с.  
Professora Kry`mskogo federal`nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo: v 3-x t. – Т. 1 / Kry`mskij federal`ny`j universitet im. V. I. Vernadskogo; red.-sost.: A. A. Nepomnyashhij, D. A. Lomakin i dr. – Belgorod: KONSTANTA, 2018. – 404 s.
15. Акимченков В. В. «Союз серпа, молота и книги»: Крымское отделение Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР (1928–1937) / Под ред. А. А. Непомнящего; Крымский федеральный университет им.

В. И. Вернадского. – Симферополь: Амирит, 2022. – 256 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 32).

Akimchenkov V. V. «Soyuz serpa, molota i knigi»: Kry`mskoe otdelenie Vsesoyuznoj associacii rabotnikov nauki i texniki dlya sodejstviya socialisticheskomu stroitel`stvu SSSR (1928–1937) / Pod red. A. A. Nepomnyashhego; Kry`mskij federal`ny`j universitet im. V. I. Vernadskogo. – Simferopol`: Amirit, 2022. – 256 s. – (Seriya: «Biobibliografiya kry`movedeniya»; vy`p. 32).

16. Акимченков В. В. Эго-документы как источник для изучения интеллектуального ландшафта Крымской АССР // Актуальные проблемы источниковедения: матер. VI Междунар. научно-практич. конф., Витебск, 23–24 апр. 2021 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 297–299.

Akimchenkov V. V. E`go-dokumenty` kak istochnik dlya izucheniya intellektual`nogo landshafta Kry`mskoj ASSR // Aktual`ny`e problemy` istochnikovedeniya: mater. VI Mezhd. nauchno-praktich. konf., Vitebsk, 23–24 aprelya 2021 g. / Viteb. gos. un-t; redkol.: A. N. Dulov (otv. red.) [i dr.]. – Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova, 2021. – S. 297–299.

17. Государственный архив Российской Федерации, ф. А-2306, оп. 42, д. 158.

Gosudarstvenny`j arxiv Rossijskoj Federacii, f. A-2306, op. 42, d. 158.

18. Степанова М. А. Психология трудного детства: к 150-летию со дня рождения В. П. Кащенко (1870–1943) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2020. – № 3. – С. 239–261.

Stepanova M. A. Psixologiya trudnogo detstva: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya V. P. Kashhenko (1870–1943) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psixologiya. – 2020. – № 3. – S. 239–261.

19. Черкезов Г. Г. Детский суд в Москве и борьба с детской преступностью: деятельность Моск. суда по делам о малолет. за первый год сущест. / С предисл. В. И. Шевелкина. – М.: Тип. «Культура», 1913. – 17 с.

Cherkeзов G. G. Detskij sud v Moskve i bor`ba s detskoju prestupnost`yu: deyatel`nost` Mosk. suda po delam o malolet. za pervy`j god sushhest. / S predisl. V. I. Shevelkina. – M.: Tip. «Kul`tura», 1913. – 17 s.

20. Первый Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию: доклады, протоколы, резолюции. – [М].: Гос. изд-во, 1921. – 224 с.

Pervy`j Vserossijskij s`ezd po doshkol`nomu vospitaniyu: doklady`, protokoly`, rezolyucii. – [M].: Gos. izd-vo, 1921. – 224 s.

21. Вейсберг Г. [П.] На красном фронте народного просвещения // Бюллетень Центрального института инструкторов-организаторов народного просвещения / Под ред. М. Н. Труш. – М., 1921. – № 1. – С. 6–9.

Vejsberg G. [P.] Na krasnom fronte narodnogo prosveshheniya // Byulleten` Central`nogo instituta instruktorov-organizatorov narodnogo prosveshheniya / Pod red. M. N. Trush. – M., 1921. – № 1. – S. 6–9.

22. Вейсберг Г. [П.] Инженеры народного просвещения // Народное просвещение: еженедельник Народного комиссариата по просвещению. – М., 1921. – № 93. – 23 дек. – С. 7–8.

Vejsberg G. [P.] Inzhenery` narodnogo prosveshheniya // Narodnoe prosveshhenie: ezhenedel`nik Narodnogo komissariata po prosveshheniyu. – M., 1921. – № 93. – 23 dek. – S. 7–8.

23. Вся Москва: адресная и справочная книга на 1923 г.: [25-й год изд.]. – М.: Суворин «Новое время», [1923]. – 168 с.

Vsya Moskva: adresnaya i spravochnaya kniga na 1923 g.: [25-j god izd.]. – M.: Suvorin «Novoe vremya», [1923]. – 168 s.

24. Официальный отдел // Народное просвещение: еженедельник Народного комиссариата по просвещению. – М., 1922. – № 104. – 3 июня. – С. 16.

Oficial`ny`j otdel // Narodnoe prosveshhenie: ezhenedel`nik Narodnogo komissariata po prosveshheniyu. – M., 1922. – № 104. – 3 iyunya. – S. 16.

25. Официальный отдел // Народное просвещение: еженедельник Народного комиссариата по просвещению. – М., 1922. – № 107. – 8 июля. – С. 15.

Oficial`ny`j otdel // Narodnoe prosveshhenie: ezhenedel`nik Narodnogo komissariata po prosveshheniyu. – M., 1922. – № 107. – 8 iyulya. – S. 15.

26. Российский государственный архив экономики, ф. 8328, оп. 2, д. 404.

Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv e`konomiki, f. 8328, op. 2, d. 404.

27. Тезисы к докладу Съезда губернских ОНО о выработанных программах для единой трудовой школы I и II ступени / Нар. ком. по просвещению. – М., 1921. – 7 с.  
Tezisy k dokladu S`ezda gubernskix ONO o vy`rabotanny`x programmax dlya edinoj trudovoj shkoly` I i II stupeni / Nar. kom. po prosveshheniyu. – М., 1921. – 7 с.
28. Мудров Н. I Всероссийская конференция Завгубсоцвосом // Народное просвещение: еженедельник Народного комиссариата по просвещению. – М., 1922. – № 103. – 23 мая. – С. 6–7.  
Mudrov N. I Vserossijskaya konferenciya Zavgubsocvosom // Narodnoe prosveshhenie: ezhenedel`nik Narodnogo komissariata po prosveshheniyu. – М., 1922. – № 103. – 23 мая. – С. 6–7.
29. Вейсберг Г. [П.] II Всероссийский съезд Губсоцвосов (11–16 марта 1923 г.) // Коммунистическое Просвещение / Главполитпросвет. – [М.]: [Изд-во «Красная новь»], 1923. – № 2. – С. 161–167  
Vejsberg G. [P.] II Vserossijskij s`ezd Gubsocvosov (11–16 marta 1923 g.) // Kommunisticheskoe Prosveshhenie / Glavpolitprosvet. – [М.]: [Izd-vo «Krasnaya nov`»], 1923. – № 2. – С. 161–167.
30. Отчет о съезде // Народное просвещение. – 1923. – № 4/5. – С. 141–190.  
Otchet o s`ezde // Narodnoe prosveshhenie. – 1923. – № 4/5. – С. 141–190.
31. Вейсберг Г. П. Наши организационные задачи: из доклада на съезде // Народное просвещение. – 1923. – № 4/5. – С. 49–54.  
Vejsberg G. P. Nashi organizacionny`e zadachi: iz doklada na s`ezde // Narodnoe prosveshhenie. – 1923. – № 4/5. – С. 49–54.
32. III-й Всероссийский съезд заведующих Губ. Отд. Нар. Обр.: бюллетень съезда / [Отв. ред. З. Я. Маркович]; Народный комиссариат по просвещению. – [М.], 1922. – № 1. – 13 октября. – С. 1.  
III-j Vserossijskij s`ezd zaveduyushhix Gub. Otd. Nar. Obr.: byulleten` s`ezda / [Otv. red. Z. Ya. Markovich]; Narodny`j komissariat po prosveshheniyu. – [М.], 1922. – № 1. – 13 oktyabrya. – С. 1.
33. Korrespondenzblatt // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse / Offizielles Organ der Internationalen Psychoanalytischen Vereinigung Hg. S. Freud. – Leipzig; Zürich; Wien: Internationaler psychoanalytischer Verlag, 1924. – B. X. – S. 113–115.
34. Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse / Offizielles Organ der Internationalen Psychoanalytischen Vereinigung Hg. S. Freud. – Leipzig; Zürich; Wien: Internationaler psychoanalytischer Verlag, 1930. – B. XVI. – S. 279.
35. Freud S. Тотем и табу: психология первобытной культуры и религии / Пер. М. В. Вульфа с предисл. Г. П. Вейсберга. – М.; П.: Гос. изд-во, [1923]. – 170 с. – (Серия: «Психологическая и психоаналитическая библиотека» под ред. И. Д. Ермакова; вып. 6).  
Freud S. Totem i tabu: psixologiya pervoby`tnoj kul`tury` i religii / Per. M. V. Vul`fa s predisl. G. P. Vejsberga. – М.; П.: Gos. izd-vo, [1923]. – 170 s. – (Seriya: «Psixologicheskaya i psixoanaliticheskaya biblioteka» pod red. I. D. Ermakova; vy`p. 6).
36. Вейсберг Г. [П.] Предисловие // Freud S. Тотем и табу: психология первобытной культуры и религии / Пер. М. В. Вульфа с предисл. Г. П. Вейсберга. – М.; П.: Гос. изд-во, [1923]. – С. 3–10. – (Серия: «Психологическая и психоаналитическая библиотека» под ред. И. Д. Ермакова; вып. 6).  
Vejsberg G. [P.] Predislovie // Freud S. Totem i tabu: psixologiya pervoby`tnoj kul`tury` i religii / Per. M. V. Vul`fa s predisl. G. P. Vejsberga. – М.; П.: Gos. izd-vo, [1923]. – С. 3–10. – (Seriya: «Psixologicheskaya i psixoanaliticheskaya biblioteka» pod red. I. D. Ermakova; vy`p. 6).
37. Воробьев В. [И.] Белое на белом [Электронный ресурс] // Зеркало. – 2010. – № 35. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2010/35/beloe-na-belom.html> (дата обращения: 04.11.2024).  
Vorob`ev V. [I.] Beloe na belom [E`lektronny`j resurs] // Zerkalo. – 2010. – № 35. – Rezhim dostupa: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2010/35/beloe-na-belom.html> (data obrashheniya: 04.11.2024).
38. Вейсберг Г. [П.] Школа в деревне: путевые заметки // Сибирский педагогический журнал. – Новониколаевск, 1925. – № 3. – С. 3–9.  
Vejsberg G. [P.] Shkola v derevne: putevy`e zametki // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – Novonikolaevsk, 1925. – № 3. – С. 3–9.
39. Вейсберг Г. [П.] О летней школе в деревне: к постановке вопроса // Сибирский педагогический журнал. – Новониколаевск, 1925. – № 4. – С. 11–14.

- Vejsberg G. [P.] O letnej shkole v derevne: k postanovke voprosa // Sibirskij pedagogicheskiy zhurnal. – Novonikolaevsk, 1925. – № 4. – S. 11–14.
40. Вейсберг Г. [П.] Очередные вопросы: к 1-ой сессии краевого методического совета // Просвещение Сибири. – Новосибирск, 1926. – № 3. – С. 3–7.
- Vejsberg G. [P.] Ocheredny`e voprosy: k 1-oj sessii kraevogo metodicheskogo soveta // Prosveshhenie Sibiri. – Novosibirsk, 1926. – № 3. – С. 3–7.
41. Вейсберг Г. [П.] К итогам 1-й сессии краевого методического совета, 23–28 марта 1926 года // Просвещение Сибири. – Новосибирск, 1926. – № 4. – С. 8–13.
- Vejsberg G. [P.] K itogam 1-j sessii kraevogo metodicheskogo soveta, 23–28 marta 1926 goda // Prosveshhenie Sibiri. – Novosibirsk, 1926. – № 4. – С. 8–13.
42. Вейсберг Г. [П.] Книги для учителя // Книжная полка. – [Новониколаевск]: Сибкрайиздат, 1924. – № 1. – С. 15–17.
- Vejsberg G. [P.] Knigi dlya uchitelya // Knizhnaya polka. – [Novonikolaevsk]: Sibkrajizdat, 1924. – № 1. – С. 15–17.
43. Вейсберг Г. [П.] [Рецензия] // Книжная полка. – [Новониколаевск]: Сибкрайиздат, 1924. – № 1. – С. 17. – Рец. на кн.: Крупская Н. К. Заветы Ленина в области народного просвещения. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Работник просвещения», 1924. – 33 с.
- Vejsberg G. [P.] [Recenziya] // Knizhnaya polka. – [Novonikolaevsk]: Sibkrajizdat, 1924. – № 1. – С. 17. – Recz. na kn.: Krupskaya N. K. Zavety Lenina v oblasti narodnogo prosveshheniya. – 2-e izd. – M.: Izd-vo «Rabotnik prosveshheniya», 1924. – 33 s.
44. Вейсберг Г. [П.] [Рецензия] // Книжная полка. – [Новониколаевск]: Сибкрайиздат, 1924. – № 1. – С. 17. – Рец. на кн.: О комплексном преподавании: методические письма Научно-педагогической секции ГУСа Главоцвосо. – М.: Изд-во «Работник просвещения», 1924. – 24 с.
- Vejsberg G. [P.] [Recenziya] // Knizhnaya polka. – [Novonikolaevsk]: Sibkrajizdat, 1924. – № 1. – С. 17. – Recz. na kn.: O kompleksnom prepodavanii: metodicheskie pis`ma Nauchno-pedagogicheskoy sekcii GUSa Glavsocsvosa. – M.: Izd-vo «Rabotnik prosveshheniya», 1924. – 24 s.
45. Вейсберг Г. [П.] [Рецензия] // Книжная полка. – [Новониколаевск]: Сибкрайиздат, 1924. – № 1. – С. 17–18. – Рец. на кн.: Карельских А. А. Через школу в организации крестьянского хозяйства: методическое руководство для учащих деревенских школ и школ крестьянской молодежи. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Работник просвещения», 1924. – 125 с.
- Vejsberg G. [P.] [Recenziya] // Knizhnaya polka. – [Novonikolaevsk]: Sibkrajizdat, 1924. – № 1. – С. 17–18. – Recz. na kn.: Karelskix A. A. Cherez shkolu v organizacii krest`yanskogo hozyajstva: metodicheskoe rukovodstvo dlya uchashhix derevenskix shkol i shkol krest`yanskoj molodezhi. – 2-e izd. – M.: Izd-vo «Rabotnik prosveshheniya», 1924. – 125 s.
46. Вейсберг Г. [П.] [Рецензия] // Книжная полка. – [Новониколаевск]: Сибкрайиздат, 1924. – № 1. – С. 18. – Рец. на кн.: Трахтенберг О. В. Беседы с учителем по историческому материализму. – М.: Гос. изд-во, [1924]. – 126 с.
- Vejsberg G. [P.] [Recenziya] // Knizhnaya polka. – [Novonikolaevsk]: Sibkrajizdat, 1924. – № 1. – С. 18. – Recz. na kn.: Traxtenberg O. V. Besedy` s uchitelem po istoricheskomu materializmu. – M.: Gos. izd-vo, [1924]. – 126 s.
47. Вейсберг Г. [П.] Книги для учителя // Книжная полка. – [Новониколаевск]: Сибкрайиздат, 1924. – № 1. – С. 15.
- Vejsberg G. [P.] Knigi dlya uchitelya // Knizhnaya polka. – [Novonikolaevsk]: Sibkrajizdat, 1924. – № 1. – С. 15.
48. Вейсберг Г. [П.] Книги о Ленине и ленинизме // Книжная полка. – [Новониколаевск]: Сибкрайиздат, 1924. – № 2. – С. 9–11.
- Vejsberg G. [P.] Knigi o Lenine i leninizme // Knizhnaya polka. – [Novonikolaevsk]: Sibkrajizdat, 1924. – № 2. – С. 9–11.
49. Вейсберг Г. [П.] [Рецензия] // Сибирский педагогический журнал. – Новониколаевск, 1924. – № 4(9). – С. 87–88. – Рец. на кн.: Шульгин В. Н. Основные вопросы социального воспитания / Институт коммунистического воспитания. – 2-е изд. – М.: Работник просвещения, 1924. – 126 с.

Vejsberg G. [P.] [Recenziya] // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – Novonikolaevsk, 1924. – № 4(9). – S. 87–88. – Recz. na kn.: Shul'gin V. N. Osnovny'e voprosy` social'nogo vospitaniya / Institut kommunisticheskogo vospitaniya. – 2-e izd. – M.: Rabotnik prosveshheniya, 1924. – 126 s.

50. Вейсберг Г. [П.] [Рецензия] // Сибирский педагогический журнал. – Новониколаевск, 1924. – № 4(9). – С. 89–90. – Рец. на кн.: Челюстин И. А. Методы работы в трудовой школе. – Л.: Гос. изд-во, 1924. – 125 с. – (Серия: «Библиотека педагога»).

Vejsberg G. [P.] [Recenziya] // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – Novonikolaevsk, 1924. – № 4(9). – S. 89–90. – Recz. na kn.: Chelyustkin I. A. Metody` raboty` v trudovoj shkole. – L.: Gos. izd-vo, 1924. – 125 s. – (Seriya: «Biblioteka pedagoga»).

51. Вейсберг Г. [П.] Литература по вопросам социально-правовой охраны несовершеннолетних и воспитания дефективных // Сибирский педагогический журнал. – Новониколаевск, 1924. – № 5(10). – С. 78–79.

Vejsberg G. [P.] Literatura po voprosam social'no-pravovoj ohrany` nesovershennoletnix i vospitaniya defektivny`x // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – Novonikolaevsk, 1924. – № 5(10). – S. 78–79.

52. Справочник по вопросам социально-правовой охраны несовершеннолетних и детской дефективности / Под ред. А. С. Грибоедова и С. М. Биргер. – М.; П.: Гос. изд-во, [1924]. – 67 с.

Spravochnik po voprosam social'no-pravovoj ohrany` nesovershennoletnix i detskoj defektivnosti / Pod red. A. S. Griboedova i S. M. Birger. – M.; P.: Gos. izd-vo, [1924]. – 67 s.

53. Лившиц Е. С. Детская беспризорность и новые формы борьбы с нею: метод. письмо работникам социально-правовой охраны: письмо 1. – М.: Работник просвещения, 1924. – 26 с.

Livshicz E. S. Detskaya besprizornost` i novy'e formy` bor'by` s neyu: metod. pis'mo rabotnikam social'no-pravovoj ohrany`: pis'mo 1. – M.: Rabotnik prosveshheniya, 1924. – 26 s.

54. Гернет М. Н. Социально-правовая охрана детства за границей и в России. – М.: Право и жизнь, 1924. – 68 с.

Gernet M. N. Social'no-pravovaya ohrana detstva za granicej i v Rossii. – M.: Pravo i zhizn`, 1924. – 68 s.

55. Вейсберг Г. [П.] [Обзор педологической литературы] // Сибирский педагогический журнал. – Новониколаевск, 1925. – № 1. – С. 86–89.

Vejsberg G. [P.] [Obzor pedologicheskoy literatury`] // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – Novonikolaevsk, 1925. – № 1. – S. 86–89.

56. Смирнов И. Л. Детдвижение и школа // Сибирский педагогический журнал. – Новониколаевск, 1925. – № 2. – С. 76–84. – Изд. под псевд.: *N-ский*.

Smirnov I. L. Detsdvizhenie i shkola // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – Novonikolaevsk, 1925. – № 2. – S. 76–84. – Izd. pod psevd.: N-skij.

57. Вейсберг Г. [П.] Школа и детдвижение // Сибирский педагогический журнал. – Новониколаевск, 1925. – № 2. – С. 85–89.

Vejsberg G. [P.] Shkola i detdvizhenie // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – Novonikolaevsk, 1925. – № 2. – S. 85–89.

58. Вейсберг Г. [П.] [Рецензия] // Сибирский педагогический журнал. – Новониколаевск, 1925. – № 3. – С. 85–87. – Рец. на сб.: Трудовая школа в деревне: практика проведения школьной работы с с.-х. уклоном в 3-й, Гагинской, опытной станции Наркомпроса / Под ред. [и с предисл.] А. С. Толстова. – М.: [Госмастерская Пед. театра Главоцвосо]. – 191 с.

Vejsberg G. [P.] [Recenziya] // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – Novonikolaevsk, 1925. – № 3. – S. 85–87. – Recz. na sb.: Trudovaya shkola v derevne: praktika provedeniya shkol'noj raboty` s s.-x. uklonom v 3-j, Gaginskoj, opy`tnoj stancii Narkomprosa / Pod red. [i s predisl.] A. S. Tolstova. – M.: [Gosmasterskaya Ped. teatra Glavsoczvosa]. – 191 s.

59. Вейсберг Г. [П.] [Рецензия] // Сибирский педагогический журнал. – Новониколаевск, 1925. – № 3. – С. 87–88. – Рец. на сб.: Дошкольная работа в деревне: [сб. ст.] / Под ред. [и с предисл.] М. Виленской. – [2-е изд.]. – М.: ГМПТ, 1925. – 91 с.

Vejsberg G. [P.] [Recenziya] // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – Novonikolaevsk, 1925. – № 3. – S. 87–88. – Recz. na sb.: Doshkol'naya rabota v derevne: [sb. st.] / Pod red. [i s predisl.] M. Vilenskoj. – [2-e izd.]. – M.: GMPT, 1925. – 91 s.

60. Бауман Н. К., Вейсберг Г. П. Наш край: книга для работы в III и IV группах сибирской массовой школы. – Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. – 288 с.  
Bauman N. K., Vejsberg G. P. Nash kraj: kniga dlya raboty` v III i IV gruppax sibirskoj massovoj shkoly`. – Novonikolaevsk: Sibkrajizdat, 1925. – 288 s.
61. Орловский. [Рецензия] // Сибирский педагогический журнал. –Новониколаевск, 1925. – № 7/9. – С. 73–76. – Рец. на кн.: Бауман Н. К., Вейсберг Г. П. Наш край: книга для работы в III и IV группах сибирской массовой школы. – Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. – 288 с.  
Orlovskij. [Recenziya] // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. –Novonikolaevsk, 1925. – № 7/9. – S. 73–76. – Recz. na kn.: Bauman N. K., Vejsberg G. P. Nash kraj: kniga dlya raboty` v III i IV gruppax sibirskoj massovoj shkoly`. – Novonikolaevsk: Sibkrajizdat, 1925. – 288 s.
62. Бауман Н. К., Вейсберг Г. П. Наш край: книга для работы в III и IV группах сибирской массовой школы. – 2-е изд. – Новониколаевск: «Сибкрайиздат»; Омск: Тип. «Рабочий путь», 1925. – 288 с.  
Bauman N. K., Vejsberg G. P. Nash kraj: kniga dlya raboty` v III i IV gruppax sibirskoj massovoj shkoly`. – 2-e izd. – Novonikolaevsk: «Sibkrajizdat»; Omsk: Tip. «Rabochij put'», 1925. – 288 s.
63. Бауман Н. К., Вейсберг Г. П. Наш край: книга для работы в III и IV группах сибирской массовой школы. – 3-е изд. – Новосибирск: «Сибкрайиздат», 1926. – 316 с.  
Bauman N. K., Vejsberg G. P. Nash kraj: kniga dlya raboty` v III i IV gruppax sibirskoj massovoj shkoly`. – 3-e izd. – Novosibirsk: «Sibkrajizdat», 1926. – 316 s.
64. 1905-й год в Сибири: сб. матер. для празднования 20-й годовщины 1905 г. в сельских просветительных учреждениях / Под ред. Г. П. Вейсберга, И. С. Воробьева, Г. М. Пушкарева. – Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. – 48 с.  
1905-j god v Sibiri: sb. mater. dlya prazdnovaniya 20-j godovshhiny` 1905 g. v sel'skix prosvetitel'ny`x uchrezhdeniyax / Pod red. G. P. Vejsberga, I. S. Vorob`eva, G. M. Pushkareva. – Novonikolaevsk: Sibkrajizdat, 1925. – 48 s.
65. Вейсберг Г. [П.] Книги о Парижской коммуне // Книжная полка. – [Новониколаевск]: Сибкрайиздат, 1925. – № 1. – С. 14–15.  
Vejsberg G. [P.] Knigi o Parizhskoj kommune // Knizhnaya polka. – [Novonikolaevsk]: Sibkrajizdat, 1925. – № 1. – S. 14–15.
66. Вейсберг Г. [П.] Литература о Троцком и троцкизме // Книжная полка. – [Новониколаевск]: Сибкрайиздат, 1925. – № 1. – С. 16–17.  
Vejsberg G. [P.] Literatura o Troczkom i troczkizme // Knizhnaya polka. – [Novonikolaevsk]: Sibkrajizdat, 1925. – № 1. – S. 16–17.
67. Кропотов Д. Н. Бюджет времени учителя: по материалам Центр. педагог. лаборатории МОНО / Под ред. Комис. Планово-метод. сов. МОНО в составе: Г. Л. Абкина, Г. П. Вейсберга, А. Н. Дурикина и др. – М.: Новая Москва, 1926. – 46 с. – (Серия: «Библиотека “Вестника просвещения”»)  
Kropotov D. N. Byudzhet vremeni uchitelya: po materialam Centr. pedagog. laboratorii MONO / Pod red. Komis. Planovo-metod. sov. MONO v sostave: G. L. Abkina, G. P. Vejsberga, A. N. Durikina i dr. – M.: Novaya Moskva, 1926. – 46 s. – (Seriya: «Biblioteka “Vestnika prosveshheniya”»).
68. Установки и опыт клубной работы в массовой школе: опыт клубной работы в массовой школе: сб. стат. и матер. / Центр. педагогич. лаборатория МОНО и Бюро юных пионеров МК ВЛКСМ; Под ред. Н. М. Шульмана, Ф. Г. Моночиненкова, Г. П. Вейсберга [и др.]. – [М.]: Новая Москва, 1926. – 88 с.  
Ustanovki i opy`t klubnoj raboty` v massovoj shkole: opy`t klubnoj raboty` v massovoj shkole: sb. stat. i mater. / Centr. pedagogich. laboratoriya MONO i Byuro yuny`x pionerov MK VLKSM; Pod red. N. M. Shul`mana, F. G. Monochinenkova, G. P. Vejsberga [i dr.]. – [M.]: Novaya Moskva, 1926. – 88 s.
69. Вейсберг Г. [П.] Ленин-педагог // Просвещение Сибири. – Новосибирск, 1926. – № 1. – 15–17.  
Vejsberg G. [P.] Lenin-pedagog // Prosveshhenie Sibiri. – Novosibirsk, 1926. – № 1. – 15–17.
70. Вейсберг Г. [П.] [Рецензия] // Просвещение Сибири. – Новосибирск, 1926. – № 2. – С. 90–91. – Рец. на кн.: Шацкий С. Т. Изучение жизни и участие в ней: к программам ГУСа. – М.: Работник просвещения, 1925. – 29 с. – (Библиотека «На путях к новой школе»)  
Vejsberg G. [P.] [Recenziya] // Prosveshhenie Sibiri. – Novosibirsk, 1926. – № 2. – S. 90–91. – Recz. na kn.: Shaczkij S. T. Izuchenie zhizni i uchastie v nej: k programmam GUSa. – M.: Rabotnik prosveshheniya, 1925. – 29 s. – (Biblioteka «Na putyax k novej shkole»).

71. Вейсберг Г. [П.] [Рецензия] // Просвещение Сибири. – Новосибирск, 1926. – № 2. – С. 94. – Рец. на: Вопросы Просвещения / Северо-Кавказский краевой ОНО. – Ростов-на-Дону, 1926. – № 1.  
Vejsberg G. [P.] [Recenziya] // Prosveshhenie Sibiri. – Novosibirsk, 1926. – № 2. – S. 94. – Recz. na: Voprosy Prosveshheniya / Severo-Kavkazskij kraevoj ONO. – Rostov-na-Donu, 1926. – № 1.
72. [Вейсберг Г. П.] Книги о Парижской Коммуне // Просвещение Сибири. – Новосибирск, 1926. – № 2. – С. 95. – Изд. под псевд.: Г. В.  
[Vejsberg G. P.] Knigi o Parizhskoj Kommune // Prosveshhenie Sibiri. – Novosibirsk, 1926. – № 2. – S. 95. – Izd. pod psevd.: G. V.
73. Общественная работа дошкольных учреждений: сб. ст. под ред. Комиссии Планово-метод. совета МОНО в составе А. Н. Дурикина, Ф. Г. Моночиненкова, Г. П. Вейсберга и др. / Центр. пед. лаборатория МОНО. – М.: Новая Москва, 1927. – 125 с. – (Серия: «Библиотека дошкольного работника»); Навыки по орфографии: методическая записка по материалам Кабинета образовательной работы / Центр. педагогич. лаборатория Соцвосо МОНО; Под общ. ред. Г. П. Вейсберга, А. Н. Дурикина, Ф. Г. Моночиненкова и др. – М.: Изд-во «Новая Москва», 1927. – 23 с.  
Obshhestvennaya rabota doshkol'ny'x uchrezhdenij: sb. st. pod red. Komissii Planovo-metod. soвета MONO v sostave A. N. Durikina, F. G. Monochinenkova, G. P. Vejsberga i dr. / Centr. ped. laboratoriya MONO. – M.: Novaya Moskva, 1927. – 125 s. – (Seriya: «Biblioteka doshkol'nogo rabotnika»); Navy'ki po orfografii: metodicheskaya zapiska po materialam Kabineta obrazovatel'noj raboty / Centr. pedagogich. laboratoriya Soczvosa MONO; Pod obshh. red. G. P. Vejsberga, A. N. Durikina, F. G. Monochinenkova i dr. – M.: Izd-vo «Novaya Moskva», 1927. – 23 s.
74. Вейсберг Г. П., Пушкарёв Г. М. Сибирь в художественной литературе. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. – 306 с.  
Vejsberg G. P., Pushkaryov G. M. Sibir' v xudozhestvennoj literature. – M.; L.: Gos. izd-vo, 1927. – 306 s.
75. Пушкарёв Г. [М.] Письмо в редакцию // Сибирские огни. – Новосибирск, 1927. – № 2. – С. 254.  
Pushkarev G. [M.] Pis'mo v redakciyu // Sibirskie ogni. – Novosibirsk, 1927. – № 2. – S. 254.
76. [Вейсберг Г. П.] Зам. Наркомпроса тов. Яковлева о народном образовании в Сибири: беседа с замнаркомпроса РСФСР, т. Яковлевой // Просвещение Сибири. – Новосибирск, 1927. – № 6/7(40–41). – С. 125–126. – Изд. под псевд.: Г. В.  
[Vejsberg G. P.] Zam. Narkomprosa tov. Yakovleva o narodnom obrazovanii v Sibiri: beseda s zamnarkomprosa RSFSR, t. Yakovlevoj // Prosveshhenie Sibiri. – Novosibirsk, 1927. – № 6/7(40–41). – S. 125–126. – Izd. pod psevd.: G. V.

**Akimchenkov V. V. At the origins of the soviet education system: unknown pages of G. P. Weisberg's biography**

The article reconstructs previously unexplored aspects of the scientific, organizational, pedagogical and educational activities of the famous Soviet educator, professor Grigory Petrovich Weisberg (1884–1942). The article covers the period from 1884 to 1927 in the biography of the scientist. It details the plot of his active party work during the First Russian Revolution of 1905–1907, the Great Russian Revolution of 1917 and the subsequent Civil War. Through the biographical canvas, it was possible to trace the stages of the formation of Grigory Weisberg as a professional teacher and organizer of the Soviet school. The sources were identified and systematized, thanks to which the key milestones of his stay in Belgorod, Moscow, Novonikolaevsk, associated with the formation of a new, Soviet, education system were outlined. The multi-level communication system and the circle of communication of the scientist in the 1920s were analyzed. Documents from the collections of the State Archives of the Russian Federation and the Russian State Archives of Economics are introduced into scientific circulation, which made it possible to reveal unexplored stories about Weisberg's work in the field of national education. The activities of Grigory Weisberg as deputy head of the Main Department of Social Studies of the People's Commissariat of Education of the RSFSR, rector of the Central Institute of Organizers of Public Education named after E. A. Litkens (Moscow), deputy head of the Siberian Department of Public Education,

and editor-in-chief of the journal «Education of Siberia» (Novonikolaevsk) are revealed. Unknown pages of the scientist's biography are presented against the background of the transformations taking place in the young Soviet republic. A bibliography of G. P. Weisberg's printed works for 1921–1927 is identified and summarized.

Keywords: G. P. Weisberg, People's Commissariat of Education of the RSFSR, Belgorod Teachers' Institute, Central Institute of Organizers of Public Education named after E. A. Litkens, Main Directorate of Social Education and Polytechnic Education of Children, Russian Psychoanalytic Society, Siberian Department of Public Education.

УДК: 929 (470)Крым

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-1-36-45

## ХИРУРГ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ НИКОНОВ: К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

*Андреева А. В.*

*Северный государственный медицинский университет  
г. Архангельск, Российская Федерация  
E-mail: museumnsmu@mail.ru*

*Кобелев И. М.*

*Санкт-Петербургский институт биорегуляции и геронтологии  
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация  
E-mail: ivan\_kobelev\_2017@mail.ru*

Анализируется деятельность известных крымских политических деятелей, проявивших свою активность на территории России в XIX – XX веках. В 2024 г. исполнилось 160 лет со дня рождения известного русского и советского врача Сергея Андреевича Никонова, оставившего яркий след в истории медицины Архангельской губернии, работая хирургом и гинекологом. В настоящей статье произведена попытка рассказать наиболее полную биографию данного человека. В процессе поиска информации были использованы мемуары Сергея Андреевича, архивные документы, статьи о нем, воспоминания знакомых. В российской истории С. А. Никонов известен не только как высококвалифицированный врач, сын знаменитого градоначальника Севастополя Андрея Ивановича Никонова, но и «народоволец, политкаторжанин и ссыльнопоселенец, автор воспоминаний об А. И. Ульянове». Пережив многие ссылки в Архангельск, он остался верен своему делу – лечить людей. С. А. Никонов был признан выдающимся хирургом, своими медицинскими познаниями и хорошим отношением к больным он завоевал себе громадное уважение и популярность со стороны коллег и населения. Жизнь его полна сюжетов, достойных отдельной книги о российской ссылке конца XIX – начала XX века.

**Ключевые слова:** Сергей Андреевич Никонов, хирург, гинеколог, ссылка, Архангельск, Севастополь.

В 2024 г. исполнилось 160 лет со дня рождения Сергея Андреевича Никонова, известного врача, политкаторжанина, ссыльнопоселенца, автора воспоминаний об А. И. Ульянове. Из известных на сегодня источников собраны сведения о Сергее Андреевиче, чтобы наиболее полно осветить его биографию. В процессе поиска информации были использованы мемуары С. А. Никонова, архивные документы, статьи о нем, воспоминания знакомых. Освещение истории жизни таких людей, как С.А. Никонов, имеет немаловажное значение для российской истории, в целом, и восполнения знаний о жизни ссыльнопоселенцев императорского и советского периода, в частности.

Сергей Андреевич Никонов (рис. 1) родился 26 февраля 1864 г. в дворянской семье в городе Одесса. Его отец, Андрей Иванович Никонов (1811–1891 гг.), был

весьма известным человеком в Российской империи: вице-адмирал, участник Кавказской войны и обороны Севастополя, градоначальник Севастополя с 1876 по 1882 г. и командир севастопольского порта, член Военно-морского суда в Петербурге. Известность и безбедность родителей позволили Сергею Андреевичу получить достойное образование. После окончания Севастопольской гимназии он учился на математическом факультете Петербургского университета, а после поступил в Военно-медицинскую академию [4, с. 114].



*Рис. 1. С. А. Никонов*

В период обучения в университете в 1884 г. Никонов Сергей Андреевич стал членом организации «Народная воля». Совместно с обучающимся Петербургского университета на физико-математическом факультете Александром Ульяновым (старший брат В. И. Ульянова–Ленина) он участвовал в организации покушения на российского царя Александра III<sup>1</sup>. Данное покушение планировалось в течение нескольких месяцев и было назначено на 1 марта 1887 г. Дата выбрана организаторами не случайно, так как именно в данный день в 1881 г. был убит император Александр II представителями организации «Народная воля». Однако,

---

<sup>1</sup> Александр III Александрович – император всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский, сын императора Александра II, внук Николая I; отец последнего российского монарха Николая II, придерживался консервативно–охранительных взглядов и проводил политику контрреформ, а также русификации национальных окраин. В период его правления Россия впервые за долгое время не вела больших войн, он заключил франко–русский союз, в дореволюционной историографии именовался Миротворцем.

повторить реализацию задуманного не удалось, покушение сорвалось. Некоторые источники утверждают, что причиной неудачи было «несерьезное отношение одного из идейных вдохновителей П. Шевырева и его товарищей – революционеров В. Осипанова, В. Генералова, П. Андреюшкина и А. Ульянова», являвшихся организаторами Террористической фракции партии «Народная воля». Главные организаторы и участники данного покушения были подвергнуты аресту и повешению в Шлиссельбургской крепости 8 мая 1887 г., прочие – приговорены к пожизненным или длительным (на 20 лет) ссылкам [8, с. 129].

18 января 1887 г. был произведен арест Сергея Никонова по делу о пропаганде среди юнкеров Павловского училища. Через 11 месяцев его выпустили по болезни на поруки отца. Участие в терроризме привело к тому, что в мае 1888 г. Сергей Андреевич был приговорен к высылке на 4 года в Минусинск (Красноярский край). В последующем он опишет свое пребывание в данном городе на Енисее, красота которого его в то время мало интересовала, в отличие от устройства общества. В Сибирь к Никонову приехала молодая супруга, Нина Васильевна Никонова (в девичестве – Москопуло), которая родила ему в тех местах сына Андрея [4, с. 115].

По окончании первой ссылки Сергей Андреевич узнает о смерти отца, виня себя во «невнимании и доставленных родителю неудобствах». Андрея Ивановича Никонова похоронили 25 ноября 1891 г. на Новодевичьем кладбище Петербурга. За свою жизнь он был удостоен многих наград, в том числе ордена Белого орла, ордена св. Александра Невского и бриллиантовых знаков к нему [8, с. 137].

По возвращении из ссылки в 1892 г. в родной дом Сергей Андреевич заметил, что «мама больна по возрасту». Вероятно, это сыграло немаловажную роль в выборе его дальнейшего образования. Никонов уехал во Францию, где поступил и окончил медицинский факультет Парижского университета. Местом его стажировки была выбрана клиника Dieulafoy<sup>1</sup> [9, с. 226].

В Европе Сергей Андреевич прекрасно овладел медицинскими методами лечения, методиками хирургического вмешательства, в т.ч. раннее оперативное вмешательство при аппендиците. Финансовая помощь родственников из России позволяла ему безбедно жить и заниматься учебой за границей. Тем не менее, по окончании обучения С.А. Никонов вернулся на родину [9, с. 228].

Работать хирургом С. А. Никонов начал в 1901 г. в городской больнице Севастополя, в которой в последующем стал старшим врачом. Он применял полученные за границей навыки, читал доклад на русском хирургическом съезде, печатался в медицинских журналах [9, с. 230]. На сегодняшний день данная больница именуется как «Городская больница №1 им. Н. И. Пирогова» (г. Севастополь), в которой сохранено имя хирурга Сергея Андреевича Никонова. Его деятельность улучшила положение больницы, так как его семья, как и другие меценаты, отдавали деньги на строительство новых зданий, в т.ч. двухэтажного корпуса и домового храма [1, с. 1].

---

<sup>1</sup> Поль Жорж Дьелафуа (1839–1911) – французский врач и хирург известен своим исследованием острого аппендицита и описанием поражения Дьелафуа, редкой причины желудочного кровотечения.

Работая врачом, Сергей Андреевич не оставляет политическую деятельность. В 1901 г. становится членом севастопольской группы партии социалистов-революционеров, в 1902 г. избирается руководителем Севастопольского комитета партии социал-революционеров (ПСР) [4, с. 116].

В январе 1904 г. С. А. Никонов впервые был отправлен в ссылку на 3 года в город Архангельск. Ему разрешалось заниматься врачебной практикой, как и многим другим ссыльным людям с высшим медицинским образованием. В Архангельске Сергей Андреевич трудился внештатным врачом больницы приказа общественного призрения (БПОП), исполнял обязанности заведующего в родильном и гинекологическом отделениях. В том числе ему было разрешено работать врачом в Исакогорке, где он к работе не успел приступить по причине его досрочного освобождения от наказания по ходатайству семьи, вернувшись в Севастополь [9, с. 232].

Первая ссылка в Архангельск длилась не долго и не оставила после себя ярких воспоминаний С. А. Никонова, но вскоре началась там новая ссылка. Супруга Сергея Андреевича, Нина Васильевна, служила в тот момент в городе Саратов. В 1905 г. ее арестовали. Просидев в тюрьме 3 месяца, она была отпущена под залог в связи с тем, что вскоре должна была родить ребенка. Через 1,5 года Нина Васильевна была приговорена к году ссылки, которую отбывать ей разрешили в Архангельске, где находился ее муж. Семья Никоновых много лет в течение жизни провела в тюрьме и ссылках, но оставалась преданной революционному делу, являясь в то же время принципиальной и дисциплинированной в трудовом отношении. Неудивительно, что в Архангельске Никоновы оказались в центре организации ссыльных [4, с. 116]. Нина Васильевна осуществляла руководство по встрече ссыльных в городе, поиску им жилплощади и работы, обеспечению ссыльных в уездах. С. А. Никонов оказывал медицинскую помощь ссыльным на дому, осуществлял организацию их лечения в медицинских учреждениях города. Деятельность семьи Никоновых контролировалась жандармским управлением [9, с. 243].

В 1907 г. Сергея Андреевича вновь арестовывают и помещают в Севастопольскую пересыльную тюрьму. Непокойная обстановка на Черноморском побережье и военное положение крепости Севастополь способствовали решению по отправке С. А. Никонова из Крыма в город Шенкурск Архангельской губернии. Уездный городок с 2 тысячами людей населения не устраивал революционера Никонова, поэтому, заручившись поддержкой коллег по предыдущей ссылке, он добился места в Архангельске. В последующем пребывание на Севере С. А. Никонова было благополучным, что напрямую связано с именем губернатора Архангельской губернии И. В. Сосновским, изучив биографию которого можно предположить неслучайность этого [8, с. 134].<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Сосновский Иван Васильевич (28.03.1868 – после 1917), архангельский губернатор (1907–1911), действительный статский советник, камергер. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1890). Служил в земском отделе МВД. С лета 1893 служил чиновником в архангельской губернской канцелярии. С 1897 в Комитете Министров. Затем на чиновничьей службе в Сибири (1899–1903), вице-губернатор в Перми, Астрахани, Ярославле (1904–1905), помощник С.-Петербургского

В сентябре 1907 г. Сергей Андреевич получил официальное разрешение остаться в Архангельске на весь период ссылки, занимаясь врачебной практикой. Его знания и навыки хирурга и гинеколога успешно применялись в Архангельской БПОП и уездных больницах, куда его приглашали для ведения консультаций и проведения операций. За пределы города Архангельск (Емецк, Холмогоры) С. А. Никонов мог выезжать только по особому разрешению губернатора. За 3 года работы врачом в Архангельской губернии он смог выполнить около 600 различных оперативных вмешательств. Сергей Андреевич впервые в Архангельске начал применять новые методики проведения операций при некоторых болезнях, в том числе аппендицита, о которых узнал, обучаясь в Европе [5, с. 3].

В качестве ссыльного Сергей Андреевич не мог быть членом Общества архангельских врачей (ОАВ), но, тем не менее, активно принимал участие в его деятельности, посещал почти все заседания в качестве гостя. С. А. Никонов проводил операции в лечебнице ОАВ, трижды в неделю вел хирургический и акушерский прием, принимал участие в организации строительства нового здания лечебницы и оснащения операционной. Он составлял проекты инструкций для врачей, среднего и младшего персонала лечебницы, позднее выполнял обязанности заместителя заведующего лечебницей, фактически заведя ею. Сергей Андреевич проводил много операций, среди которых были очень сложные. Среди 87 операций, которые он провел в лечебнице, 41 была выполнена под наркозом (хлороформ). С. А. Никонов признан выдающимся хирургом, своим уровнем медицинских знаний, эрудицией и хорошим отношением к пациентам он завоевал себе большое уважение и популярность со стороны коллег и населения [8, с. 137].

Как уже было сказано, С. А. Никонов участвовал в организации строительства нового здания лечебницы ОАВ, войдя в состав врачебной комиссии, которая контролировала многие вопросы. Некоторые члены ОАВ имели заграничный опыт работы, что позволило применить их практические знания в обустройстве строившегося здания (в т.ч. вентиляции, водопровода, канализации и пр.), которое открылось в 1909 г. на углу Воскресенской улицы и Псковского проспекта. В будущем с 1923 г. в данном здании будет открыт родильный дом им. К. Н. Самойловой. В итоге, личный вклад Сергея Андреевича в качестве оперирующего гинеколога в лечебнице ОАВ имеет отношение и к истории развития гинекологической помощи в Архангельске [8, с. 136].

В результате проведенного поиска фотографий, связанных с нахождением С. А. Никонова в Архангельске, удалось найти фотографию 1909 г., на которой изображена группа политических ссыльных в г. Архангельске (Рис. 2). Среди них во 2-м ряду 4-й слева – С. А. Никонов, а 5-я – П. Н. Шавердо. О Паулине Напалеоновне Шавердо (1861 г. р.), которая в свое время была популярной эсеркой, известно

---

градоначальника (с 1905). По предложению П. А. Столыпина назначен архангельским губернатором в 1907 г. С 1911 по январь 1917 – одесский градоначальник; с 11.01.1917 – товарищ министра внутренних дел.

многое. Ее фонд находится на хранении в Государственном архиве Курской области (ГАКО). Пропагандистская деятельность среди солдат стала основанием для ее ареста в 1908 г. и ссылки в Архангельскую губернию на 4 года. На пути в ссылку она находилась в Бутырской и Ярославской пересыльных тюрьмах. При нахождении на поселении П. Н. Шавердо осуществляла сотрудничество с газетой «Киевские вести» под псевдонимом «Старенькая бабушка». В ее воспоминаниях «Архангельская ссылка» написано немало интересных фактов. С учетом того, что Паулина Напалеоновна по первому образованию являлась акушеркой, она имела возможность описать профессиональное мастерство С. А. Никонова, но ее воспоминания больше посвящены были положению ссылных людей. Это обусловлено не только ее политической активностью, но и трагическим случаем, в результате которого немолодая Паулина стала безногой.



*Рис. 2. Группа политических ссылных в г. Архангельске. 1909 г.  
2-й ряд: 4-й слева – С. А. Никонов, 5-я – П. Н. Шавердо  
(источник: <http://www.rusarchives.ru/publication/shaverdo.shtml>)*

Воспоминания П. Н. Шавердо позволили выяснить, как жила семья Никоновых и другие ссылные в Архангельской губернии. Каждая партия ссылных в Архангельскую губернию встречалась несколькими другими ссылными, чаще семьей Никоновых. Если кто-нибудь из вновь прибывших ссылных был назначен для отправки в отдаленные места губернии, но по состоянию здоровья или по семейному положению ему это было тяжело, тогда общими усилиями старались оставить его и найти работу в Архангельске или в одном из ближайших городов. В

данных случаях к губернатору приходил кто-либо из самых почитаемых ссыльных (чаще – Сергей Андреевич Никонов или его супруга) [7, с. 1].

Ссыльные в Архангельске находились на постоянной связи с ссыльными в разных уголках губернии, которым при необходимости посылались из административного центра книги, учебники, рабочим – нужные инструменты и пр. Тайно посылались также деньги, одежда и паспорта для осуществления побега. Семья Никоновых для сбора необходимых вещей могла связаться с другими городами и губерниями, а собранная помощь отправлялась до каторги непосредственно. Внушая доверие и уважение, Никоновы старались пользоваться любым случаем и знакомством для улучшения положения ссыльных и заключенных. Благодаря разговору С. А. Никонова с губернатором П. Н. Шавердо удалось остаться в Архангельске, а не в Пинеге, куда она должна была прибыть согласно условиям ссылки. Она стала для Сергея Андреевича связующим звеном в переписке с другими ссыльными, подготовке прокламаций, публикаций и в обмене печатными изданиями [4, с. 117].

Воспоминания Паулины Напалеоновны позволили понять состав семьи Никоновых в годы ссылки: «Семья состояла из 6 человек: Сергей Андреевич, Нина Васильевна, ее мать и трое детей. Их дочь Маруся обладала большими музыкальными способностями и дивным голосом... Два сына Никоновых – совсем маленький Боря и старший – гимназист 8-го класса Андрей. Первое революционное крещение он получил в севастопольской тюрьме. Будучи в 7-м классе, он отбывал наказание в 1905 г. вместе с отцом. Когда Андрей, окончивший Архангельскую гимназию, уезжал в Московский университет, мы решили дать ему конспиративное поручение к московской революционной организации и послать через него кое-что. Через год он попал в засаду и был арестован. Его содержали в тюрьме 8 месяцев. Жандармы так и не узнали, кто ему передал записку революционного содержания. Андрей был осужден к одному году крепости, он был лишен возможности учиться в каком-либо учебном заведении страны. По примеру отца он уехал за границу, в Париж, где и поступил на медицинский факультет, вернулся в Россию уже при советской власти и работал доктором» [2, с. 10].

П. Н. Шавердо описала в своих воспоминаниях состояние архангельской больницы Приказа общественного презрения, в которой работали супруги Никоновы, отметив порядочность врачей Гренкова, Мефодиева, Лейбсона и Жовинской, которые «сочувствовали революции». В больнице Приказа общественного презрения Паулину Напалеоновну спасли от гибели [2, с. 12].

В августе 1910 г. подошел к концу срок ссылки С. А. Никонова, что способствовало беспрепятственному принятию его в члены ОАВ. Перед отъездом из Архангельска Сергей Андреевич представил доклад на заседании ОАВ о хирургической деятельности лечебницы за 3 года его работы. На данном заседании он выступил со словами благодарности своим коллегам: «В Архангельске я не встретил ни препон, ни препятствий в своей работе. Я встречал здесь только одно лишь дружеское содействие...» [4, с. 115].

Паулина Напалеоновна вспоминала: «В июле 1910 г. Кто-то из бежавших товарищей написал письмо и неосторожно упомянул фамилию Никонова... У Сергея Андреевича оканчивался срок ссылки, поэтому жандармы хотели его отправить за решетку. Было предъявлено обвинение в оказании помощи политическим ссыльным и организации побегов. Но, несмотря на все старания, жандармы никакого дела создать не смогли... Семью Никоновых провожал буквально весь город. Проводили их с почетом, причем горожане преподнесли Никонову адрес, а о проводах было опубликовано в местной газете».

В 1910 г. по завершении ссылки в Архангельск С. А. Никонов переехал в г. Саратов, а с 1911 по 1917 гг. трудился в Оренбургской губернии. В 1917 г. он возвратился в Севастополь, где работал в должности хирурга городской больницы. В том же году его назначили на должность городского комиссара Севастополя, а позже – городского головы. На данном посту он пребывал не долго, до середины февраля 1918 г., когда власть в Севастополе окончательно перешла большевистскому Городскому совету. В 1918 г. Сергей Андреевич занял должность министра народного просвещения Крымского правительства. В январе 2018 г. он принял участие в заседании Учредительного собрания в Петрограде [7, с. 1].

В советское время С. А. Никонов многократно арестовывался по политическим мотивам, в 1920-е гг. был членом общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, сотрудничал с журналом «Каторга и ссылка». В 1925 г. Сергей Андреевич был выслан из Крыма, в последующем трудился врачом в Сергиевом Посаде, где в качестве народника подготовил и издал воспоминания об Александре Ульянове (брат В. И. Ульянова-Ленина) [3, с. 127; 6, с. 1].

В 1930 г. семья Никоновых вернулась в Севастополь, а после переехала в Ленинград. Известно, что Сергей Андреевич скончался в 1942 г. в блокадном Ленинграде [10, с. 1].

Несмотря на постоянные ссылки и ограничения С. А. Никонов прожил яркую жизнь, стараясь помогать людям в разных городах России в качестве врача и умелого руководителя. С. А. Никонов прошел путь от обычного парня до градоначальника Севастополя, министра народного просвещения Крымского правительства, оставаясь верным своим принципам, за что его помнили и будут помнить благодарные люди. В отделе истории медицины Европейского Севера продолжается исследование, связанное с именами ссыльных медиков, среди которых, несомненно, самым ярким является имя Сергея Андреевича Никонова.

#### **Сочинения С. А. Никонова:**

Никонов С. А. Жизнь студенчества и революционная борьба 80-х годов. Александр Ильич Ульянов и дело 1-го марта 1887 г. / Сост. А. И. Ульянова-Елизарова. М.: Л., 1927. С. 135–481.

Никонов С. А. Мои воспоминания: из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности: [в 3 т.] / С. А. Никонов. М.: Новый Хронограф, 2018. Т. 1: 1864–1904. 2018. 664 с.; Т. 2: 1904–1917. 2018. 502 с.; Т. 3: 1917–1938. 2018. 426 с.

**ХИРУРГ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ НИКОНОВ:  
К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

---

Никонов С. А. О лечении выкидыша. (Из Севастопол. гор. больницы). [Санкт-Петербург]: тип. Человеколюбив. о-ва, [1905]. 57 с.

Никонов С. А. Случай прободящего воспаления червеобразного отростка с обильным кровоизлиянием в брюшную полость. (Из Севастопольск. гор. больницы). СПб.: тип. Я. Трей, 1904. 4 с.

Никонов С. А. Диагностическая ошибка при трубной беременности с двукратным оперативным вмешательством. СПб.: тип. Дома призрения малолет. бедных, 1902. 10 с.

Никонов С. А. Случай ущемления подвздошной кишки тяжем после овариотомии. (Из Севастопольск. гор. больницы). М.: тип. т-ва скоропеч. А. А. Левенсон, 1904. 5 с.

**Список использованных источников и литературы**

1. 1-я городская больница им. Н. И. Пирогова, ч. II. Улицы, дома, люди. Электронный ресурс. Точка доступа: <http://vashsevdом.narod.ru/histor/boln2.html>
- 1-ya gorodskaya bol'nitsa im. N. I. Pirogova, ch. II. Ulitsy, doma, lyudi. Elektronnyi resurs. Tochka dostupa: <http://vashsevdом.narod.ru/histor/boln2.html>
2. Государственный архив Курской области. Ф. 722. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–53.  
Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti. F. 722. Op. 1. D. 2. L. 1–53.
3. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 5, Ч. 2.  
Istoriya dorevoljucionnoj Rossii v dnevnikh i vospominaniyakh. T. 5, Ch. 2.
4. Леонтьев Я. В. Никонов С. А. Мои воспоминания: из революционной борьбы и культурно–общественной деятельности: в 3-х т. // Отечественные архивы. 2019. № 1. С. 113–118.  
Leont'ev Ya. V. Nikonov S. A. Moi vospominaniya. Iz revolyucionnoj bor'by i kul'turno–obshchestvennoj deyatel'nosti: v 3 t. // Otechestvennye arkhivy. 2019. № 1. P. 113–118.
5. Государственный архив Архангельской области, ф. 37, оп. 2. Д. 104.  
Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti, F. 37 Op. 2. D. 104.
6. Никонов Сергей Андреевич. Хронос: всемирная история в интернете. Электронный ресурс. Точка доступа: [http://www.hrono.ru/biograf/bio\\_n/nikonov\\_sa.php](http://www.hrono.ru/biograf/bio_n/nikonov_sa.php)  
Nikonov Sergei Andreevich. Khronos: vseirnaya istoriya v internete. Elektronnyi resurs. Tochka dostupa: [http://www.hrono.ru/biograf/bio\\_n/nikonov\\_sa.php](http://www.hrono.ru/biograf/bio_n/nikonov_sa.php)
7. Сергей Андреевич Никонов. Электронный ресурс. Точка доступа: [https://braхru.ru/375f8c0e/Никонов,\\_Сергей\\_Андреевич](https://braхru.ru/375f8c0e/Никонов,_Сергей_Андреевич)  
Sergei Andreevich Nikonov. Elektronnyi resurs. Tochka dostupa: [https://braхru.ru/375f8c0e/Nikonov,\\_Sergei\\_Andreevich](https://braхru.ru/375f8c0e/Nikonov,_Sergei_Andreevich)
8. Соломонов В. А., Степанов Ю. Г. Сергей Андреевич Никонов и его мемуары // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение: сб. ст. к юбилею д-ра ист. наук В. В. Митрофанова. Нижневартовск, 2017. С. 126–141.  
Solomonov V. A., Stepanov Yu. G. Sergei Andreevich Nikonov i ego memuary // Istorioografiya. Istochnikovedenie. Istoricheskoe kraevedenie: sb. st. k yubileyu d-ra ist. nauk V. V. Mitrofanova. Nizhnevartovsk, 2017. P. 126–141.
9. Федоров Е. Е. Сергей Андреевич Никонов и его воспоминания // История и историческая память. 2011. № 3. С. 222–262.  
Fedorov E. E. Sergei Andreevich Nikonov i ego vospominaniya // Istoriya i istoricheskaya pamyat'. 2011. № 3. P. 222–262.
10. Федоров М. Р. Забытые могилы: о морских захоронениях на Новодевичьем кладбище в Санкт-Петербурге // Гангут, 1996, № 11. Русский биографический словарь: В 25 т. / Под наблюдением А. А. Половцова. 1896–1918.

Fedorov M. R. Zabytye mogily: o morskikh zakhoroneniyaх na Novodevich'em kladbishche v Sankt-Peterburge // Gangut, 1996, № 11. Russkii biograficheski slovar': V 25 t. / Pod nablyudeniem A. A. Polovtsova. 1896–1918.

**A. V. Andreeva, I. M. Kobelev. Surgeon and political figure Sergey Andreevich Nikonov: on the 160th anniversary of birth.**

The activities of famous Crimean political figures who showed their activity on the territory of Russia in the 19th – 20th centuries are analyzed. In 2024, it would have been 160 years since the birth of the famous Russian and Soviet doctor Sergei Andreevich Nikonov, who left a bright mark in the history of medicine in the Arkhangelsk province, working as a surgeon and gynecologist. In the process of searching for information, the memoirs of Sergei Andreevich, archival documents, articles about him, and the recollections of acquaintances were used. In Russian history, S. A. Nikonov is known not only as a highly qualified doctor, the son of the famous mayor of Sevastopol A. I. Nikonov, but also as a «Narodovolets, political prisoner and exiled settler, the author of memoirs about A. I. Ulyanov». Having survived exiles to Arkhangelsk, he remained true to his work – to treat people. S. A. Nikonov was recognized as an outstanding surgeon; his medical knowledge and good attitude towards patients earned him enormous respect and popularity from his colleagues and the population. His life is full of stories worthy of a separate book about the Russian exile of the late 19th – early 20th centuries.

Keywords: Sergei Andreevich Nikonov, surgeon, gynecologist, exile, Arkhangelsk, Sevastopol.

УДК 930.2:94(47)''1941/1945'' (470)Крым

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-1-46-56

**НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МЕМУАРЫ А. А. КУЛИКОВСКОГО  
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В КРЫМУ  
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

*Белоглазов Р. Н.*

*Севастопольский государственный университет  
г. Севастополь, Российская Федерация  
E-mail: belovr73@mail.ru*

*Осиповский С. Н.*

*Севастопольский государственный университет  
г. Севастополь, Российская Федерация  
E-mail: snosipovskiy@sevsu.ru*

Рассматривается текст неопубликованных воспоминаний активного участника и одного из руководителей партизанского движения в восточном Крыму А. А. Куликовского как источник по истории сопротивления немецко-румынской оккупации в годы Великой Отечественной войны. Установлено, что данное письменное свидетельство имеет большую фактологическую составляющую, востребованную для исследования различных аспектов вооруженной и подпольной борьбы народных мстителей против захватчиков, так как позволяет уточнить формы и направления боевой и разведывательно-диверсионной деятельности партизанских отрядов, их организационную структуру и персональный состав, морально-психологическое состояние бойцов, условия быта и повседневности, характер карательных операций противника и участия в них местных коллаборационистов. Авторами поставлен вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования методов источниковедческой эвристики с целью выявления и введения в научный оборот неизданных мемуаров и дневников крымских партизан и подпольщиков, которые могут находиться на хранении в личных архивах и в собственности частных лиц.

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война, партизанское движение, восточный Крым, немецко-румынская оккупация, сопротивление, подполье.

Формирование репрезентативной источниковой базы является обязательным условием для проведения исторического исследования, что подразумевает выявление основных письменных источников по теме, которые позволят решить поставленные задачи. Особую актуальность в контексте изучения Великой Отечественной войны в последнее время данная проблема приобретает в связи с рассекречиванием и введением в научный оборот большого массива информации в формате целых документальных комплексов, которые становятся доступными для ученых и всех заинтересованных лиц благодаря размещению на специализированных интернет-ресурсах. В равной степени это имеет значение и для других видов исторических источников по данной проблематике, в том числе и письменных свидетельств личного происхождения (мемуары и дневники /записки/, письма).

Записки участников партизанского движения и подполья в Крыму в годы Великой Отечественной войны по критерию их доступности можно разделить на несколько групп.

Во-первых, это произведения, которые вышли в свет в печатном виде [3–5; 7–9], а также нарративы, введенные в научный оборот и ставшие широко известными для массового читателя благодаря публикации или размещению в сети интернет. Как правило, именно эта часть данного массива источников наиболее широко используется в научно-исследовательских работах, а также становится объектом для источниковедческого изучения.

Во-вторых, свидетельства, которые находятся на хранении в фондах музейных и архивных учреждений и поэтому доступны для ознакомления, как правило, определенному кругу специалистов. Исследователи в зависимости от изучаемых вопросов стараются их использовать в своих научных реконструкциях, а также проанализировать с точки зрения информационного наполнения и достоверности. В отношении последнего аспекта в контексте заявленной темы следует отметить, например, статьи И. А. Бирниса [3] и С. Н. Ткаченко [11], посвященные некоторым неизданным партизанским мемуарам как историческому источнику, а также публикацию Р. Н. Белоглазова и А. Г. Рац [2], в которой рассмотрены неопубликованные воспоминания участника севастопольского подполья В. И. Осокина.

В-третьих, наименее известными и, следовательно, малодоступными для выявления и изучения остаются соответствующие материалы, которые находятся на хранении в семейных архивах и на руках у частных лиц. Минимальная информация или ее полное отсутствие об этой группе источников затрудняют возможность их введения в научный оборот, что уменьшает потенциал исследователей по изучению того или иного исторического сюжета. Важным условием для преодоления данной проблемы является дальнейшее совершенствование методов и применения источниковедческой эвристики, а также подготовка работ, посвященных анализу выявленных письменных свидетельств данного вида.

Предметом нашего исследования являются неопубликованные мемуары одного из активных участников партизанского движения в Крыму Александра Александровича Куликовского, оригинал которых находится на хранении в личном архиве семьи Лузиных<sup>1</sup>.

А. А. Куликовский родился в 1901 г. в Витебске, получил образование в Рыбинске в 1917 г. (начальное городское училище), служил в городском уголовном розыске, участвовал в Гражданской войне на стороне Красной армии в 1917 г. в составе 4 революционного партизанского батальона Юго-Западного фронта (командир отделения), в 1919 г. в 61 Северо-Двинском стрелковом полку (военком батальона/полка). Был членом комсомольской организации, затем вступил в партию (1919 г.). В 1920–1923 гг. он служил в органах госбезопасности (ЧК/ГПУ), с 1923 г.

---

<sup>1</sup> Авторы благодарят Галину Александровну Лузину за предоставленный текст воспоминаний А. А. Куликовского для подготовки данной публикации.

на должности табельщика-счетовода работал в системе обеспечения железнодорожного транспорта. В 1924 г. был переведен в Крым на Южную железную дорогу и проживал в Феодосии. Активный участник партизанского движения с ноября 1941 г. по апрель 1944 г. В 1941–1942 гг. в разное время занимал командные должности от командира группы до командира Феодосийского и Судакского партизанских отрядов, входивших в состав 1-го партизанского района. В октябре 1942 – июле 1943 гг. находился на Большой земле, числился в резерве Крымского штаба партизанского движения, прошел курсы подготовки командного состава. В ноябре 1943 г. был назначен командиром 7-го отряда 3 бригады Восточного соединения крымских партизан, затем с февраля по апрель 1944 г. командовал указанной бригадой. После освобождения Крыма вышел в отставку. Воинское звание – старший лейтенант. Удостоен награждения 4 боевыми наградами (Орден Отечественной войны I степени, медаль «Партизану Отечественной войны» I степени, медаль «За оборону Севастополя», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.») [1; 12, с. 89]. Умер в 1972 г., похоронен в Феодосии.

По данным В. Ф. Ширшова и М. Т. Ширшовой, А. А. Куликовский пользовался среди партизан репутацией «...решительного и дерзкого командира» [12, с. 89].

Воспоминания представляют машинописную рукопись объемом 15 страниц, оформленную под названием «Партизаны Востока Крыма в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.)» [6]. Основное содержание мемуаров было подготовлено как лекция для публичных выступлений, о чем свидетельствуют соответствующие реквизиты в тексте на последней странице: «*Лектор Феодосийского отделения общества по распространению политических и научных знаний Бывший командир III-й бригады Восточного соединения партизан Крыма. Куликовский А. А.*» [3, л. 15]<sup>1</sup>. Аутентичность подтверждается собственноручной подписью автора, который также указал датировку документа – 5 мая 1961 г.

Анализ содержания письменного свидетельства позволяет сделать вывод о том, что при его составлении автор преимущественно опирался на свои знания и память как непосредственный участник событий. Однако для уточнения некоторых данных о потерях врага и количестве захваченных пленных при описании последних боев за г. Старый Крым в апреле 1944 г. сделал в тексте запись от руки со ссылкой на дело № 70 из фонда № П-151 (Крымский штаб партизанского движения) Крымского областного партийного архива [6, л. 14] (в настоящее время Крымский государственный архив Республики Крым).

В тексте встречаются слова из партизанского сленга военной поры, которые требуют дальнейшего уточнения их лексического значения. Авторы предлагают свою интерпретацию специфических терминов, исходя из смыслового контекста их употребления:

---

<sup>1</sup> В оригинале рукописи, вероятно, по причине технической ошибки на последней пятнадцатой по последовательности странице указан номер 14.

«Гуси» [6, л. 7] – автоколонны противника на шоссе на дорогах как объект для организации диверсий и засад. Возможно, использовался партизанами для зашифровки планирования боевых операций и нападений на врага.

«Гарики» [6, л. 11] – военнослужащие Вермахта коллаборационисты грузинской национальности из так называемых добровольческих формирований.

«Шоколадницы» [6, л. 13] – женщины из обслуживающего персонала развлекательных заведений для немецко-румынских оккупантов.

Повествование начинается с небольшой преамбулы с общей характеристикой целей и задач партизанского движения с использованием цитат из некоторых выступлений И. В. Сталина и Мао Цзедуна, где была затронута эта тема. При этом приводятся цифры потерь (300 тысяч солдат и офицеров), нанесённых советскими партизанами врагу на территории СССР за первые два года войны со ссылкой на подсчеты генерал-лейтенанта П. К. Пономаренко<sup>1</sup>, а также в Крыму за аналогичный период (18910 человек) и все время оккупации полуострова, включая уничтоженных (до 30 тыс. человек) и плененных (до 4 тыс. человек) захватчиков без указания источника этой информации. Отдельно отмечено число боевых столкновений (152) и диверсий (1632) проведенных Восточным соединением крымских партизан<sup>2</sup> [6, л. 2].

После вступления в текст начинается описание истории создания Феодосийского партизанского отряда<sup>3</sup>, командиром которого был начальник военизированной охраны Феодосийского порта И. С. Мокроус, комиссаром заместитель начальника политотдела отделения Приднепровской железной дороги Р. Н. Пономаренко и начальником штаба заместитель начальника Феодосийского горотдела НКВД Е. П. Колодяжный. В качестве основных организационных мероприятий по формированию подразделения автор выделил следующие события [6, л. 2–3]:

1. 26 сентября 1941 г. – начало устройство силами 2 роты Феодосийского истребительного батальона в старо-крымских лесах лагеря дислокации и продовольственных баз, рассчитанных на 500 человек и шестимесячный период пребывания в лесу.

2. 31 октября и 1 ноября 1941 г. – сбор в Кизилташе (Краснокаменка), где располагался штаб отряда, личного состава общей численностью 498 человек.

---

<sup>1</sup> П. К. Пономаренко (1902–1984 гг.) – советский государственный деятель, один из руководителей партизанским движением в СССР в годы войны. Первый секретарь ЦК КП(б) Белорусской ССР. В 1942–1944 гг. начальник Центрального Штаба партизанского движения.

<sup>2</sup> В связи с ростом численности партизанских рядов Восточное соединение было создано в феврале 1944 г. в составе 2 и 3 партизанских бригад (8 отрядов, общая численность около 700 человек). Зона ответственности – восточная часть Крымских гор, старо-крымские и судакские леса, окрестности Феодосии. Командный состав: командир соединения – В. С. Кузнецов, комиссар – Р. Ш. Мустафаев, начальник штаба – С. Д. Качанов.

<sup>3</sup> Феодосийский отряд входил в состав 1-й партизанского района с зоной ответственности в районе Судака и Старого Крыма, где также формировались и действовали Судакский, Старо-Крымский и Кировский партизанские отряды. Место дислокации и базирования, перечень подразделений в формате 5 партизанских районов и группы отрядов Керченского полуострова были определены на начальном организационном этапе деятельности крымских партизан в конце октября – в начале ноября 1941 г.

3. 6 ноября 1941 г. – проведение первого партсобрания, на котором был избран секретарь парторганизации бывший инструктор Феодосийского горкома ВКП(б) Г. Н. Дрепин.

4. 7 ноября 1941 г. – принятие присяги бойцами подразделения, которому, по предложению А. А. Куликовского, было присвоено имя И. В. Сталина.

Важным наблюдением автора стала констатация того факта, что большинство прибывших в лес людей не имело никакой военной подготовки и это потребовало принять срочные меры по преодолению данной проблемы. Указанное подтверждает выводы исследователей о том, что ядро формирования первых партизанских подразделений в Крыму состояло из представителей партийного и советского актива, для которых были характерны высокий уровень политической сознательности и мотивированности, патриотизма и лояльности к советскому государству. Однако в основной своей массе они не были готовы и приспособлены к специфическим условиям ведения партизанской войны.

Следующий раздел мемуаров выделен автором под названием – «Начало боевых действий». Повествование о боевой деятельности отряда начинается с эпизода, случившегося 11 ноября 1941 г, когда командир И. С. Мокроус с группой бойцов (15 человек) сумел захватить на шоссе 4 пленных и 2 подводы, которые были загружены имуществом ограбленных оккупантами советских граждан. Указанные «трофеи» были продемонстрированы отряду с доведением до бойцов императива, что любые формы возможного мародерства со стороны партизан будут караться смертью. После этого захваченные немцы были расстреляны перед строем, что по мнению А. А. Куликовского, в дальнейшем способствовало предотвращению и профилактике мародерских побуждений в партизанской среде.

5 и 9 ноября 1941 г. отряд провел еще две результативные засады на шоссе, которые привели к уничтожению нескольких автомобилей и десятков вражеских солдат. После этого ответные меры противника не заставили себя долго ждать. Воспользовавшись помощью коллаборантов из числа представителей местного населения, немцы 12 ноября 1941 г. окружили отряд в районе Кизилташа, что позволило им нанести большой урон партизанам, уничтожить их базу, захватить и вывезти запасы оружия и продовольствия (около 100 т). Личный состав подразделения понес большие потери – через 4 дня после этого боя смогли собраться только 113 человек [6, л. 4].

В сложившихся условиях острого дефицита продовольствия, оружия и боеприпасов единственным выходом из сложившейся тяжелой ситуации стали попытки отбить все необходимое у врага. Так, уже 19 ноября подполковник Е. П. Колодяжный сумел силами оставшихся боеспособными партизан (75 человек) организовать разгром вражеской автоколонны (4 машины, более 40 человек убитыми). Военный трофей оказались довольно большими (3 пулемета системы «Шкода», 2 ротных миномета, винтовки), но продуктов питания не оказалось [6, л. 4].

Тяжелые условия зимы 1941–1942 гг. на фоне ликвидации противником собственной продовольственной базы заставили партизан изменить тактику нападений с целью добычи продовольствия. В частности, приоритетной целью для

атак стал гужевой транспорт в сопровождении вражеских солдат, что позволяло отбить у оккупантов лошадей, которых всего в зимний период было съедено 257.

Новый этап в боевой деятельности отряда был связан с организацией содействия высадке советского морского десанта в конце декабря 1941 г. в Феодосии. Партизаны хорошо знали побережье, так как часть их проходила службу до войны в местном погранотряде, и поэтому сумели обезвредить все посты противника от поселка Дальние Камыши (Приморское) до станции Сарыголь (1 км к востоку от современного посёлка Узловое), что было важным условием для обеспечения внезапности и скрытности десантирования.

В дальнейшем в январе 1942 г. подразделение А. А. Куликовского получило приказ организовать новый отряд из числа отступивших в горнолесную местность после неудачных боев красноармейцев из состава десанта, высаженного под Судаком. В результате было создано партизанское формирование под командой подполковника Б. Б. Городовикова, а затем сменившего его старшего лейтенанта Г. С. Алдарова.

Увеличение сил за счет бойцов десантников привело в очередной раз к попыткам со стороны оккупантов уничтожить партизан в восточном Крыму. 14 февраля 1942 г. Феодосийский отряд принял участие в ожесточенных боях у горы Бурус, где в течение четырех дней противник пытался окружить и уничтожить подразделения 1-го партизанского района, что сопровождалось большими потерями. В итоге партизаны сумели прорваться в карасубазарские леса<sup>1</sup>, где получили подкрепление от других отрядов.

Следующая структурная часть мемуаров называется «Особые трудности», в которой описаны основные проблемы условий деятельности и организации быта партизан: отсутствие питания для рации, недостаток боеприпасов, блокада мест расположения отряда противником как со стороны дорог, так и населенных пунктов, острейшая нехватка продуктов питания, которая привела к голоду и повышенной смертности. Последнее обстоятельство А. А. Куликовский описывает следующим образом: *«Все то, что возможно было найти в лесу в зимний период времени – пададь яблок, груш, древесных грибов и мха на деревьях-валежнике, останки постолов, головки хамсы, кишки лошадей, лягушки, – все это поедалось нами. В результате смертность доходила до 13 человек в день»* [6, л. 6].

Со временем посредством аккумуляторов из разбитых немецких машин все-таки удалось наладить радиосвязь с Центром, что позволило начать получать необходимую помощь благодаря авиации, а также использовать развединформацию для организации и планирования операций против немцев. Так, в мемуарах приводятся данные об ориентировке (*вторая половина 1942 г.*) с Большой земли, которая позволила организовать трехдневную засаду под личным командованием А. А. Куликовского на участке дороги от поселка Отузы (пгт. Щебетовка) до Судака,

---

<sup>1</sup> Карасубазарские леса относились к зоне ответственности 2 партизанского района, где действовали Ичкинский, Колайский, Джанкойский, Зуйский и Сетлерский отряды.

в результате которой партизаны уничтожили назначенных оккупационной властью в захваченный Севастополь градоначальника, шефа гестапо и его адъютанта [6, л. 7].

Дерзость этой операции, по мнению А. А. Куликовского, заставила противника предпринять новую попытку по уничтожению партизан, чему способствовала уже полная оккупация полуострова и использование двух кадровых дивизий Вермахта. Однако Феодосийский отряд сумел избежать столкновений с противником благодаря знаниям бывшего командира старо-крымского партизанского отряда и проводника Г. Е. Водопьянова, предложившего укрыть подразделение в так называемом тернике (внешне непроходимая местность в горах, заросшая терном), где врагу не пришло в голову искать партизан. Применительно к периоду этих карательных прочесов автор приводит факты об исключительной жестокости оккупантов по отношению к попавшим в плен партизанам, на конкретных примерах погибших боевых товарищей описывает соответствующие пытки и жестокие казни. Здесь он поделился и личной трагедией<sup>1</sup>, которая постигла его в условиях беспощадной борьбы с беспрецедентно циничным и бесчеловечным противником: *«Вообще о зверствах гитлеровцев следует сказать, что они строго выполняли приказ Гитлера по отношению к партизанам, а именно: если забирали в плен партизана из гражданского населения, пытали до момента потребного им, а потом – вешали. Так было поступлено с Прокопенко, Савченко, Семагиным и другими.*

*Какие издевательства были произведены при освобождении нами города Старого Крыма, я остановлюсь при освещении этого боя. Не лучшей участи постигла и моя личная семья состоящая из жены и троих взрослых дочерей, которая после соответствующих пыток – была расстреляна»* [6, л. 8].

Следующий раздел мемуаров под названием «Связь с мирным населением» посвящен организации и координации движения сопротивления в оккупированных населенных пунктах. Эта часть воспоминаний одна из самых насыщенных фактами и персональными данными, что представляет особую ценность в контексте рассматриваемого сюжета, изучать который сложно из-за фрагментарности, неполноты или отсутствия информации в силу конспиративной специфики функционирования подпольных групп и организаций, отраженной в материалах делопроизводства силовых структур, не всегда широко доступных исследователям.

А. А. Куликовский отметил, что формирование сети подполья на оккупированной территории являлось одним из главных направлений деятельности партизан, которое имело такие приоритеты: распространение советских агитационно-пропагандистских материалов с целью информирования населения, организация разведки для выяснения планов и намерений противника, дислокации его воинских частей и их состава, привлечение в ряды партизан местного населения и военнопленных, разложение и вербовка солдат противника.

В мемуарах приводится характеристика особенностей и отчасти персонального состава пяти подпольных групп, с которыми поддерживало связь

---

<sup>1</sup> Семья А. А. Куликовского была расстреляна в феврале 1942 г.

подразделение А. А. Куликовского в следующих населенных пунктах и регионах Крыма [6, л. 9–11]:

Феодосия (руководитель – Н. М. Листовничая). Группа обеспечивала партизан медикаментами, верхней одеждой, бланками документов оккупационной администрации. В марте 1943 г. была разоблачена и ликвидирована немцами в результате предательства.

Поселок Сарыголь (руководитель – Г. Колегаев). Провела несколько результативных диверсий на железной дороге, в том числе уничтожила в марте 1944 г. сарыгольскую водокачку по обеспечению водой поездов, что парализовало железнодорожное движение на 10 дней.

Рыбачьи промыслы в районе мыса Красный Кут (руководитель М. С. Царев). Обеспечила вербовку в ряды партизан троих румынских солдат, которые оказали отряду ценную помощь как переводчики во время карательных операций, что позволяло своевременно разгадывать замыслы противника. Из рядов этой группы был также партизан И. Жданов, который организовал переброску в лес из Феодосии заслуженного врача РСФСР, опытного военного хирурга О. И. Сухарева.

Поселок Цюрихталь (Золотое поле, руководитель – Ф. Н. Линков). Обеспечила по фиктивным нарядам поставки муки (500 кг) от местной паровой мельницы партизанам и в дальнейшем сумела предотвратить ее уничтожение оккупантами.

Поселок Субаш (Приветное, руководитель – А. Мартиросян). Особенность организации заключалась в поддержке связи с коллаборационистскими формированиями из числа грузин, отвечавшими за охрану побережья. Результатом этой работы стал переход на сторону партизан добровольческого батальона под командованием А. С. Картвелишвили.

В контексте вопросов о деятельности подполья А. А. Куликовский повествует о появлении осенью 1943 г. в его бригаде после ликвидации оккупантами Феодосийской подпольной организации ее членов, избежавших ареста, – отца Михаила и сына Виктора (1929 г. р.) Коробковых. Подросток Виктор, который уже имел опыт разведчика-подпольщика, был оставлен при штабе и продолжал направляться в различные населенные пункты для сбора интересующей информации, что всегда проводил на высоком результативном уровне. В феврале 1944 г. он был захвачен врагом и в марте расстрелян, не сообщив противнику никаких данных о партизанах.

Завершающая часть мемуаров посвящена периоду партизанской борьбы осени 1943 – весны 1944 гг. Автор отметил, что в сентябре-октябре 1943 г. стал происходить рост численности партизанский отрядов, что было связано в том числе с притоком молодежи, из которой сформировали особый комсомольский отряд под командованием младшего лейтенанта А. А. Вахтина.

Приведенные данные подтверждают выводы исследователей о том, что на рубеже 1943–1944 гг. на фоне поражений врага на фронте и начала его стратегического отступления партизанское движение в Крыму стало приобретать более массовый характер, что выражалось как в укрупнении численности действовавших отрядов, так и в формировании новых подразделений.

Динамика расширения партизанского движения привела к повышению интенсивности боевых действий, что А. А. Куликовский проиллюстрировал на примере наиболее результативных с его точки зрения операций. В частности, о возросших боевых возможностях народных мстителей в этот период свидетельствует изложенный сюжет о кратковременном захвате Старого Крыма в марте 1944 г. Цель этой акции заключалась в освобождении политзаключенных, переведённых из концлагеря, расположенного в Ислам-Тереке (Кировское), для которых существовала постоянная угроза физического уничтожения. Тщательно разработанный план атаки позволил партизанам 26 марта, используя фактор внезапности, ворваться со стороны горы Агармыш в город и удерживать его в течение 3-х часов. В результате было уничтожено несколько учреждений оккупационной администрации (полиция, комендатура), офицерский клуб, 4 танка, два дзота, 3 склада, убито до 300 вражеских солдат и офицеров, освобождено и уведено в лес 56 заключенных<sup>1</sup> [6, л. 13].

Последней боевой операцией Восточного соединения стал захват и освобождение Старого Крыма в апреле 1944 г., что было реализовано по приказу командования в рамках координации действий партизан с наступавшими частями Советской армии. Во время ожесточенных боев за город 13 апреля 1944 г. окруженный противник проявил большую жесткость по отношению к местному населению, в результате чего погибло 526 гражданских лиц [6, л. 13].

В завершении текста мемуаров в качестве резюмирующей итоговой части приводятся цитаты из официальных выступлений Н. С. Хрущева, призванные подчеркнуть миролюбивый характер советской внешней политики и готовность СССР придерживаться принципа мирного сосуществования в международной политике. Для подтверждения актуальности этой доктрины даны некоторые цифры, иллюстрировавшие успешность реализации плана 7 пятилетки развития народного хозяйства, а также упоминается Закон СССР от 15.01.1960 г. о сокращении вооруженных сил. В финале автор использовал характерные для официальной публицистики того времени лозунги, прославлявшие правящую КПСС, Советский Союз и советский народ как строителя коммунизма.

Таким образом, воспоминания А. А. Куликовского представляют ценный по информативности письменный источник по истории движения сопротивления в Крыму в годы войны. Небольшой объем текста объясняется тем, что автор не планировал подготовить развернутые подробные воспоминания, а изложил и обобщил материал в формате, необходимом для публичных выступлений как лектору общества «Знание». Тем не менее фактологическая составляющая мемуаров позволяет дополнить данные об истории формирования и деятельности Феодосийского партизанского отряда и других подразделений, особенностях проведения отдельных боевых операций и диверсий против оккупантов, расширяет

---

<sup>1</sup> Сводка Советского Информбюро от 3 апреля 1944 года: «Крымские партизаны 27 марта разгромили вражеский гарнизон в городе Старый Крым. В ожесточенных уличных боях советские патриоты истребили до 200 гитлеровцев. Взорваны и сожжены склады с боеприпасами и вооружением, здание комендатуры и городской полиции. Советскими патриотами захвачено много трофеев. Партизаны перебили немецкую охрану тюрьмы и освободили 46 заключенных советских граждан» [10].

представление о специфике быта и повседневной жизни партизан, их морально-психологическом состоянии, формах организации и деятельности работы подпольных групп, коллаборационистских проявлений среди местного населения и карательных акций противника. Особенно необходимо отметить приводимые автором имена и фамилии членов партизанских формирований и организаций подпольщиков, что позволяет уточнить их персональный состав и роль в борьбе с врагом.

Несмотря на идеологическую выдержанность воспоминаний в духе цензурных требований своего времени, автор затронул в них такие острые темы, как высокая смертность среди партизан в условиях нехватки продовольствия, факты крайней бесчеловечности и жестокости врага, характер помощи оккупантам со стороны местных коллаборационистов. Верификация приведенных фактологических данных и их уточнение требует дальнейшего сопоставления и сравнения с содержанием других источников, в том числе и личного происхождения.

Текст мемуаров закономерно несет на себе отпечаток личностных особенностей их автора. Сохранившееся письменное свидетельство позволяет сформировать представление о А. А. Куликовском как о цельном и мужественном человеке, преданном и искреннем патриоте, незаурядном партизанском командире, ярком представителе поколения советских людей, благодаря самоотверженности и стойкости которого удалось одержать победу в войне, сохранить мир и обеспечить жизнь для будущих поколений.

#### Список использованных источников и литературы

1. Автобиография Куликовского Александра Александровича // Рыбинский музей-заповедника. – URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/64440?person=4342&index=8> (дата обращения 15.12.2024).  
Avtobiografija Kulikovskogo Aleksandra Aleksandrovicha // Rybinsk. muzej zapovednik. – URL: <http://iss.rybmuseum.ru/entity/OBJECT/64440?person=4342&index=8> (data obrashcheniya 15.12.2024).
2. Белоглазов Р. Н., Рац А. Г. Неопубликованные мемуары В. И. Осокина как источник по истории деятельности подпольных организаций Севастополя в годы Великой Отечественной войны // Власть истории и история власти. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 42–51.  
Beloglazov R. N., Rac A. G. Neopublikovannye memuary V. I. Osokina kak istochnik po istorii dejatel'nosti podpol'nyh organizacij Sevastopolja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vlast' istorii i istorija vlasti. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 42–51.
3. Бирнис И. А. Жизнь партизан в Крыму в воспоминаниях доктора О. И. Сухарева // Культурный ландшафт регионов. – 2021. – Т. 3, № 2. – С. 38–44.  
Birniss I. A. Zhizn' partizan v Krymu v vospominaniyah doktora O. I. Suhareva // Kul'turnyj landschaft regionov. – 2021. – Т. 3, № 2. – С. 38–44.
4. Вергасов И. З. Крымские тетради. – М.: Terra-Книжный клуб, 2005. – 509 с.  
Vergasov I. Z. Krymskie tetradi. – M.: Terra-Knizhnyj klub, 2005. – 509 s.
5. Генов И. Г. Дневник партизана. Симферополь: Крымиздат, 1963. – 230 с.  
Genov I. G. Dnevnik partizana. Simferopol': Krymizdat, 1963. – 230 s.
6. Куликовский А. А. Партизаны Востока Крыма в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.) // Личный архив семьи Лузиных. – 15 л.  
Kulikovskij A. A. Partizany Vostoka Kryma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1944 gg.) // Lichnyj arhiv sem'i Luzinyh. – 15 s.
7. Луговой Н. Д. Страда партизанская. 900 дней в тылу врага: Дневниковые записи. – Симферополь: Эльфиньо, 2004. – 700 с.

Lugovoj N. D. Strada partizanskaja. 900 dnej v tylu vraga: Dnevnikovye zapisi. – Simferopol': Jel'in'o, 2004. – 700 s.

8. Македонский М. А. Пламя над Крымом: воспоминания командира Южного соединения партизанских отрядов Крыма. – Симферополь: Крым, 1969. – 304 с.

Makedonskij M. A. Plamja nad Krymom: vospominanija komandira Juzhnogo soedinenija partizanskih otrjadov Kryma. – Simferopol': Krym, 1969. – 304 s.

9. Матышук Н. А. Не щадя собственной жизни: за короткой строкой дневника. – Симферополь: АнтикВА, 2007. – 280 с.

Matyshhuk N. A. Ne shhadja sobstvennoj zhizni: za korotkoj strokoj dnevnika. – Simferopol': AntikvA, 2007. – 280 s.

10. Сводка Советского Информбюро от 3 апреля 1944 года // Красная звезда. – № 80(5760), 4 апреля 1944. – С. 2.

Svodka Sovetskogo Informbjuro ot 3 aprelja 1944 goda // Krasnaja Zvezda. – № 80(5760), 4 aprelja 1944. – S. 2.

11. Ткаченко С. Н. Неизданные воспоминания как источник по изучению взаимодействия советской авиации и крымских партизан (1942-1944 гг.) // Таврійські студії. Історія. – 2012. – № 2.

Tkachenko S. N. Neizdannye vospominanija kak istochnik po izucheniju vzaimodejstvija sovetskoj aviacii i krymskih partizan (1942-1944 gg.) // Tavrijs'ki studii. Istorija. – 2012. – № 2.

12. Ширшов Ф., Ширшова М.Т. «НЕПОКОРЕННЫЕ». Энциклопедия партизанской памяти Восточного Крыма (1 ноября–15 июля 1943 г.). – Симферополь: Бизнес-Информ, 2022. – 336 с.

Shirshov F., Shirshova M.T. «NEPOKORENNYJE». Jenciklopedija partizanskoj pamjati Vostochnogo Kryma (1 nojabrja–15 ijulja 1943 g.). – Simferopol': Biznes-Inform, 2022. – 336 s.

**Beloglazov R. N. Osipovskiy S. N. Unpublished memoirs of A. A. Kulikovskiy as a source on the history of the resistance movement in Crimea during the Great Patriotic War**

The article examines the text of the unpublished memoirs of an active participant and one of the leaders of the partisan movement in eastern Crimea A. A. Kulikovskiy as a source on the history of resistance to the German-Romanian occupation during the Great Patriotic War. It has been established that this written evidence has a large factual component, which is in demand for the study of various aspects of the armed and underground struggle of the people's avengers against the invaders, since it allows us to clarify the forms and directions of the combat and reconnaissance-sabotage activities of the partisan detachments, their organizational structure and personnel, the moral and psychological state of the fighters, living conditions and everyday life, the nature of the punitive operations of the enemy and the participation of local collaborators in them. The article raises the issue of the need for further improvement of the methods of source study heuristics in order to identify and introduce into scientific circulation unpublished memoirs and diaries of Crimean partisans and underground fighters, which may be stored in personal archives and owned by individuals.

Keywords: Great Patriotic War, partisan movement, eastern Crimea, German-Romanian occupation, resistance, underground.

УДК 94 (476) : 351.74 «1941/1945»

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-1-57-70

## ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ АРТИЛЛЕРИИ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕЕ СОЕДИНЕНИЙ ВО ФРОНТАХ ПОД КУРСКОМ ПЕРЕД ЛЕТНЕЙ КАМПАНИЕЙ 1943 ГОДА

*Замулин В. Н.*

*Юго-Западный государственный университет  
г. Курск, Российская Федерация  
E-mail : valery-zamulin@yandex.ru*

После стабилизации фронта в марте 1943 года важнейшей задачей для руководства СССР в рамках подготовки летней кампании стала разработка и реализация мер, с учетом боевого опыта, по совершенствованию организационно-штатной структуры артиллерии и обеспечение ее новыми образцами вооружения как одного из ключевых элементов при решении масштабных задач и в обороне и в наступлении. В статье на широкой базе архивного материала представлены решения и деятельность военно-политического руководства СССР по данному вопросу, а также анализируется состояние и численность артиллерии фронтов, действовавших в Курской дуге к началу июля 1943 г. Приведенный статистический материал управлений командующих артиллерией и отдела укомплектования Центрального и Воронежского фронтов, также позволяет установить численность их артиллерийских группировок и плотность артиллерии на участках, где 5 июля 1943 г. Вермахт нанес удары, дать оценку прогнозу советского командования при разработке Курской оборонительной операции.

**Ключевые слова.** Курская битва, летняя кампания 1943 года, Красная армия, артиллерия, организационно-штатная структура, вооружения, боеприпасы.

С первых недель подготовки к летней кампании 1943 года Ставка Верховного главнокомандования (ВГК) обоснованно полагала, что наличие в армиях первого стратегического эшелона Центрального и Воронежского фронтов, оборонявших Курскую дугу, район, где прогнозировались главные события, высокой плотности артиллерии, является одним из ключевых факторов успеха начального этапа кампании, разрабатывавшейся Курской оборонительной операции. Бывший командующий артиллерией Центрального фронта генерал В. И. Казаков писал, что из всех наземных родов войск именно артиллерия обладала всеми качествами, необходимыми для эффективной борьбы с танками и самоходными орудиями всех типов, в том числе с «Тиграми», «Пантерами» и «Фердинандом», на которые немецкое командование возлагало особые надежды при планировании операции «Цитадель» [15, с. 112]. Поэтому создание мощной, хорошо структурированной артиллерийской группировки в Курском выступе, с обученным личным составом стало важнейшей задачей при подготовке к летним боям.

Рассматриваемая в данной статье проблема восстановления и усиление артиллерийских частей и соединений фронтов под Курском после зимних боев в

рамках подготовки к летней кампании рассматривается во взаимосвязи с процессом модернизации всей артиллерии Красной армии, который проводился в это же время на основе анализа боевого опыта полутора лет войны.

К началу весны 1943 г. артиллерия Красной армии действовала вполне успешно и являлась эффективным инструментом её командования и при ведении обороны, и в ходе наступательных операций. Однако, опыт минувших полутора лет войны, а также модернизация бронетехники Вермахта и выпуск новых образцов танков с усиленным бронированием, требовали внесения определенных изменений в её структуру для повышения мобильности частей, их управляемости, а также повышение огневых возможностей, особенно противотанковых соединений, но не только.

Первым и наиболее важным шагом в этом направлении стал приказ Наркома обороны СССР № 0063 от 10 апреля 1943 г. В нем, во-первых, за общевойсковыми армиями закреплялись артполки, которые ранее были переданы им на усиление, т.е. временно, что увеличивало их огневую мощь, во-вторых, все истребительные бригады переформировывались в отдельные истребительно-противотанковые артбригады (оиптабр), состоявшие из трех истребительно-противотанковых артполков (иптап) (двух – 76-мм пушек ЗиС-3 образца (обр.) 1942 г., одного – 45-мм пушек обр. 1937 г. или 1942 г.), по пять батарей каждый [28, с. 114]. Их главной отличительной особенностью от истребительных бригад, стала большая мобильность, а основа мощи полков – сконцентрированный в один кулак, хорошо и быстро управляемый огонь 20 орудий. Для этого из их состава исключили дивизионное звено управления. Целью этого решения была повышение скорости прохождения приказов и распоряжений, что в условиях высокой динамики боя с танками являлось важным фактором успеха.

Во-вторых, не хватало орудий для укомплектования штатов полков. На Воронежском фронте из 6 бригад к завершению формирования только 14 и 32 оиптабр получили для третьего полка по 16 76-мм орудий, остальным – не хватило. Таким образом, вместо положенных 40 76-мм и 20 45-мм пушек, к началу боев бригады имели 24 76-мм и 20 45-мм орудия.

В-третьих, остро стояла проблема обеспечения автотранспортом. Опыт боев показал: германское командование уже учло, что советская противотанковая оборона состояла из 45-мм и 76-мм пушек и могла успешно бороться с их основными боевыми машинами Т-3 и Т-4 на дистанции до 700 м. Поэтому командиры танковых подразделений Вермахта весной 1943 г. получили приказ: во время атаки использовать боевое построение – клин. Перед началом атаки впереди и на флангах танковой группы (бронегруппы) выдвигались хорошо бронированные танки с мощными орудиями Т-6 «тигр» или Т-5 «пантера», а за ними шли Т-4 и Т-3. Для эффективного отражения такого удара артиллерийским частям был крайне важен манёвр, благодаря которому можно было концентрировать орудия на флангах атакующего клина, а высокую мобильность могло обеспечить лишь достаточное число автотягачей и транспорта, а их, даже к началу июля катастрофически не хватало. Так, на Воронежском фронте даже иптап-ы, полностью укомплектованные орудиями, имели лишь 50-60% автомашин.

Не просто шёл процесс формирования бригад и на Центральном фронте. Например, его командование 13 оиптабр формировало полностью из собственных сил и средств, причем, в ходе этого процесса, как и у соседей, главной проблемой стало отсутствие механической тяги (тягачей и автомобилей). Для завершения ее комплектования К. К. Рокоссовский был вынужден пойти на крайнюю меру, он распорядился изъять в автомобильных батальонах фронта 13 автомашин и направить их в бригаду [16, с. 128]. Тем не менее, к началу июля все бригады были доведены до штата, только две укомплектованы двумя полками 76-мм пушек и одним – 45-мм орудиями, а одна – тремя полками «сорокопяток» [9, с. 44 обр.].

Вторым важным шагом на пути модернизации артиллерии стал ряд решений, принятых военно-политическим руководством СССР в середине апреля 1943 г. с целью повышения качества материальной части противотанковой артиллерии и увеличения выпуска спецбоеприпасов. До этого момента все части противотанковой обороны (ПТО) вооружались 45-мм пушками образца 1937 г. или 1942 г. и 76-мм пушками ЗиС-3 обр. 1942 г. «Сорокапятками» комплектовались и взвода ПТО батальонов стрелковых дивизий. В первый период войны это орудие являлось вполне эффективным средством против бронетехники, особенно после принятия на вооружение 2 апреля 1942 г. подкалиберного снаряда для него [23, с. 52]. Затем была проведена её модернизация, в результате которой бронепробивная способность орудия на дистанции 1000 м повысилась с 42 мм до 51 мм [1, с. 41]. Однако с появлением в Вермахте в 1942 г. модернизированных танков Т-3 и Т-4, и новых Т-6 «тигр» к началу подготовки летней кампании 1943 г. она уже не отвечала требованиям боя, хотя и оставалась основной батальной артиллерии и, вместе с 76-мм орудием ЗиС-3, одним из ключевых элементов противотанковой.

Еще в апреле 1943 г. при обстреле на полигоне первого трофейного Т-6 «тигр», было установлено, что 45-мм пушка М-42 с расстояния 500 м способна прошивала лишь нижний лист борта, имевший толщину 62 мм и только подкалиберным снарядом, а сам корпус 82 мм – поражался только с дистанции 350 м [17, с. 13]. По итогам этих испытаний был сделан вывод о том, что для вывода из строя «тигра» выстрелом по бортам, корме и башне на дистанции 1000 м можно использовать лишь 57-мм орудие ЗиС-2 [17, с. 60].

Практика боевых действий первых полутора лет войны показывала, что на малых дистанциях, до 500 м, советские противотанковые орудия сохраняли преимущество перед танками в бою и не несли тяжелых потерь, только если были хорошо замаскированы и открывали огонь неожиданно для экипажа, а на больших, 1500–2000 м, у них возникали проблемы с меткостью огня. Для выведения из строя средних танков при стрельбе на дистанции 300 м требовалось 1-2 прямых выстрела, а около 1000 м – 8–10 [1, с. 45]. Поэтому оптимальной дистанцией для огня (и результаты обстрела «тигров» это подтверждали) было около 650 м. В силу этого потребность в войсках и в 57-мм орудиях, и в подкалиберных снарядах перед летней кампанией 1943 г. была большая, прежде всего, во фронтах под Курском, где ожидалось массированное применение Вермахтом не просто бронетехника, а именно модернизированных и тяжелых танков.

С учетом этого, 15 апреля 1943 г. было подписано постановление Государственного комитета обороны (ГКО) № 3187 сс «О мерах по усилению противотанковой обороны», в котором излагались мероприятия по совершенствованию материальной части артиллерии ПТО. Основных было три. Во-первых, перед Наркоматом вооружения СССР ставилась задача развернуть производство 57-мм пушки ЗиС-2 [24, л. 1], разработанной В. Г. Грабиным ещё в 1941 г. и тогда же принятой на вооружение. Орудие получилось очень мощным, и для начала войны его возможности оказались не только уникальными, но и чрезмерными: в Вермахте не было ни одного танка с таким бронированием. Поэтому его выпуск был почти сразу прекращен. Теперь же, когда на поле боя уже действовали хорошо бронированные Т-6 «тигры» и ожидалось появление «пантеры», тоже с толстой броней, её высокие боевые качества оказались очень кстати. Весной 1943 г. развертывание производства этого орудия началось на том же горьковском заводе № 92 [24, л. 1], который в 1941 г. выпускал первые образцы.

Во-вторых, сокращение производства короткоствольных 45-мм пушек М-37 с одновременным наращиванием выпуска 45-мм пушек М-42, которые имели более высокие боевые характеристики для борьбы с бронетехникой. Для этого завод № 172 должен был полностью прекратить выпуск устаревших артсистем и перейти на сборку новых. Уже к концу апреля 1943 г. это предприятие было обязано передать в войска 250 М-42, в мае 300, а в июне 400 орудий [24, л. 1].

В-третьих, Наркомат боеприпасов СССР должен был начать производство 57-мм и 76-мм подкалиберных снарядов, у которых показатели по бронепробиваемости были значительно выше, чем у обычных бронебойных [12, с. 135]. ГКО СССР потребовал от оборонных предприятий уже в мае поставить 3000 снарядов для ЗиС-2 и 15000 для ЗиС-3, а в июне соответственно 10000 и 30000 [24, л. 2]. Бывший начальник штаба артиллерии Центрального фронта генерал Н. Г. Надысев в своей книге писал, что практика боя показала роль подкалиберных и кумулятивных боеприпасов в поединках наших артиллеристов с танками «Тиграми» и самоходными орудиями «Фердинандами» невозможно переоценить [16, с. 115].

Вторым, после формирования оиптабр, крупным организационно-штатным мероприятием в рамках модернизации артиллерии перед летней кампанией стало Постановление ГКО № 3164сс от 12 апреля 1943 г. [24, с. 151–153] о формировании артиллерийских корпусов прорыва (акп) резерва главного командования (РГК). Основной причиной появления этого документа стала острая потребность фронтов в мощном, хорошо управляемом «арткулаке» для разрушения глубокоэшелонированной обороны противника. После Сталинградской битвы на большей части советско-германского фронта войска Вермахта перешли к сплошной эшелонированной обороне с несколькими линиями траншей, большим количеством минных полей и инженерных сооружений. Для прорыва этой системы, а также долговременной, которая создавалась на относительно спокойных направлениях с 1941 и 1942 гг. требовался мощный инструмент. В связи с этим и возникла потребность в артиллерийских корпусах прорыва. Весной 1943 г. планировалось

сформировать от 5 до 7 таких соединений из дивизий, находившихся в резерве Ставки ВГК и в действующей армии. Но перед началом летней кампании в войсках на Курской дуге они появились только в Центральном фронте, здесь будет сформирован 4 акп РКК, а на Воронежском – их формировать не планировалось из-за нехватки сил и средств.

При подготовке штата арткорпуса, как и в ходе выработки оптимальной структуры штаба-в, ключевой проблемой стало создание гибкой, и в то же время разветвленной системы управления, которая позволяла быстро передавать приказы (информацию) от вышестоящего командования к нижестоящему, и обратно. Трёхступенчатая структура: корпус – дивизия – полк для этого не подходила, она была слишком громоздкой. Штаб дивизии шести полкового состава был слишком перегруженным функциями контроля и управления, что существенно снижало эффективность боевой работы всего соединения. Поэтому было решено включить в звено дивизия – полк бригаду, объединив в ней три полка. Однако при такой структуре для одного корпуса требовалось до 15 бригадных управлений, возникал вопрос: где взять сразу такое количество штабных офицеров с опытом боевой работы в дивизионном звене, ибо будущая бригада по численности являлась фактически половиной артдивизии.

Для основательной проработки этого вопроса обстановка на фронте времени не давала, поэтому до начала летней кампании решить его не удастся. Основные официальные документы о формировании корпусов были подписаны до середины апреля, а к концу мая, например, 4 акп РКК трех дивизионного состава был почти полностью доведен до штата, в том числе и все его структуры управления. Однако, уже в ходе первых дней Курской оборонительной операции именно бригадное звено, собранное из командиров, по большей части, не имевших опыта службы в столь крупных формированиях, стало наиболее проблемным и существенно осложнило боевую работу корпусов в обороне, а затем и во время контрнаступления. Вместе с тем, возникли серьезные сложности и с использованием материальной части. Хотя один залп гвардейской минометной дивизии составлял 3456 мощных 300-мм снарядов (М-30), а вес такого залпа превышал 136 тонн, но по скорострельности, точности огня и маневренности минометной дивизия намного уступала артиллерийской, что в условиях отражения удара мощной танковой (а значит высококомобильной) группировки имело большое значение. Кроме того, дальность стрельбы М-30 составляла всего 4 км, что намного меньше дальности стрельбы любого тяжелого артиллерийского орудия [16, с. 118–120].

После принятия Ставкой ВГК основных решений для модернизации артиллерии, в главную роль в работе по их реализации предстояло сыграть командованию артиллерией фронтов. Однако анализ доступных сегодня для исследователей архивных материалов показывает, что при подготовке к летним боям 1943 г. в его деятельности эти вопросы занимали не основную часть времени, более сложной и ответственной стала работа по восстановлению частей и соединений, уже имевшихся в войсках. Обратимся к ранее не вводившимся в научный оборот материалам из ЦАМО РФ, и рассмотрим то, как был организован этот процесс на Центральном и

Воронежском фронтах, и как их руководство решало возникавшие крупные проблемы.

На 1 апреля 1943 г., т.е. сразу после стабилизации оперативной обстановки на юго-западном направлении, в соединениях Воронежского фронта артсредств было мало: 2716 минометов, 1699 орудий, в том числе 940 орудий полевой артиллерии, 759 орудий ПТО и зениток [3, л. 308, 309]. В Центральном фронте по состоянию на 30 марта 1943 г. положение с артиллерией складывалось значительно лучше. Он располагал 5337 минометами всех типов, 2774 орудиями, в том числе 1418 полевыми, 1067 ПТО [8, л. 97]. Таким образом, уже перед началом подготовки летней кампании в войсках Рокоссовского было больше чем в войсках Ватутина: минометов – на 50,9%, всех орудий – на 61,3% (полевых на 66,3%, ПТО на 71,1%) и ПТР – на 44%. Эта тенденция сохранится вплоть до начала летних боев, хотя разница в цифрах существенно сократится. Таким образом, фундамент успеха войск Рокоссовского в определенной мере был заложен сразу после зимней кампании 1942/1943 гг. из-за непропорционального распределения артсредств (относительно соседа), а также решения Ставки ВГК о переходе Центрального фронта в наступление первым, в случае если Вермахт не нанесет удар до 15 июля 1943 г.

Помимо большей численности артиллерии Центральный фронт имел существенное отличие от соседа и в ее организации. Воронежский фронт располагал лишь одной артиллерийской и двумя зенитными артдивизиями, в то время как здесь в каждой армии их было по одной – две, и даже больше, а также две – в резерве фронта. Причины столь существенного перекоса в численности артгруппировок соседних фронтов были следующие.

Во-первых, Центральный фронт в феврале 1943 года формировался из армий Донского и Брянского, которые участвовали в ликвидации группировок на Волге и в районе Касторное – Горшечное, поэтому изначально имели более сильную артиллерию, чем Воронежский фронт, хотя из Сталинграда под Курск прибыли не все его артчасти [16, с. 107]. Кроме того, в момент формирования Центрального фронта из Воронежского ему отошла 60 А, а взамен её на базе 18-го отдельного стрелкового корпуса фронт начал создавать 69 А. Однако эта армия никаких средств усиления из центра не получила и в это время по своему боевому потенциалу от полнокровного корпуса не сильно отличалась, в том числе и по численности артиллерии.

Во-вторых, в феврале Центральный фронт готовился к крупному наступлению с целью прорыва к Смоленску, поэтому из центра ему были направлены дополнительные силы. А Воронежский фронт, хотя с 18 февраля 1943 г. и вёл очень тяжелые оборонительные бои на Украине, артиллерией усилен не был. Как известно, оба фронта добиться успеха не смогли, но войска Рокоссовского понесли потери меньшие, в том числе и в артиллерии [16, с. 397, 398]. Только, за март 1943 г. Воронежского фронта лишился в общей сложности 645 орудий и 1358 минометов [22, с. 43]. В результате, согласно шифродонесения командования Центрального фронта от 13 апреля, на 10 апреля 1943 г. его войска имели общий комплект 45-мм – 152-мм орудий 1189 единиц, или 25% штата, но в шифровке от

17 апреля оно просило Москву передать лишь 337 новых орудий или 7% штата. Остальную недостачу фронт имел возможность покрыть самостоятельно. Причём первый эшелон после завершения боев со 118 орудиями был отправлен для фронта уже 12 апреля [13, л. б/н]. Такая же ситуация складывалась и со ствольными минометами. На 10 апреля фронт имел некомплект 1460 единиц или 17,6% штата, а на пополнение запросил лишь 480 (6%), а 12 апреля ему уже отправили 280 штук [13, л. б/н].

Значительно большей проблемой в артминчастях Центрального фронта после завершения боев была нехватка специалистов. При выводе артполков в тыл некоторые командиры соединений использовали их личный состав не по прямому назначению [6, с.398]. Поэтому весной 1943 г., в 4 акп РГК, куда вошла и 5 гв. мд, вопрос комплектования полков личным составом и обучение расчетов стоял острее, чем проблемы с пополнением материальной частью. В связи с этим уже 6 апреля Ставка ВГК решила: к 20 апреля направить фронту 2000 специалистов из резерва командующего артиллерией Красной армии и 1400 – из главного управления формирований для укомплектования взводов 45-мм ПТО стрелковых батальонов [27, л. б/н].

Приведение частей и соединений артиллерии в порядок на Центральном фронте началось в конце марта 1943 г., сразу после подписания директивы командующего его артиллерией № 032/оп от 21 марта 1943 г. [14, л. 47, 48]. В этом документе вопросу восстановления боеготовности полков и дивизионов была отведена значительная часть. Перед командирами всех степеней ставились две главные задачи: оперативно развернуть боевую учебу и как можно быстрее восстановить материальную часть (орудия, тягачи и автотранспорт). Причем обе следовало решать одновременно. Командование фронтом было убеждено: в ходе летней кампании, а возможно, и уже весной, неприятель предпримет мощное наступление, в ходе которого будет оперировать в основном бронетанковыми группировками. Поэтому войсковая учеба должна была, во-первых, выровнять общий уровень подготовки артиллеристов во всех армиях, т.к. в это период он существенно отличался, во-вторых, повысить их профессиональное мастерство, прежде всего, улучшить взаимозаменяемость командного состава в тактическом звене, и при этом создать внушительный резерв младших командиров. В частности, документ требовал, чтобы к 15 мая 1943 г. все заместители командиров батарей были готовы исполнять обязанности командиров в полном объеме. Однако весной 1943 г. уровень подготовки офицеров, уже занимавших должность командиров батарей и дивизионов в некоторых армиях, не соответствовал даже минимальным требованиям руководящих документов. Например, в начале апреля при проверке офицеров управления артчастей 70А Центрального фронта был выявлен следующий уровень профессионального мастерства: отлично справились с заданиями только 2%, с оценкой «хорошо» – 15%, «удовлетворительно» – 58%, «плохо» – 25% [18, с. 57, 58]. Таким образом, больше половины командиров в батареях и дивизионах с трудом исполняли свои обязанности, а четверть – совершенно неудовлетворительно. Опираясь на эти данные, не составит труда представить примерную степень обученности их

заместителей, т.е. тех, кто в ближайшее время (в ходе ближайшего боя) мог занять их место. Поэтому Военный совет фронта и ставил боевую учебу во главу угла. Благодаря целенаправленной работе опытных командиров и интенсивным полевым учениям к началу июля 1943 г. их общий уровень подготовки, безусловно, повысили, хотя и далеко не везде [29, л. 197, 198].

После организации боевой учебы, следующей по важности задачей, которую весной 1943 г. пришлось решать командованию обоих фронтов, стало доведение числа систем вооружения до штата и повышение подвижности артполков, которые являлись основной организационной единицей войсковой артиллерии Красной армии. Каждая стрелковая дивизия имела один артполк. При переходе дивизии к обороне дивизионы придавались стрелковым полкам в качестве основного огневого средства усиления, а отдельный истребительно-противотанковый дивизион (оиптд) находился в подвижном противотанковом резерве комдива. В начале 1943 г. гвардейский артполк, как правило, имел общую численность 1001 человек [30, л. 41 обр.], на его вооружении стояли 24 76-мм пушки ЗиС-3 обр.1942 г. и 12 122-мм гаубицы обр. 1938 г., а артполк обычной дивизии – 8 батарей по 4 пушки и гаубицы каждая, т.е. всего 32 орудия [31, с. 72]. Гвардейскому артполку полагалось 678 лошади, в том числе 464 – артиллерийских и 53 – обозных, но и их не хватало, особенно после выхода войск из зимы [10, л. 69]. В качестве механической тяги для орудий и переброски снарядов полку полагалось не менее 5 автомобилей и 15 тракторов [10, л. 69]. Командование Красной армии запланировало с середины 1943 г. перевод всей артиллерии дивизий на автотягу и к началу летней кампании ряд гвардейских дивизий уже получили автотранспорт, но в подавляющем большинстве артполков фронтов на Курской дуге лошадь продолжала оставаться и главной тягловой силой, и основным транспортным средством.

Ранней весной 1943 г. большое число автомашин и тракторов требовало обслуживания и ремонта. Много вышло из строя и лошадей, значительная часть их была потеряна, а оставшиеся из-за зимней бескормицы, плохого ухода и бушевавшей эпидемии клеща в Курской и Орловской областях заметно отошали, начался падеж. Часть потребностей войск была удовлетворена за счёт трофейных лошадей, но они находились не в лучшей физической форме, и было их мало. Оба фронта решить эту проблему могли собственными силами, но требовалась хорошая организация и большая системная работа. Поэтому как только стало ясно, что обстановка начинает стабилизироваться, командование артиллерии потребовало от подчиненных войск, используя период распутицы, как можно быстрее восстановить подвижность дивизионов и полков, т.к. она будет определяющим фактором при осуществлении маневра артиллерии фронта в предстоящих операциях, особенно противотанковой.

Проблемы с некомплектом личного состава и основных типов вооружения артиллерии были значительно масштабнее, и их решение в основном зависело от поступлений из центра. Поэтому главной задачей, например, штаба артиллерии Центрального фронта и его командования в это время являлось доведение до боеготовности 4 акп РГК в сжатые сроки. Именно туда направлялась значительная часть транспорта, специалистов, оборудование и вооружение, которые изыскивались

в самих войсках фронта и начавшие поступать в апреле с оборонных предприятий, запасных полков и учебных центров. Но этих ресурсов не хватало. Поэтому, несмотря на значительные усилия командования всех уровней, ситуация в артиллерии фронта, особенно крупных соединениях, продолжала оставаться сложной всю весну и даже в начале лета. В некоторых полках не хватало до 12% командиров, что, естественно, отрицательно влияло на боеготовность частей.

Ещё труднее оказалось решить проблему с пополнением основными типами вооружения для 4 акп РГК. Корпус прорыва – очень крупное соединение, три его дивизии состояли из 15 артиллерийских и минометных бригад. К началу формирования в значительной части тяжелых полков физически отсутствовали от 2 до 8 орудий (по дивизиям это выходило десятки единиц), а некоторые – располагали не штатными (трофейными) пушками и мехтягой, требовавших ремонта, т.е. запасных части, оснастка и специалисты. Поэтому доукомплектование тяжелых полков и бригад шло очень медленно и, несмотря на большие усилия, предлагавшиеся командованием, довести численность его основного вооружения до штатной не удалось не только к концу весны 1943 г., но и в начале лета [19, л. 231].

А теперь обратимся к статистике, которая поможет увидеть объём работы, проделанной Ставкой ВГК и командованием фронтов в апреле-июне 1943 г., и оценить боевой потенциал артиллерии войск под Курском к началу боев. На 5 июля 1943 г. Центральный фронт всего имел по списку: 5936 орудий (с зенитками), в том числе 1485 76-мм орудий, 2134 45-мм ПТО, 8749 минометов всех типов и 685 реактивных систем (РС) [8, л. 39]. Таким образом, за три месяца подготовки прирост составил: по орудиям на 3162, или 114% от наличия на 30 марта 1943 г., по минометам на 3412, или 64%. В войсках Воронежского фронта в это время находилось: 4707 орудий (с зенитками), в том числе 458 76-мм орудий и 1766 45-мм ПТО, 6702 миномета и 265 РС [4, л.157]. Следовательно, за период подготовки к боям он получил: 2978 орудий, увеличение составило 172%, 3929 минометов, прирост – 142%. Следовательно, к началу летней кампании в войсках Центрального фронта числилось больше чем Воронежского: орудий на 1229 штук или 26,1%, минометов на 2047 или 30,5%.

Более половины сил артиллерии Центрального фронта находились в 13, 70 и 48А, которые обороняли направления, наиболее опасные, по мнению его командования: 3409 орудий (57,4% от общего числа во фронте), 4573 миномета (52,3%), 600 РС (87,6%).

Руководство Воронежским фронтом основные силы тоже направило на усиление трех армий первого эшелона 40, 6 гв. и 7 гв. А, в полосе которых прогнозировался и главный, и вспомогательный удары. Однако численность их артиллерийской группировки была заметно меньше чем у соседа. К 5 июля 1943 г. в них было сосредоточено: 2839 всех орудий (в том числе и зениток) (60,3% от наличия во фронте), 3547 минометов (53%), 163 РС (61,5%).

Таким образом, к началу июльских боев в полосе шести армий, удерживавших оборону на главных направлениях двух фронтов, в среднем на 1 км приходилось:

в 48 А (направление вспомогательного удара противника, левый фланг): 20,2 всего орудий, 12,4 76-мм и 45-мм ПТО, 26 минометов и РС;

в 13 А (направление главного удара, вся полоса): 50 всех орудий, 26,3 76-мм и 45-мм ПТО, 80,6 миномета и РС;

в 70 А (направление главного удара, правый фланг): 13,7 всех орудий, 8,8 76-мм и 45-мм ПТО, 21,4 минометов, в том числе и РС;

в 6 гв. А (направление главного удара, вся полоса): 15,1 всех орудий, 9,9 76-мм и 45-мм ПТО, 19,2 миномета и РС;

в 7 гв. А (направление вспомогательного удара, вся полоса): 17,9 всех орудий, 11,6 76-мм и 45-мм ПТО, 22 миномета и РС;

в 40 А (не была атакована): 17,4 всего орудий, 11,4 76-мм и 45-мм ПТО, 25 минометов, в том числе и РС.

Для сравнения, в октябре 1941 г. на одну общевойсковую армию Западного фронта приходилось в среднем 600 орудий, а при обороне под Сталинградом – 1100. В результате, плотность артсредств под Москвой на главном направлении колебалась от 7 до 11 единиц на километр, а в 62 А на Волге перед началом контрнаступления она составляла 13,4 орудия и миномета [32, л. 219].

Как видно из приведенных цифр, эффективность деятельности советского Верховного командования по восстановлению и усилению фронтов в Курской дуге одним из самых важных инструментов для ведения успешной и обороны, и наступления – артиллерийскими средствами – за три месяца подготовки к летней кампании 1943 г. оказалась очень высокой. За апрель-июнь 1943 г. их войска получили всего 5865 орудий, 7342 ствольных миномета. Таким образом, в относительно сажные сроки была успешно решена очень важная задача – восстановлен и усилен один из важных и мощных инструментов войск на опасном и в то же время очень перспективном направлении советско-германского фронта для решения задач летней кампании и достижения цели 1943 г.

Большое внимание командующие Центральным и Воронежским фронтами уделяли пополнению, обучению и планированию использования своего артиллерийского резерва в летних боях, в первую очередь противотанкового, который, как известно, являлся важнейшим составляющим успешной боевой работы войск в любой крупной операции.

К. К. Рокоссовский в период подготовки в прямом подчинении фронта оставил в общей сложности 813 орудий (с зенитками) (13,7% от наличия во фронте), в том числе 212 76-мм пушек и 270 45-мм орудий, 593 миномета (6,8%), 23 РС (3,3%) [9, л. 50 обр.].

Н. Ф. Ватутин поступил так же, как и его сосед, но его возможности были значительно меньше. В своем резерве он оставил 544 орудия, в том числе зенитки (11,6% от наличия во фронте), 780 минометов (11,6%), 47 РС (17,7%) [5, л. 161].

Таким образом, разница по основному артвооружению – орудиям в резервах командующих обоих фронтов составляла 269 единиц или 49,4%. Столь существенный перекосяк и по общему количеству артминсистем фронтов, и по их резерву показывает, что, во-первых, расчет Ставки ВГК при прогнозировании планов

противника и оценке его сил ожидала наступления главной группировки Вермахта в полосе Центрального фронта, а не Воронежского, как это оказалось в действительности, во-вторых, наглядно демонстрирует большие возможности войск Рокоссовского перед началом оборонительной операции, чем Ватутина.

Не столь впечатляющими оказались к началу летней кампании результаты работы руководства СССР по реализации плана модернизации артиллерии, даже во фронтах под Курском. Хотя все намеченные мероприятия в основном были выполнены, анализ обнаруженных нами документов показывает, что качество достигнутых результатов, оставляло желать большего.

Во-первых, идея создания оиптабр оправдала себя, но на первом этапе летней кампании заложенный в них потенциал полностью реализовать не удалось, в том числе и из-за организационных проблем. Хотя формально все бригады были сформированы, но многие не получили положенные им по штату орудия и автотранспорт. Эти проблемы повлияли на их боевую работу уже в первые сутки оборонительной операции [20, л. 13 обр.].

Не удалось повысить до приемлемого уровня и мобильность артиллерийских полков стрелковых дивизий. В результате, например, в дивизиях 5 гв. А, которая 10 июля 1943 г. прибыла на Воронежский фронт в разгар Курской оборонительной операции из резерва, стрелковые корпуса имели общий некомплект лошадей 53%, а их отдельные гвардейские дивизии артиллерийских лошадей – 76% [11, л. 2 обр.].

Во-вторых, на оборонных предприятиях необходимый уровень выпуска подкалиберных снарядов не был достигнут, поэтому потребности артиллерии фронтов даже под Курском к началу боёв полностью удовлетворить не удалось. Тем не менее, их небольшое число получили Центральный и Воронежский фронты, а также армии Степного военного округа, которые участвовали в Курской оборонительной операции. Например, войска Рокоссовского получили 75000 подкалиберных снарядов для 45-, 57- и 76-мм пушек, и 6700 кумулятивных – для 76-мм полковых пушек и 122-мм гаубиц [16, л. 115].

В-третьих, не удалось передать фронтам в необходимом количестве ЗиС-2 для замены ими М-37 и М-42. В мае была выпущена лишь партия орудий для войсковых испытаний, поэтому к началу летних боёв в действующей армии их оказалось очень мало.

В-четвертых, до начала боёв в сформированных арткорпусах прорыва так и не были решены две важные проблемы – низкий уровень укомплектованности и профессиональной подготовки штабных офицеров бригадного и дивизионного звена. Например, в конце июня 1943 г. командование одного из трех соединений 4 акп РГК, 5 ад по итогам работы за истекший месяц докладывало о том, что штабы бригад полностью не укомплектованы, состав штабов подобран случайно и не имеет достаточной подготовки в работе. Кроме того, особо отмечалось, что общим недостатком в работе управлений бригад и полков являлась низкая оперативность, отсутствие культуры в оформлении документов, нарушение графика представления донесений и докладов, несвоевременная и неточная информация, слабый контроль за исполнением приказов [21, л. 233].

И, тем не менее, по нашему мнению, в деле модернизации артиллерии Красной армии в период подготовки к летней кампании 1943 г. был достигнут очень важный успех. Он заключался в том, что советскому командованию удалось оперативно сформировать систему мер по совершенствованию важнейшего рода войск: разработать ряд крупных мероприятий по улучшению ее структуры и материальной части, подготовить, согласовать и издать руководящие документы для их реализации и начать воплощать эти решения на практике. При этом в боях летом 1943 г. прошла проверку большая их часть и показала высокую эффективность. Поэтому осенью 1943 г. продолжилась реализация того, что не удалось сделать весной, но уже с учетом полученного боевого опыта. Например, другие фронты приступили к созданию акп и оиптабр, показавших высокую эффективность в боях под Курском. Причем, к этому времени было выпущено значительное количество ЗиС-2, поэтому третьи полки в оиптабр комплектовались уже ими, а не 45-мм ПТО [26, л. 136]. В результате, если на 1 июля 1943 г. количество иптап в Красной армии, объединенных в бригады, составляло 36 %, то 1 января 1944 г. – уже 52%, и к 1 января 1945 г. – уже 66% [2, л. 79–84].

**Список использованных источников и литературы.**

1. Бирюков Г. Ф., Мельников Г. В. Борьба с танками. – М.: Воениздат, 1967. – 183 с.  
Biryukov G. F., Mel'nikov G. V. Bor'ba s tankami. – M.: Voenizdat, 1967. – 183 s.
2. Будур В. Развитие противотанковой артиллерии в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 1973. – № 6. – С. 79–84.  
Budur V. Razvitie protivotankovoj artillerii v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` // Voenno-istoricheskij zhurnal. – 1973. – № 6. – S. 79–84.
3. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). – Ф. 203. – Оп. 2870. – Д. 37.  
Central'ny`j arxiv Ministerstva oborony` RF (CzAMO RF). – F. 203. – Op. 2870. – D. 37.
4. ЦАМО РФ. – Ф. 203. – Оп. 2843. – Д. 426.  
CzAMO RF. – F. 203. – Op. 2843. – D. 426.
5. ЦАМО РФ. – Ф. 203. – Оп. 2843. – Д. 426.  
CzAMO RF. – F. 203. – Op. 2843. – D. 426.
6. Великая Отечественная война. 1943 год: Исследования, документы, комментарии. М.: Издательство главного архивного управления Москвы, 2013. – 688с.  
Velikaya Otechestvennaya vojna. 1943 god: Issledovaniya, dokumenty`, kommentarii. M.: Izdatel'stvo glavnogo arxivnogo upravleniya Moskvu`, 2013. – 688s.
7. ЦАМО РФ. – Ф. 62. – Оп. 325. – Д. 4.  
CzAMO RF. – F. 62. – Op. 325. – D. 4.
8. ЦАМО РФ. – Ф. 62. – Оп. 321. – Д. 139.  
CzAMO RF. – F. 62. – Op. 321. – D. 139.
9. ЦАМО РФ. – Ф. 62. – Оп. 321. – Д. 138.  
CzAMO RF. – F. 62. – Op. 321. – D. 138.
10. ЦАМО РФ. – Ф. 328. – Оп. 4852. – Д. 38.  
CzAMO RF. – F. 328. – Op. 4852. – D. 38.
11. ЦАМО РФ. – Ф. 240. – Оп. 2795. – Д. 36.  
CzAMO RF. – F. 240. – Op. 2795. – D. 36.
12. Горбачёв В. Г. Рожденные на полигоне // Бомбардир. – 2007. – № 19. – С.131–136.  
Gorbachyov V. G. Rozhdenny`e na poligone // Bombardir. – 2007. – № 19. – S.131–136.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 83. – Оп. 1. – Д. 20.  
Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv social`no-politicheskoj istorii (RGASPI). – F. 83. – Op.1. – D. 20.

14. ЦАМО РФ. – Ф. 226. – Оп. 20991сс. – Д. 4.  
CzAMO RF. – F. 226. – Op. 20991ss. – D. 4.
15. Казаков В. И. «Артиллерия, огонь!». – М.: ДОСААФ, 1972. – 239с.  
Kazakov V. I. «Artilleriya, ogon'!». – М.: DOSAAF, 1972. – 239s.
16. Надьсев Н.Г. На службе штабной. – М.: Воениздат, 1976. – 270с.  
Nady`sev N.G. Na sluzhbe shtabnoj. – М.: Voenizdat, 1976. – 270s.
17. ЦАМО РФ. – Ф. 38. – Оп. 11577. – Д. 12.  
CzAMO RF. – F. 38. – Op. 11577. – D. 12.
18. Курский областной краеведческий музей. Фонд музея Курской битвы. Отчет группы офицеров штаба 70А под руководством полковника П. О. Баумана «Курская битва. Подготовительный период обороны 70А (апрель, май, июнь 1943 г.)».  
Kurskij oblastnoj kraevedcheskij muzej. Fond muzeya Kurskoj bitvy`. Otchet grupy` oficerov shtaba 70A pod rukovodstvom polkovnika P. O. Baumana «Kurskaya bitva. Podgotovitel`ny`j period oborony` 70A (aprel`, maj, iyun` 1943 g.)».
19. ЦАМО РФ. – Ф. 9621. – Оп. 1. – Д. 18.  
CzAMO RF. – F. 9621. – Op. 1. – D. 18.
20. ЦАМО РФ. – Ф. 426. – Оп. 10753. – Д. 43.  
CzAMO RF. – F. 426. – Op. 10753. – D. 43.
21. ЦАМО РФ. – Ф. 9621. – Оп. 1. – Д. 18.  
CzAMO RF. – F. 9621. – Op. 1. – D. 18.
22. ЦАМО РФ. – Ф.203. – Оп. 2843. – Д. 414.  
CzAMO RF. – F.203. – Op. 2843. – D. 414.
23. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп.1. – Д. 26.  
RGASPI. – F. 644. – Op.1. – D. 26
24. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп.1. Д. – 105.  
RGASPI. – F. 644. – Op.1. D. – 105.
25. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 1. Д. – 102.  
RGASPI. – F. 644. – Op. 1. D. – 102.
26. РГАСПИ. – Ф. 644. – Оп. 1. – Д.153.  
RGASPI. – F. 644. – Op. 1. – D.153.
27. РГАСПИ. – Ф. 83. – Оп.1. – Д. 20.  
RGASPI. – F. 83. – Op.1. – D. 20.
28. Русский архив: Великая Отечественная. Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. Т. 13(2–3). – М.: ТЕРРА, 1997. – 456 с.  
Russkij arxiv: Velikaya Otechestvennaya. Prikazy` Narodnogo komissara oborony` SSSR. 1943–1945 gg. T. 13(2–3). – М.: TERRA, 1997. – 456 s.
29. ЦАМО РФ. – Ф. 13210. – Оп. 20928 с. – Д.4.  
ЦАМО РФ. – Ф. 13210. – Оп. 20928 с. – Д.4.
30. ЦАМО РФ. – Ф.1163. – Оп. 1. – Д. 179.  
CzAMO RF. – F.1163. – Op. 1. – D. 179.
31. Справочный материал по организационной структуре стрелковой дивизии Советской армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Военно-историческое управление Главного военно-научного управления Генерального штаба Советской армии. – М., 1951.  
Spravochny`j material po organizacionnoj strukture strelkovoj divizii Sovetskoj armii v period Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 gg. / Voenno-istoricheskoe upravlenie Glavnogo voenno-nauchnogo upravleniya General`nogo shtaba Sovetskoj armii. – М., 1951.
- 32.Фомин Н. С. Артиллерия в Курской битве // Курская битва / Под ред. генерал-майора И. В. Пароткина. – М.: Наука, 1970.– С. 218–229.  
Fomin N. S. Artilleriya v Kurskoj bitve // Kurskaya bitva / Pod red. general-majora I.V. Parot`kina. – М.: Nauka, 1970.– S. 218–229.

**Zamulin V. N. The problems of modernizing the artillery of the Red Army and restoring its formations in the fronts near Kursk before the summer campaign of 1943.**

After the stabilization of the front in March 1943, the most important task for the leadership of the USSR in preparation for the summer campaign was the development and implementation of measures, taking into account combat experience, to improve the organizational and staff structure of artillery and provide it with new types of weapons as one of the key elements in solving large-scale tasks in both defense and offensive. The article presents the decisions and activities of the military and political leadership of the USSR on this issue on a broad basis of archival material, as well as analyzes the state and number of artillery fronts operating in the Kursk Bulge by the beginning of July 1943. The statistical material provided by the departments of artillery commanders and the staffing department of the Central and Voronezh Fronts also allows us to establish the number of their artillery groups and the density of artillery in the areas where the Wehrmacht struck on July 5, 1943, to assess the forecast of the Soviet command during the development of the Kursk defensive operation.

Keywords. The Battle of Kursk, the 1943 flight campaign, the Red Army, artillery, organizational and staff structure, weapons, ammunition.

УДК 930.2/94(38)

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-1-71-83

## ОРУДИЯ ГНЕВА АПОЛЛОНА ПИФИЙСКОГО

*Колесников М. А.*

*(независимый исследователь)*

*E-mail: makko.kol@yandex.ru*

Предлагается новый способ различения исторической и мифологической составляющих в преданиях об Аполлоне Пифийском, относящихся к «оскорблению божества». Материалом для исследования послужили письменные источники с описаниями и точными датировками наиболее ранних случаев посягательства на имущество Аполлона Пифийского, которые имели последствия, воспринимаемые современниками как «божий гнев». Было установлено, что все происшествия такого рода относятся к периоду V – I вв. до н. э. Составлен перечень характеристик и сакральных атрибутов Аполлона Пифийского как локального божества, который оказался сильно отличающимся от канонического образа Аполлона. Результатом исследования стала переоценка достоверности сообщений древних авторов о некоторых событиях в истории Дельф классического и эллинистического времени.

**Ключевые слова:** Аполлон, канон, предание, святотатство, землетрясение, камнепад, молния, гроза, буря, болезнь.

В олимпийской религии существовало незыблемое правило, согласно которому каждому богу принадлежала своя строго ограниченная сфера влияния [13, с. 11]. Древние авторы воспринимали его как религиозную догму, подкреплённую авторитетом Гомера, описавшего в «Илиаде» разделение мира по жребию между Зевсом, Посейдоном и Аидом, после чего Зевс стал владыкой небес и громовержцем, Посейдону достались морские глубины и власть над землетрясениями, а Аиду выпал удел повелевать подземным царством и душами умерших (Ном. III. 187–95), [7, с. 111]. Тем не менее, в поколении младших богов существовало одно божество, на которое это правило как будто не распространялось, и которое осмеливалось самовольно присваивать атрибуты трёх высших властителей Олимпа, причём делало это без каких бы то ни было просьб, условий или предварительных договорённостей. Этим божеством был Аполлон, правда, лишь в одной его ипостаси, в которой он выступал владельцем Дельфийского храма с собственным оракулом и повелителем небольшой области в Средней Греции, ограниченной юго-западным отрогом Парнаса и северным побережьем Крисейского залива. Он был очень не похож на канонический образ «сребролукого» Феба-Аполлона, сына Зевса и Латоны, обладателя золотой кифары, повелителя Муз и покровителя искусств [7, с. 346–357]. В его сакральной биографии можно найти эпизоды, где он карает своих обидчиков ударами молний, подобно Зевсу, или насылает на них землетрясения и заваливает камнепадами, подобно Посейдону, или же заставляет их души терпеть муки в подземном царстве, тем самым принимая на себя функции Аида. Со строго теологической точки зрения, этот образ следует признать совершенно неправильным,

поскольку Аполлон не имел права управлять природными стихиями, – это была неотъемлемая прерогатива Зевса и Посейдона, и он тем более не мог выступать в роли судьбы в подземном царстве Аида [17, р. 519].

В той части древних преданий, которая относится к легендарным эпохам, эта путаница представляет проблему лишь для специалистов по древней мифологии. Но когда такие эпизоды оказываются вплетены в ткань исторических повествований и приобретают точные хронологические привязки, они начинают создавать трудности уже историкам и археологам. Главная из них состоит в том, что трудно понять, какая часть этих повествований восходит к наблюдениям очевидцев, а что в них явилось результатом мифотворчества, которое по самой своей сути «пралогично» и не подчиняется правилам формальной логики [6, с. 85–113; 2, с. 21]. Рациональная обработка этих преданий древними авторами обычно сводилась к отбору тех из них, которые содержали наименьшее количество внутренних противоречий. Но и эта процедура не решала главной проблемы, поскольку «пралогичным» был лишь сам процесс конструирования мифа, но не его результат, который всегда оформлялся в виде связного описания некой последовательности событий, в которой трудно, а порой невозможно распознать мифологему. Тем не менее, эти описания сохраняли своё правдоподобие только до тех пор, пока каждое из них рассматривалось в отдельности. Стоило выстроить их в хронологически последовательные ряды и сравнить между собой, как правдоподобие улетучивалось, и наружу проступало явное и назойливо повторяющееся клише, свойственное хорошо проработанному мифу или сказке. Для исследователя это сплошь и рядом создаёт крайне неприятную ситуацию, когда у него на руках оказывается набор сведений древних авторов, которые внешне выглядят абсолютно достоверными, но при этом не вызывают ни малейшего доверия, поскольку содержат слишком много маловероятных и даже совсем невероятных совпадений. В полной мере эти черты присущи рассмотренному здесь кругу преданий, в которых Аполлон Пифийский выступает в роли «карающего бога» или «бога-убийцы» [7, с. 333–34; 443–61]. Для историка в этих преданиях особый интерес представляют те случаи, когда жертвами Аполлона становились реальные персонажи, в основном, из числа лиц, совершавших нападения на дельфийский храм Аполлона или каким-то иным способом посягавших на храмовое имущество.

Дж.Фонтенроуз обозначил эту категорию преданий термином «оскорблённые божества» (*offended Gods*) и признал их однозначно недостоверными и полностью принадлежащими сфере мифологии [22, р. 76–77, Q126, 132, 133, 161]. Это определение следовало бы смягчить некоторыми оговорками, но в данном случае более важным представляется отметить, что в рамках предлагаемого исследования именно это качество преданий придаёт им особую ценность, поскольку позволяет выделить наиболее характерные черты облика и поведения Аполлона Пифийского как «местного божества», а также более точно обозначить основные используемые ими средства наказания святотатцев. Таким способом можно воссоздать его узко-локальный «мифологический канон», память о котором должна иметь наиболее глубокие корни в местной традиции. Далее этот канон можно сравнить со всеми

описанными в источниках случаями святотатства по отношению к Дельфийскому святилищу, чтобы таким путём отделить собственно исторические факты от тех, что возникли в процессе конструирования мифа. Для реконструкции такого канона необходимо будет привлечь к рассмотрению самые ранние предания о посягательствах на имущество Аполлона Пифийского, но не все, а только те, которые имеют абсолютные датировки. Последнее качество само по себе не является показателем достоверности предания, но свидетельствует о наличии большого числа хронологических привязок, что, в свою очередь, косвенно подтверждает давность предания и продолжительность его обработки в мифотворческой традиции. Для решения поставленной задачи могут привлекаться письменные источники любой давности, – от поэм Гомера до трудов средневековых схолиастов и мифографов. Предпочтение в их отборе будет отдаваться тем авторам, которые в своих трудах опирались в основном на местную устную традицию. В этом смысле, Геродот будет предпочтительнее Эфора, а Павсаний предпочтительнее Страбона и Диодора [30; 11].

Сообщение о самом раннем из всех известных нам случаев святотатства в истории Дельф содержит легенда о Флегии. Евсевий (у Иеронима) счёл её исторически достоверной и внёс в свою «Хронику» под датой 1450 г. до н. э. с пометкой «Дельфийский храм сожжён Флегием» [Helm, 1913: «Templum Delfis a Flegyo incensum»]. Наиболее подробное описание этого события приведено у Павсания, который оформил его как заключительную часть пространного предания об орхоменском царе Флегии, который в легендарные времена стал родоначальником нового народа в Беотии, названного по его имени «флегийцами», и организовал их в поход на Дельфы с целью ограбления храма Аполлона. Предание повествует о том, что в этом походе Флегий разгромил вставший на защиту святилища отряд аргивян и убил их предводителя Филамонна. В ответ на это бог уничтожил почти всё население Флегиатиды непрерывными ударами молний, серией землетрясений и эпидемией какой-то заразной болезни (λοσιώδης νόσος), а немногие уцелевшие были вынуждены переселиться в Фокиду (Paus. II.26; IX.36; X.7).

Загадочной в этом описании выглядит предельная скупость приводимых Павсанием деталей. Так, он ничего не сообщает о том, удалось ли Флегию сжечь или разрушить храм, каким оружием Аполлон убил Флегию, и даже не говорит, был ли он убит во время нападения или после него? Местная мифологическая традиция, на которую Павсаний в основном опирался при описании Дельфийских реалий, эти детали почему-то не сохранила.

«Первый Ватиканский мифограф» добавил в этот эпизод ещё одну версию, согласно которой целью похода Флегия была не жажда наживы, а месть за любовную связь Аполлона с его дочерью Коронидой. В этом варианте мифа оскорблённый отец всё-таки успевает перед своей гибелью отомстить богу и сжигает его храм, за что тот «отправляет его в преисподнюю своими стрелами ("Phlegyas... incendit templum Apollinis, et eius sagittis est ad inferos trusus": CAV. III.205).

Пострадавшими в этой истории оказались все. Флегий погиб, а Коронида, которая зачала от Аполлона будущего бога Асклепия, изменила своему любовнику и вступила в законный брак с царём Исхисом, сыном Элата, за что оба были убиты либо

самим Аполлоном (Apoll. III.10), либо его сестрой Артемидой (Pind. Pyth. 3.32–40; Paus. II.26). Сам же Аполлон, по преданию, остался навеки безутешным, и ещё тысячу лет спустя устами своей Пифии признавался мёртвой Корониде в любви, называя её «вечно желанной» (Paus. II.26), [22, Q226].

Примечательно, что в пересказе мифа Павсанием нет ни одного упоминания о знаменитых «стрелах Аполлона», но основным его оружием названы молнии, всегда считавшиеся атрибутом его отца Зевса. Можно предположить, что царя Исхиса Аполлон тоже убил молнией, и что этот факт вызывал у позднейших мифографов немалое смущение, которое явилось подлинной причиной того, что в пересказе Гигина Аполлон был заменён Зевсом (Hugin. Fab. 202), а в «Первом Ватиканском мифографе» его подменил Посейдон, который использовал вместо молний свой трезубец (CAV. III.205).

«Стрелы Аполлона» фигурируют в другом более позднем и гораздо более популярном мифе о споре Ниобы с Латоной, в финале которого дети Латоны, Аполлон и Артемида, убивают детей Ниобы, поражая их стрелами, после чего их обезумевший от горя отец Амфион повторяет попытку Флегия отомстить Аполлону и разрушить его храм, но гибнет от его руки (Hug. Fab. 9), [7, с. 454]. Евсевий (у Иеронима) приводит для этого события две разные даты – 1415 г. и 1327 г. до н.э. [Helm, 1913]. Стрелами же Аполлон поражает и разбойника Пифия, сына еврейского царя Крия, дважды нападавшего на Дельфы и грабившего храм и дома дельфийцев (Paus. V.6), [22, L121/PW492]. Последнее нападение Пифия на Дельфы Евсевий отнёс ко времени жизни пифии Фемонеи и датировал 1362 годом до н.э. [Helm, 1913].

У более ранних авторов имя Флегия встречается лишь у Пиндара (Pind. Pyth. III. 9), хотя о его народе – «отважных флегийцах» (Φλεγιάς μεγαλήτορας) – упоминал ещё Гомер (III. XIII. 301). Страбон поместил их родину не в Беотию, а в Фессалию, но сделал это с большим сомнением, поскольку относил их к тем народам, которые утратили своё первоначальное имя «вследствие постоянных переселений, изменений политического строя и смешений племён» (Strab. IX.5.21, p. 442; VII. F14, 15a, 16).

По версии Псевдо-Аполлодора, Флегий был убит не богом, а простыми смертными – братьями Ликом и Никтеем из фиванского рода Лабдакидов, но причина убийства им не указана (Apoll. III. 5. 5).

Вергилий поместил душу погибшего Флегия в Аид, где тот вынужден вечно страдать от раскаяния за свои дерзость и кощунство (Verg. Aen. VI. 618).

Странно, что в той части фокидского логоса Павсания, где приведены легенды о последовательно сменяющих друг друга дельфийских храмах, имя Флегия даже не упомянуто. Однако, в одной из этих легенд говорится, что третий по счёту храм Аполлона был построен «из меди», и сам Павсаний полагал, что он был схож со спартанским храмом Афины Меднодомной и представлял собой деревянную конструкцию, обшитую листовой медью и украшенную медными рельефами на фронте (Paus. III.17), [9, с. 22]. Поскольку этот «третий храм» был уничтожен либо пожаром, либо землетрясением (Paus. X.5), [27, p. 285], ничто не мешает нам предположить, что в текстах Павсания и Евсевия речь идёт об одном и том же храме, и что именно он был сожжён Флегием.

Если суммировать все перечисленные выше атрибуты Аполлона Пифийского, то его «канон» должен включать следующие характеристики:

(1) Аполлон Пифийский карает смертью любого, кто грабит и (или) разрушает его святилище в Дельфах, причём кара может продолжаться и после смерти святоотца, ибо даже в Аиде он обречён на душевные муки.

(2) Смерть святоотца должна быть насильственной и неотвратимой.

(3) Побудительный мотив, которым руководствовался любой посягнувший на имущество Аполлона, не имеет никакого значения и не может служить ни смягчающим, ни отягощающим вину обстоятельством. Также не имеет значения, была или не была успешной попытка его посягательства, поскольку наказуемым является само посягательство.

(4) Божья кара распространяется не только на нечестивца, но и на всех его близких. Если согрешивший является правителем какого-либо народа, то расправе подвергается весь его народ.

(5) Орудием наказания могут служить природные явления, такие как молнии, землетрясения и эпидемии болезней, над которыми Аполлон Пифийский имеет полную власть.

(6) Орудием наказания могут также служить обычные люди, на которых бог возложил функции экзекуторов.

(7) В деле наказания преступника Аполлону могут помогать другие боги (в данном примере – Артемида и Аид).

Как уже говорилось, формально эта легенда должна быть отнесена к выделенному Дж.Фонтенроузом кругу преданий об «оскорблении божества», представляющих вневременной универсальный сюжет, который он счёл архетипическим и имеющим свою внутреннюю логику, и при этом далеко выходящим за рамки собственно дельфийских легенд, поскольку многие из них вообще не сопровождалось никакими пророчествами. В структурном плане такие предания должны включать четыре элемента: 1) оскорбление божества, проявившееся в осквернении храма или в клятвопреступлении, или в вероломном убийстве, или в оставлении мёртвого тела без погребения, и т.п.; 2) предупреждение совершившему святоотцество, посылаемое ему в виде зловещего знамения и (или) какого-либо бедствия (болезнь, голод, и т.д.); 3) поиск объяснения смысла знамения или средства избавления от бедствия, обычно (но не всегда) сводящийся к обращению к оракулу; 4) реакция нечестивца, которая может быть «правильной» или «неправильной», в результате чего он либо раскаивается и совершает положенные обряды очищения, либо гибнет [22, р. 77].

В предании о Флегии эта схема упрощена до предела. В ней нет ни зловещих знамений, ни предупреждений оракула, ни раскаяния, и расплата настигает святоотца немедленно, а сам стиль поведения бога не оставляет виновному ни единого шанса на спасение. В этой легенде связь человека с божеством выступает в самых примитивных, по-существу, первобытных формах, в чём можно видеть дополнительное подтверждение её раннего происхождения.

Этот канон можно далее использовать как критерий, позволяющий отличить в описаниях древних авторов мифическую составляющую от исторического ядра, или, по крайней мере, увеличивающий вероятность того, что такое отличие не будет ошибочным. Суть способа применения этого критерия можно описать следующим образом.

*При наличии двух разных версий одного и того же события, имеющего отношение к покушению на имущество Аполлона Пифийского, при прочих равных условиях, следует предпочесть ту версию, которая не совпадает с каноническим сценарием мифа или прямо противоречит ему.*

Ниже приведён неполный каталог случаев таких святотатств в историческую эпоху. Объяснение причин неполноты списка приведено в заключительной части работы. Описание каждого случая предваряется перечнем природных стихий, послуживших орудием божьего гнева.

1. 480 г. до н.э. Молнии, камнепад, и (предположительно) гроза и буря.

Сразу после прорыва персами греческой обороны в Фермопилах произошло нападение на Дельфы отдельного вооружённого персидского отряда. Описание этого события содержится у Геродота, который сообщает, что этот отряд был послан царём Ксерксом с целью ограбления храма Аполлона (Hdt.VIII.35). Но как только отряд приблизился к храму Афины Пронаи, в городе стали происходить странные события и являться чудесные знамения. С неба ударили молнии (хотя Геродот ничего не говорит о грозе), а «с Парнаса со страшным грохотом низверглись две оторвавшиеся вершины и поразили множество персов» (пер. Г.А.Стратановского: Hdt.VIII.37). Это повергло нападавших в такой ужас, что они обратились в бегство, а воспрянувшие духом дельфийцы бросились их преследовать и убивать бегущих, причём, по словам самих персов, среди преследователей выделялись два необычных воина, оба выше человеческого роста, в которых сами дельфийцы позже признали двух своих почитаемых героев – Филака и Автония, храмы которых находились вблизи святилища (Hdt.VIII. 39; Paus. X.8).

Это же описание в сжатом виде приведено в более позднем рассказе Диодора, у которого к сверканию молний добавлены «сильная гроза» (ὄμβρων μεγάλων) и «буря» (χεῖμῶν), которая отрывала от склона огромные камни и швыряла их вниз на персов (Diod.XI.14).

Оценка этой версии в современной литературе варьируется от полного признания [18, s. 89; 23, p. 564–65; особ. п. 84, и др.] до глубокого скепсиса, причём сомневающимся было во все времена гораздо больше [8, с. 93; 28, p. 172; 26, p. 69; 22, p. 318, Q150; 3, с. 153, и др.]

Иную версию приводит младший современник Геродота и его вечный антагонист Ктесий Книдский (10, 52–57), который подтверждает факт нападения на храм персидского отряда, но уточняет, что этим отрядом командовал один из евнухов царя по имени Матак, посланный в Дельфы по личному приказу царя. При этом Ктесий вообще не упоминает ни о каких чудесных и грозных явлениях, но просто сообщает, что Матак исполнил приказ Ксеркса и ограбил храм (Ctes.Pers.27 Baehr).

Специалисты по истории Дельфийского оракула склоняются к мнению, что это нападение на Дельфы было несанкционированной (или негласно санкционированной Ксерксом) акцией какого-то из подразделений регулярных персидских войск, которые выступили в роли мародёров и грабителей, но были отражены защитниками Дельф [28, р. 173; 4, с. 29–30].

Если принять эту версию, то уместно предположить, что описанный Геродотом и Диодором камнепад был искусственного происхождения, и что он был устроен защитниками города из заранее подготовленной засады в самом удобном для этого месте – там, где древняя дорога совпадала с современной и огибала храм Афины Пронайи, делая последний поворот на юго-запад по направлению к Дельфам, причём последние 50–100 метров перед этим поворотом проходила под нависающей над дорогой скалой.

На примере этого предания можно видеть, что описанный выше канон может быть использован для создания новых типически сходных преданий, путём добавления к нему новых деталей. В данном примере таких деталей было добавлено всего две:

(6) смертные могут сами принимать на себя функцию «орудий божьего гнева» (μίῆντα τοῦ θεοῦ) и подражать богу, имитируя присущую ему власть над простейшими природными стихиями, такими как камнепады. Можно полагать, что такое подражание божественным атрибутам не считалось кощунством;

(7) на помощь Аполлону могут приходиться не только другие боги, но и воскресшие обожествлённые герои местного эпоса (здесь: Филак и Автоной).

Также можно сделать вывод, что «молнии» (κεραυνοί) в описании Геродота явились продуктом раннего мифотворчества, тогда как сообщение о «грозе и буре» (ὄμβρων, χεῖμων) в описании Диодора было добавлено в предание ближе к I веку до н.э., когда мысль о молниях на ясном небе, и камнях, которые срываются со склонов, повинувшись одной лишь воле бога, стала восприниматься как неправдоподобная.

2. Период III Священной войны 356–343 гг. до н.э.; вероятно, 348/47 г. до н.э. Предположительно, большое землетрясение и камнепад.

Это событие было тесно связано с некоторыми обстоятельствами этой войны, в частности, с острой нехваткой денег для выплаты жалования наёмникам в армии Фокидского Союза. Тогдашний первый стратег фокидян Фалек решил проверить старые слухи, основанные на стихе Гомера (Ael. VH. 6. 9) о том, что где-то в храме спрятан клад драгоценностей, и послал на их поиски команду своих солдат, которые начали вести там раскопки. Эти события были подробно описаны Диодором и – менее подробно – Страбоном, который почему-то приписал эту акцию не Фалеку, а Ономарху, возглавлявшему Фокидский Союз в 356–353 годах. Но здесь следует больше доверять Диодору, поскольку точные хронологические привязки имеются только у него – год архонства в Афинах Фемистокла и консульства в Риме Гая Корнелия и Марка Попилия, т.е. в 348/47 г. до н.э., уже после гибели Ономарха. В сообщении Страбона эти грабительские раскопки проводились ночью, что выглядит вполне правдоподобно, поскольку эта акция была прямым святотатством, и её проще было провести ночью. В остальных деталях их описания совпадают почти дословно.

В них сказано, что в тот самый момент, когда солдаты перешли из наоса в адитон и принялись копать возле самого треножника, вдруг случилось «сильное землетрясение» (μεγάλος σεισμός), которое так их напугало, что они отказались продолжать раскопки (Diod.XVI.56; Strab.IX.3.8 421). Этот случай испугал не только солдат, но вообще всех фокидян, причём испугал так сильно, что политическая оппозиция сумела использовать эти страхи для возбуждения против Фалека судебного дела, в ходе которого ему разом припомнились все его прошлые прегрешения, в результате чего он был на один год отстранён от власти (Diod.XVI.56; Paus.X.2), [24, р. 689–90, 701; 28, р. 226, 228; 5, с. 139; 21, р. 739–759].

Ни у Диодора, ни у Страбона нет упоминаний о том, что землетрясение 348/47 года до н.э. вызвало какие-то разрушения, а у Павсания о землетрясении вообще не сказано ни слова, что выглядит тем более странно, учитывая его хорошее знакомство с местной традицией и то, что сам факт изъятий храмовых сокровищ фокидскими властями был ему хорошо известен (Paus. X. 2).

То, что землетрясение случилось именно в ту ночь, когда Фалек стал проводить в храме грабительские раскопки, Т. Омоль и его последователи сочли случайным совпадением, поэтому никак его не прокомментировали [24, р. 689, 690; 17, р. 50]. Г.Парк, касаясь событий III Священной войны, также не стал рассматривать этот вопрос, а Дж. Фонтенроуз вообще обошёл этот отрезок истории Дельф молчанием [28, р. 227–228]. Тем не менее, геологи, специализирующиеся на вопросах истории землетрясений в районах Средиземноморья и Ближнего Востока, уже включили это событие в свой каталог [14, р. 89].

В целом, эта история выглядит полной выдумкой, впрочем, хорошо укладывающейся в канон предания о Флегии, в рамках которого смертным позволено выступать орудием божьей воли (см. выше п. 6).

С этой точки зрения, будет более вероятным предположить, что это было вовсе не землетрясение, а искусственный камнепад устроенный политическими противниками Фалека, с целью имитировать землетрясение, чтобы затем поднять волну общественного протеста против действий первого стратега, слишком далеко зашедшего в своём самоуправстве. Задачу заговорщикам облегчало то обстоятельство, что в описанное время храм ещё не был защищён от камнепадов северной подпорной стеной «ισχύραον», которая была построена лишь два десятилетия спустя [16, р. 67–68; 20, р. 219; 15, р. 250, п. 47]. Поэтому несколько сброшенных со склона Федриад больших камней могли поднять большой шум, а отдельные обломки могли даже докатиться до храма и произвести на деморализованных солдат впечатление землетрясения, вызванного гневом Аполлона.

Эта имитация не была доведена до конца, поскольку никто и святотатцев при этом не погиб. Однако, Павсаний в своём описании развил эту тему дальше, проследив биографии каждого из лидеров Фокидского Союза (Филомела, Ономарха, Фаила и Фалека) вплоть до самой их смерти, с удовлетворением констатируя, что в трёх случаях их смерть была насильственной (Филомел, Ономарх и Фалек), а в четвёртом (Фаил) её причиной стала неизлечимая болезнь (Paus.X.2), [28, р. 228]. Кроме того, Диодор сообщает о том, что помощник Фалека Филон, предложивший

стратегу идею провести раскопки в храме, был «надлежащим образом наказан» (προσηκούσας δίκας ἐξέτισε), правда, не уточняет, в чём выразилось это наказание (Diod. XVI. 56), [28, p. 227].

Степень достоверности этих сведений оценить трудно, но очевидно, что эта часть предания имеет местное происхождение, и она также создавалась по канону легенды о Флегии, в который было внесено лишь одно добавление непринципиального характера, согласно которому смерть святотатца может быть «отсроченной» (ср. п. 2 выше).

3. 279 г. до н.э. Землетрясение, камнепад, гроза с молниями, снегопад и мороз во время нападения галлов (кельтов) на Дельфы.

Это предание об походе гальского вождя Бренна сохранилось в трудах Павсания, Диодора, Тита Ливия, Посидония Апамейского в передаче Страбона и в эпитоме Юстина из «Истории Филиппа» Помпея Трога. Из содержащихся в них хронологических привязок можно заключить, что битва за Дельфы происходила в декабре 279 г. или январе 278 г. до н.э., и продолжалась не более двух суток.

В течение всего этого времени на галлов обрушивались всевозможные природные стихии, в сущности, те же самые, что бог обращал ранее против флегийцев и персов, но в гораздо большем объёме и в более причудливых формах, и сопровождалась они ещё более грозными сверхъестественными знаменами.

Как и ранее в 480 году до н.э., к защитникам Дельф присоединился воскресший герой местного эпоса Филак, но в этот раз его сопровождали ещё трое Троянских героев – Гиперох, Лаодок и Неоптолем (Paus.X.23.3). Кроме того, появились два новых женских призрака, в которых греки увидели Афину и Артемиду, и признали в них тех самых «Белых Дев» (Λευκὰς Κόρας), о которых ранее пророчествовала Пифия, заявившая от имени Аполлона, что «имущество храма защитит бог и с ним Белые Девы» (Diod.XXII.9; Just.XXIV.5), [22, Q231/PW329; 29, p. 14]. Павсаний также добавляет в предание эпизод о вмешательстве в битву ещё одного бога – Пана, наславшего на галлов волну «панического страха» (φόβος Πανικός), который свёл галльских воинов с ума, в результате чего они стали убивать друг друга, принимая своих соплеменников за эллинов (Paus.X.23.5). Появление этого лесного демона, считавшегося наставником Аполлона в искусстве мантики (Apoll. I. 4), [7, с. 406, 412] также хорошо согласуется с п. 7 канона.

Всё это происходило на фоне непрекращающегося землетрясения (σεισμός, terrae motu), которое до основания расшатало Парнас и обрушивало на галлов целые утёсы с его вершин. В довершение к этим бедам, ночью ударил мороз (ρύγους, gelu), который прикончил большинство раненых, в результате чего галлы оказались полностью деморализованы. Мороз усугубила внезапно начавшаяся гроза (δμβρων) из разряда «снежных гроз», которые в Средиземноморье не являются редкостью, но северным варварам должны были казаться чудом, вызывающим изумление и ужас (Hdt.IV.28). Сопровождалась она ледяным градом и ливневым снегом, которые Цицерон счёл главным источником метафоры о «Белых Девах» (Cic.Div.I.37[81]), [33, p. 115; 28, p. 258; 1, с. 150–51]. Во время этой грозы непрерывно гремели раскаты грома, и в

землю били молнии, испепеляя нападавших вместе с доспехами (Paus. X. 23. 4; Liv. XL. 58. 3).

В конце концов, галлы проиграли эту битву. Раненый в бою Бренн признал своё поражение и покончил жизнь самоубийством, что следует признать «насильственной смертью», предусмотренной в п. 2 приведённого выше канона. Оставшиеся в живых вынуждены были отступить и вернуться в Македонию, для чего им пришлось совершить трудный поход через вражескую территорию, заполненную греческими вооружёнными отрядами, которые преследовали их, нападали на обозы и убивали отстающих (Paus.X.23; Just.XXIV.8).

Особняком стоит сообщение Диодора о том, что Бренну в этом походе всё-таки удалось проникнуть внутрь Дельфийского храма (εις ναὸν ἑλθὼν), где он пытался, но так и не сумел найти сокровища (Diod.XXII.9). Эта часть текста Диодора дошла до нас в позднем и не вполне надёжном списке [32, р. XXII–XXIII], однако некоторые исследователи допускали возможность, что какой-то из отрядов Бренна сумел прорваться к храму, но позднее был выбит с его территории [28, р. 257; 31, р. 108]. Другие полагают, что в этом отрывке речь идёт не о святилище Аполлона, а о храме Афины Пронайи, расположенном за пределами священного участка и отданном галлам без боя [25, р. 42–43].

Помпей Трог (в эпитоме Юстина) свидетельствует, что у галлов из племени тектосагов хранилось какое-то золото и серебро, добытое «войнами и святотатством» (bellis sacrilegiisque). Согласно преданию, переданному Посидонием Апамейским и Страбонам, оно было добыто ими во время Дельфийского похода Бренна и потому считалось проклятым, и когда у тектосагов началась эпидемия какой-то болезни, они послушали советов местных гадателей и утопили его в Толозском озере, которое считалось у них священным (Just.XXXII.3.9).

Страбон, впрочем, не верил, что это золото было похищено именно из Дельфийского храма, так как считал, что в Дельфах после разорительной Священной войны 356–346 гг. до н.э. вообще не осталось никаких сокровищ (Strab.IX.3.8 р. 420–21). Он также полагал, что это не могло быть сокровищем, похищенным из каких-то других греческих храмов, поскольку галлам в 279 году вообще не под силу было вывезти из Греции груз большого объёма, ввиду того, что их отступление от Дельф проходило в слишком тяжёлых условиях и скорее походило на бегство (Strab.IV.1.13 р. 188). Если последнее его рассуждение может быть верным, то первое опровергается (по крайней мере, отчасти) сообщением Плутарха об ограблении Дельфийского святилища Суллой в 86 г. до н.э., в ходе которого из Дельф была вывезена серебряная бочка с драгоценностями, пожертвованная храму ещё Крезом, «которую из-за ее величины и тяжести нельзя было взвалить целиком на вьючных животных», что можно считать свидетельством того, что в храме ещё оставалось немало древних подношений (пер. В. М. Смирин: Plut. Sull.12; см. ниже).

В целом, версия об ограблении галлами святилища воспринимается современными историками с таким же недоверием, как и рассмотренная выше гипотеза об захвате и ограблении храма Аполлона персами в 480 году до н.э. [31, р. 109–10; 25, р. 41; 1, с. 51, 152]. Этот скепсис следует признать обоснованным.

Принимая во внимание сходство приведённого выше предания с легендой о Флегии, мы вправе предположить, что в том и другом случае имели место примеры неудачных нападений, причём в обоих случаях защитники Дельф использовали против нападавших искусственные камнепады, имитирующие землетрясения. В позднейшей традиции память об этих камнепадах трансформировались в предания о настоящих землетрясениях, но до конца этот процесс мифотворчества доведён не был. Так, у Помпея Трога прямо говорится о том, что греки «поражали галлов не только оружием, но и камнями, [которые сбрасывали] с вершины горы» («...e summo montis vertice partim saxo, partis armis obruebant»: Just.XXIV.8).

В свете рассмотренного выше п.6 канона Аполлона Пифийского эта версия представляется наиболее приемлемой.

Это не последний по времени пример святотатства по отношению к Аполлону Пифийскому и его храму, но это, несомненно, последний случай, когда рассмотренный выше канонический облик этого локального божества может быть использован в качестве «шаблона», прилагаемого к текстам древних авторов с целью отсеивания мифологической составляющей этих текстов от их исторического ядра.

Начиная приблизительно с середины II века до н.э. мифологическая составляющая преданий об Аполлоне Пифийском будет всё больше отдаляться от местной легенды о Флегии и от её сугубо эллинской культурной основы, и всё глубже будет погружаться в совсем иные культурные среды, преимущественно в римскую и кельтскую, наполненные иными мифологемами и архетипами. В первом приближении можно заметить, что в этих чужеродных средах природные силы занимают гораздо меньше места, чем в греческой мифологии, уступая главенствующую роль социальным силам, которые в понимании римлян и кельтов выглядят не менее могущественными, непостижимыми и беспощадными, чем землетрясения, потопа и удары молний. При этом структуры мифотворчества как римлян, так и кельтов, кажутся более близкими к образцам первобытной мифологии, и в них гораздо большую роль играют магические элементы, в особенности «контагиозная магия», в том её понимании, которое получило развитие в трудах Дж.Фрэзера [12 с. 16–17].

Попадая в иную культурную среду, образ Аполлона Пифийского изменялся порой до неузнаваемости, поэтому его прежний канон, реконструированный в настоящей работе, уже не может быть использован в его первоначальном виде как инструмент для анализа древних текстов.

#### Список использованных источников и литературы

1. Биркхан Г. Кельты: история и культура. – М.: «Аграф», 2007. – 512 с.  
Birkhan G. Keltu: ustoriya i kultura (Celts: History and culture). – М.: Agraf, 2007. – 512 s.
2. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. – М.: Наука, 1987. 187 с.  
Golosofer Ya. E. Logika mifa. – М.: Nauka, 1987. – 187 s.
3. Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. – М.: Наука, 1985. – 319 с.  
Dandamaev M. A. Politicheskaya istoriya Akhemenidskoi derzhavy. – Moscow: Nauka, 1985. – 319 s.
4. Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII – V вв. до н. э.). – СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. – 432 с. илл.

- Kulishova O. V. Delfyskiy orakul v sisreme antichnykh mezhgosudarstvennykh otnosheniy (VII–V vv.do n.e.). – St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademia, 2001. – 432 s.
5. Кутергин В. Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н.э. – М.: МГУ, 1991. – 183 с.  
Kutergin V. F. Beotiyiskii Soyuz v 389–335 gg. do n.e. – Moscow: MGU, 1985. – 183 s.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.  
Levi-Bryul L. Sverkhhestestvennoe d pervobytnom myshlenii. – Moscow: Pedagogika-Press, 1994. – 608 s.
7. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян (сост. Тахо-Годи А. А.; общ. ред. Тахо-Годи А. А., Маханькова И. И.). – М.: Мысль, 1996. – 975 с.  
Losev A. F. Mifologiya grekov I rimlyan (red. Takho-Godi A. A., Makhan'kova I. I.) Moscow: Mysl', 1996. – 975 s.
8. Лурье С. Я. Геродот. – М.; Л: Изд-во АН СССР, 1947. – 211 с., илл.  
Lur'e S. Ya. Gerodot. – Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1947. – 211 s.
9. Маркузон В. Ф. Архитектура древнейшей эпохи (XII – середина VIII в. до н.э.) ВИА  
Markuzon V. F. Arkhitektura drevneishei epokhi (XII – ser. VIII v. do n.e.) VIA
10. Пьянков И. В. Ктесий как историк // АДСВ. 1975. № 11. С. 52–57  
P'yankov I. V. Ktesii kak istorik. ADSV. 1975. 11. S. 52–57
11. Суриков И. Е. Геродот. – М.: Молодая гвардия, 2009. – 412 с.: ил.  
Surikov I. E. Gerodot. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 2009. – 412 s.: ill.
12. Фрэйзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Т. 1 (пер.: Рыклин М.). – М.: Терра, 2001. – 528 с.  
Frazer J. J. Zolotaja vetv': Issledovanie magii I religii. T. 1 (per. Ryklin M.) – Moscow: Terra, 2001. – 528 s.
13. Шталь И. В. Художественный мир Гомеровского эпоса. – М.: Наука, 1983. – 296 с.  
Shtal' I.V. Khudozhestvennyi mir Gomerovskogo eposa. – M.: Nauka, 1983. – 296 s.
14. Ambraseys N. Earthquakes in the Mediterranean and Middle East: A Multidisciplinary Study of Seismicity up to 1900. Cambridge: UP, 2009
15. Bomelaer J.-F. Delphica 1. A nouveau les comptes de Delphes et la reconstitution du temple d'Apollon au IVe siecle av. J.-C. BCH. 2008. V.132(1). P. 221–255
16. Bourguet E. Inscriptions de Delphes : Les comptes de l'archontat d'Aristonymos // BCH. 1902. Vol.25. P. 5–94
17. Bousquet B., Pechoux P.Y., Seismes et espaces seismiques: une incursion de geographes dans le domaine de l'Antiquite classique // Pallas. 1981. 28 (3). P. 45–57
18. Busolt C. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. II. Gotha, 1895. – S. 89. Anm.3
19. Cook A. B. Zeus: a Study in Ancient Religion. Vol.III: Zeus, God of the Dark Sky (Thunder and Lightning). Part I. Appendixes and Index. – Cambridge: UP, 1940. – 1300 p.
20. Courby F. Fouilles de Delphes. II. Topographie et Architecture. Paris: de Boccard, 1927. 333 p. URL: <https://omekas.mom.fr/s/digimom/item/168> (accessed at 25.01.2025)
21. Ellis J. R. Macedon and north-west Greece // CAH 6. 1994. Vol.6. P. 723–759
22. Fontenrose J. E. The Delphic Oracle: Its Responses and Operations. Berkeley; Los Angeles; London: California UP, 1978
23. Hammond N. G. L. The expedition of Xerxes // CAH IV. 1988. P.518–91
24. Homolle T. Le temple de Delphes // BCH. 20. 1896. P. 702–732;
25. Lampinen A. Narratives of Impiety and Epiphany – Delphic galatomachy and Roman traditions of the Gallic Sack // Studia Celtica Fennica. 2008. Vol.5. P. 39–54
26. Lloyd-Jones H. The Delphic Oracle // Greece and Rome. 1976. Vol. 23. P. 60–73
27. Middleton J. H. The Temple of Apollo at Delphi // JHS. 9. 1888. P. 282–322
28. Parke H. W., Wormell D. E. W. The Delphic Oracle. Vol.I. The History; Vol. II: The Oracular Responses. Oxford: Blackwell, 1956
29. Pierozzi A. Reconsidering Pausanias' Possible Source for the Gallic Invasion of Greece (279/278 BC) // Dialogues d' histoire ancienn. 2023. 49/1. P. 9–43

30. Pretzler M. Pausanias and Oral Tradition // *The Classical Quarterly*. 2005. 55 (1). P.235–249
31. Strootman R. Kings against Celts: Deliverance from barbarians as a theme in Hellenistic royal propaganda // *The Manipulative Mode. Political Propaganda in Antiquity* (ed. by: Enenkel K. A. E., Pfeijffer I. L.) Brill; Leiden; Boston: BCB, 2005. P. 101–141
32. Walton F. R. Diodorus of Sicily. Vol.XI. Fragments of books XXI–XXXII. Cambridge (Mass.): Heinemann W., 1957. P. VII–XXIV
33. Will Ed. The formation of the Hellenistic kingdoms // *САH VII* (1). 1984. 101–17

#### Список сокращений

**АДСВ** – Античная древность и средние века. Саратов

**ВИА** – Всеобщая история архитектуры: В 12-ти т. Т. 2: Архитектура античного мира (Греция и Рим) / Под ред. В. Ф. Маркузона, Михайлова Б.П. и др. 2-е изд.– М.: Стройиздат, 1973. – 712 с.

**ВСН** – Bulletin de correspondance hellenique. Athene; Paris. – URL <https://ancientworldonline.blogspot.com/2012/02/open-access-journal-bulletin-de.html> (accessed at 25.01.2025)

**САH IV** – The Cambridge Ancient History. Vol.4: Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 B.C. 2nd ed. (Ed. by: Boardman J., Hammond N.G.L.) Cambridge: UP, 1982. 512 p.

**САH VI** – The Cambridge Ancient History. Vol.6: The Fourth Century B.C. (Ed. by Lewis D.M., Boardman J., Hornblower S., Ostwald M.) Cambridge: UP, 1994. 1026 p.

**САH VII (1)** – The Cambridge Ancient History. Vol.7(1): The Hellenistic World (Ed. by Warbank F.W., Astin A.E., Frederiksen M.W., Ogilvie R.W.) Cambridge: UP, 1984. 602 p.

**CAV** – *Classicum auctorum e Vaticanis codicibus editorum*. Roma: Typis Vaticanis, 1831. 511 p. – URL: [https://books.google.ru/books?id=WLA9AAAACAAJ&printsec=frontcover&redir\\_esc=y#v=onepage&q=Phleg&f=true](https://books.google.ru/books?id=WLA9AAAACAAJ&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q=Phleg&f=true) (accessed at 25.01.2025)

Helm, 1913 – *Die Chronik des Hieronymus: Hieronymi Chronicon* / Hrsgb. von R. Helm. Leipzig, 1913. 270 s. – URL: <https://archive.org/details/p1eusebiuswer07euse/page/270/mode/2up> (accessed at 25.01.2025)

#### **Kolesnikov M. A. Instruments of God's wrath by Apollonius of Pythias**

The article suggests a new way to distinguish between historical and mythological components in the traditions of Apollo of Pythia, referring to the «insult of the deity». The objects of the study were written sources with descriptions and precise dates of the earliest cases of encroachment on the property of Apollo Pythias, which had consequences perceived by contemporaries as «God's wrath». It has been established that all incidents of this kind date back to the period of the 5th–1st centuries BC. A list of characteristics and sacred attributes of Pythian Apollo as a local deity has been compiled, which turned out to be very different from the canonical image of Apollo. The result of the study was a reassessment of the reliability of the reports of ancient authors about some events in the history of Delphi in classical and Hellenistic times.

Keywords: Apollo, canon, tradition, sacrilege, earthquake, rockfall, lightning, thunderstorm, storm, disease.

УДК 94/87

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-1-84-92

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ Х. А. ПАЭСА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЕЗАВИСИМОСТИ ВЕНЕСУЭЛЫ

*Михайлов В. В.*

*Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского  
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация  
E-mail: batukom@mail.ru*

Исследуются первые годы независимости Венесуэлы после распада конфедерации Великая Колумбия и избрания президентом независимой Венесуэлы Х. А. Паэса. Изучены военно-политические конфликты в Венесуэле в первые годы ее существования и причины побед и поражений в них Х. А. Паэса. Противоречивая фигура Х. А. Паэса, негативно оценивавшаяся в советской исторической школе, тем не менее, играет значительную роль в процессе политического становления независимой Венесуэлы, и изучение того, как и почему именно Х. А. Паэс стал одним из военных вождей освободительного движения под руководством С. Боливаром, а затем, порвав с С. Боливаром, оказался первым политическим лидером независимой Венесуэлы, является условием объективного взгляда на историю Венесуэлы, взгляда, свободного от идеологической критики, но также, свободного от апологетики, которая была присуща многим исследованиям, как на западе, так и в самой Венесуэле. Последовательное рассмотрение фактов биографии первого венесуэльского президента дает базисную фатологию для научного исторического анализа событий начального этапа истории этой страны.

**Ключевые слова:** история Венесуэлы, Хосе Антонио Паэс, Хосе Грегорио Монагас, Хосе Тадео Монагас, политическая борьба в Венесуэле, конституция Венесуэлы, Федералистские войны, эмиграция Х. А. Паэса.

Население Венесуэлы к 1831 году составляло меньше миллиона человек, потеряв за время войны до трети всей своей численности. Более пятидесяти процентов составляли «цветные», тридцать процентов – белые, остальные – негры, из которых рабов было около 50 тысяч. Население было сосредоточено в городах на побережье и на границе с Колумбией, сохранялся как географический, так и экономический разрыв между провинциями, управляемыми местными, почти независимыми от центральной власти каудильо. Политологи называют такую форму государства устройства в Венесуэле «центро-федералистской», соединяющей «централистские» формы с «федералистскими» реалиями жизни [4, р. 16].

Конституция 1830 года, благодаря усилиям землевладельцев и хозяев рудников, увеличила срок, обязывающий детей рабов работать на хозяев с 18 до 21 лет [1, с. 181–182]. Для сдерживания массового недовольства Конституция латифундистов оформила создание национальной армии, флота и милиции, но все эти органы были слабы, плохо обеспечены и малочисленны.

Вооружение армии и милиции составляли мушкетеры колониальных времен и трофеи войны за независимость, а нарезное оружие появилось в Венесуэле только в 1860-х гг. Солдаты, помимо службы, должны были работать, униформу выдавали только офицерам, в 1827 и 1828 гг. в солдатских бараках происходили голодные

бунты [12, р. 490; 16, р. 234]. Общая численность силовых структур составляла 2 683 человека [8, р. 78]. Любой каудильо мог собрать из своих рабов, слуг и подчиненных больше желающих защищать его интересы. Кроме того, обычно, каудильо возглавляли местную милицию. Правда Паэс, как крупнейший и богатейший асьендаро и одновременно президент, имел больше возможностей объединять и государственные, и личные вооруженные силы.

Отдельные акты новой республики способствовали новому взгляду на развитие экономики страны, но принимались они с удивительной медлительностью. Лишь открытие 16 портов для внешней торговли произошло сразу же по объявлении независимости. В 1831 году была отменена алькабала, в 1833 – была ликвидирована табачная монополия и церковная десятина. Национальный банк был основан только в 1841 году [1, с. 182]. При этом внутренние противоречия в новом государстве препятствовали и этим нововведениям.

Лидерство Паэса сразу же было оспорено «боливарианской» реформаторской партией, выступавшей против федерализации бывшего единого государства. Многие из них, ветераны войны за независимость, воевали на многих латиноамериканских территориях и видели в них единое национальное и политическое пространство. В январе 1831 года местные каудильо подняли жителей города Арагуа де Барселона в 200 милях от Каракаса на восстание против нового правительства. Основным требованием восставших было восстановление Великой Колумбии и возврат к церковным и военным привилегиям. Лидерами восстания были давние противники Паэса – братья Монагас, Хосе Тадео и Хосе Грегорио [5, р. 312].

В апреле 1831 года, когда Паэс был приведен к присяге как президент Венесуэлы, восставшие отказались признать его. В качестве главнокомандующего армии, Паэс приказал военному министру генералу Сантьяго Мариньо подавить восстание, после чего армия прошла через долину Туи к Барселоне. Здесь Мариньо встретился с войсками Хосе Грегорио Монагаса, однако Паэс, подозревая Мариньо в личном сговоре с братьями Монагас, сместил его. 13 мая подозрения президента подтвердились, когда Мариньо присоединился к восставшим. Тем не менее, восставшие выдвинули правительству требование о создании на востоке независимого государства Колумбии (территориально не имевшего ничего общего с современной Колумбией). Мариньо должен был стать президентом, а Хосе Тадео Монагас – военным лидером новой страны, в которой восставшие хотели ликвидировать полулиберальные реформы, принятые правительством Паэса. Однако Национальный конгресс отверг требования сепаратистов, сместив Мариньо со всех постов. Монагас, поняв, что против него объединилось большинство сил в стране, в июне 1831 года начал новые переговоры, в результате которых 23 июня признал правительство в обмен на гарантию жизни и имущества восставших [9, р. 98]. Паэс писал позже об этом эпизоде первого года независимой Венесуэлы: «В 1831 году, призванный к президентству народом, вскоре после принятия власти я был вынужден выступить с войском, чтобы предотвратить вооруженное восстание. Без пролития крови мне удалось восстановить порядок, а главаря заговорщиков, генерала Хосе

Тадео Монагаса я вернул в его дом, под защитой моего прощения, которое я дал ему на Виле де ла Паскуа» [10, р. 10].

На какое-то время в стране восстановился гражданский мир. Однако президент Паэс тяготился своими должностными обязанностями, ему больше по душе была жизнь в своем имении, в окружении не напыщенных и коварных политиков, но своих преданных льянеро. Он не держался за высшую власть, однако понимал, что его личное спокойствие и благополучие полностью зависит от политической конъюнктуры. Одной из главных забот Паэса в годы президентства было назначение на основные посты людей, лично ему преданных.

На выборах 1834 года Паэс, согласно Конституции не имевший право выдвигать свою кандидатуру [1, с. 180], спонсировал дивизионного генерала Карлоса Сублетте, однако выборы в апреле выиграл доктор Хосе Мариа Варгас, образованный либерал, но по сути, независимый кандидат, имевший влияние в столичных массах и столичном чиновничестве, не разделявшем идеи воссоединения с Колумбией. В пограничных департаментах же движение бывших «боливарианцев», теперь выступавших под лозунгом «реформ», после отставки грозного Паэса окрепло. «Реформаторы» выступали за создание федеративного государства с большими экономическими полномочиями отдельных земель, в роли глав которых они себя видели, за восстановление положения католической церкви, отказ от либеральной политики по отношению к низам. Паэс в этих условиях поддержал Варгаса, по сути, став его военным гарантом власти, хотя и удалился в свое ранчо [9, р. 111].

7 июня 1835 года в Маракайбо «реформаторы» восстали и объявили все того же вечного заговорщика Мариньо своим лидером. Ровно через месяц, 7 июля, в Каракасе генералы Диего Ибара, Педро Брикено Мендес и Хусто Брикено совершили попытку государственного переворота, подняв батальон охраны президента и арестовав президента Варгаса. Гарнизоны Валенсии, Маракайбо, Пуэрто Кабельо присоединились к восстанию, а генерал Хосе Тадео Монагас возглавил мятеж на востоке Венесуэлы. Перед самым пленением, президент Варгас назначил Паэса главнокомандующим армии и флота и дал приказ восстановить конституционный порядок. 15 июля Паэс во главе пятидесяти всадников примчался в Каракас, где тут же его сторонники изгнали «реформаторов».

28 августа Варгас вернулся в свою президентскую резиденцию, однако на востоке и в портах Маракайбо и Пуэрто Кабельо восставшие продолжали удерживать позиции. Паэс направил туда капитана Педро Дотанта, а также отряд моряков, которые в ходе двухмесячной кампании часть восставших сил разбили, часть – уговорили сложить оружие. Монагас и другие влиятельные лица были официально прощены 3 ноября 1835 года, а их власть во внутренних землях сохранилась. Однако порты и море, а, значит, внешняя торговля, обеспечивавшая доходы местных каудильо, полностью контролировались государством [9, р. 120].

В декабре «реформаторы» попытались отвоевать порт Маракайбо, но посланный правительством флот капитана Себастьяна Бугьера и десант в 500 солдат под началом генерала Мантильи 1 января 1836 года нанесли им поражение. 17 декабря Паэс во главе крупного отряда блокировал Пуэрто Кабельо. Мариньо бежал из города на

торговой шхуне, другие лидеры восстания, 23 чиновника и 38 офицеров, сдались и были арестованы. Впрочем, как обычно, мятежники были оправданы решением Национального конгресса: военных включили в состав правительственной армии, чиновников – лишили государственных постов и выслали в свои поместья [8, р. 91–96].

Такое легкое наказание вынудило президента Варгаса подать в апреле 1836 года отставку, и до января 1837 года его обязанности исполнял вице-президент Нарварте, которому летом пришлось подавлять (руками все того же Паэса) очередной мятеж, который поднял в Апуре полковник Франциско Фарфан. Тогда же произошло восстание гарнизона в Гайане, офицеры которого провозгласили «реформистские» лозунги и объявили генерала Мариньо своим лидером. Мариньо и несколько других эмигрантов прибыли в Гайану, но и здесь их ждало поражение от войск Паэса. В сражении у Пайары 26 апреля 1837 года они были разбиты. «Реформистское» движение было окончательно подавлено, и следующие девять лет страна наслаждалась относительным спокойствием, лишь в льяносах продолжалась привычная криминальная «война» за скот и доходы от контрабандной торговли.

Сражения с «реформаторами», несмотря на их незначительность, сильно сократили правительственную армию, которая к концу 1835 года стала насчитывать всего 105 офицеров и 1595 солдат. Флот имел всего четыре корабля: бригантину «Паэс» и три шхуны. Отставные военные не получили никаких социальных гарантий. Их положение прекрасно описано в повести Г. Г. Маркеса «Полковнику никто не пишет».

В 1839 году Паэс был вторично избран на президентский пост, сумев избежать серьезных столкновений с политическими противниками. Паэс начал некоторые реформы в области финансов и экономического законодательства, стараясь не слишком радикально менять привычное устройство и наступать на материальные интересы местных элит [14, р. 312–332]. Такая позиция, а также поддержка, которую получило правительство Паэса на международной арене, в особенности в отношениях с США, сделали этот период становления венесуэльской государственности довольно плодотворным. «Новому народу настоятельно требовалась поддержка более развитых наций – писал Паэс, – и я, сохраняя внутренний мир, тщательно развивал и усиливал наши международные связи, уверенный в том, что это позволит нам получить достойное место в великой семье народов... Какие преимущества дало это Республике подтверждает прогресс торговли и сельского хозяйства к 1846 году – прогресс, в котором статистические данные не позволят усомниться» [10, р. 11]. Одним из достижений политики Паэса стала выплата иностранных долгов, причем, увеличение международной торговли позволило в 1843 году пополнить национальную казну еще недавнего государства-банкрота на 3 миллиона долларов [10, р. 12].

В 1843 году Паэс сложил с себя президентские полномочия, оставаясь, при этом, самым влиятельным политиком Венесуэлы, опирающимся уже не только на силу оружия, но и на внутренний и внешний политический престиж. Однако вскоре

выяснилось, что сила оружия все еще продолжает быть определяющей силой в политической жизни Венесуэлы.

В 1846 году, в период новой предвыборной кампании, политическая борьба в Венесуэле снова приобрела характер военных столкновений. В сентябре в провинции Карабобо «вспыхнуло восстание, которое возглавил Ф. Х. Ранхель. К восставшим присоединились некоторые представители радикального крыла либералов, в том числе бывший торговец скотом Эсекиэль Самора, вскоре ставший вождем повстанцев» [1, с. 183]. Антонио Гусман, один из лидеров Либеральной партии (или партии «Колорадос») кандидат в президенты, поддержал противников Паэса, но, испуганный размахом народных выступлений, вскоре отмежевался от него. Восставшие были разгромлены, но выборы прошли неудачно для всех партий, ни одна из которых не набрала нужного числа голосов.

Паэс, не любивший Каракас с его политической суетой, заключил договор со своим давним недругом Хосе Тадео Монагасом, который с 1836 года жил в своих имениях, выказывая полную лояльность политике Паэса, Решив, что назначение Монагаса на высший пост послужит укреплению связи запада и востока Венесуэлы, Паэс поддержал его кандидатуру и решением Конгресса Монагас стал президентом [1, с. 183]. Как писал позднее сам Паэс, было «великой политической ошибкой полагать, что борьба генерала Монагаса против закона и Конституции, возникшая из-за его амбиций, могла быть прекращена с помощью удовлетворения этих амбиций» [10, р. VI–VII].

Монагас сразу же разорвал союз с Паэсом, заменил высших военачальников армии и милиции на своих сторонников, сместил губернаторов провинций, лояльных к Паэсу и «сосредоточил всю власть, принадлежащую государству, в руках своих партизан» [10, р. VII]. 24 января 1848 года толпа его сторонников ворвалась в Национальный конгресс, убила пять парламентариев, ранила множество других и, собрав под угрозой оружия новое «народное» собрание, подчинила законодательную власть в стране воле Монагаса [10, р. VII–VIII]. Администрация ставленника Паэса Кинтеро пала.

31 января 1848 года Паэс написал Монагасу письмо, в котором призвал соблюдать Конституция 1830 года, вывести войска из столицы и назначить свободные выборы в национальное собрание, в противном случае, угрожая началом новой войны [10, р. 2–4]. 4 февраля Паэс обратился с воззванием к народу Венесуэлы. «Возвысьте свои голоса против тирании и приготовьтесь сражаться с ней всеми силами... Сограждане! Социальный договор расторгнут, люди оказались отторгнуты от своих прав. В восстановление этих прав отдельные департаменты обратились ко мне с предложением организовать армию, чтобы предотвратить посягательства на Республику, восстановить Конституцию и свершить законное наказание преступного Магистрата. Я принял на себя эту благородную и деликатную миссию, и я рад провозгласить вам, что я снова беру в руки оружие! Я беру свою пику, чтобы положить ее только после того, как враги моей страны будут разгромлены, а Конституция 1830 года восторжествует... Сограждане! Полагаясь на защиту Божественного Провидения, которое всегда было с нами, я решил спасти мою страну.

Она будет свободной и, хотя я могу пасть в битве, я буду покоиться с миром в моей могиле» [10, р. 4–8].

Однако Паэс практически повторил политическую судьбу Симона Боливара, против которого он выступил в 1829 году, невзирая на заслуги Освободителя. Монагасу удалось сконцентрировать в своих руках основную военную силу в столице и отдельных провинциях, а слава и престиж Паэса ничего не смогли решить в вооруженном противостоянии. Попытка Паэса создать «коалиционную» форму правления, давая ответственные посты в администрации своим политическим противникам, провалилась. Монагас установил, по сути, диктатуру, в которой власть распределялась по принципу личной преданности.

Паэс ожидал, что Монагас не сможет продержаться у власти долгий срок после выпущенного им воззвания и манифеста, но – «народ – безмолвствовал». Тогда Паэс предложил Монагасу личную встречу за пределами столицы при посредничестве Кинтеро [17, р. 21]. Однако новый президент не был столь благороден. Паэса арестовали. В прессе в этот период печатались многочисленные обвинения Паэса в кровожадности в период войны за независимость, особенно на начальном этапе войны до объединения с Боливаром, когда не нужно было подтверждать инсинуации документами. Паэса и его друзей объявляли неграмотными дикарями, а новую власть – людьми образованными, законодателями [15, р. 412]. Дискредитация Паэса повторяла практически во всем кампанию 1829–1830 гг. против Боливара, его обвиняли в тирании, nepотизме, пренебрежении моральными и религиозными законами.

После того, как в июле 1848 года на Монагаса было совершено покушение, стало ясно, что присутствие в Венесуэле Паэса угрожает новой власти и будет угрожать ей и дальше. Сперва его подвергли заключению в тюрьме Сан-Антонио в Кумана, но и это не гарантировало новых восстаний и заговоров. В мае 1850 года было решено выслать Паэса из страны. Его давние связи с североамериканскими дипломатами предоставили ему возможность покинуть Венесуэлу и эмигрировать в Нью-Йорк [1, с. 183]. Однако Монагас не позволил первому венесуэльскому президенту с почетом завершить свой политический путь в ранге официального дипломатического представителя, о чем просили сами американцы [17, р. 23]. В эмиграции Хосе Антонио Паэс жил как частное лицо, здесь он написал свою автобиографию, которая в двух томах была издана в Нью-Йорке в 1867 году [13].

Монагас отменил многие демократические достижения Паэса в деле становления государственности Венесуэлы. В принятой в 1857 году Конституции президентский срок увеличивался до 6 лет, отменялся принцип сменяемости верховной власти, но это не помогло Монагасу удержать власть на весь срок после переизбрания в апреле 1857 года. В марте 1858 года мятеж губернатора Карабобо Х. Кастро был поддержан большинством населения, и Монагас был вынужден отказаться от власти [1, с. 183].

В ходе начавшихся после этого вооруженных конфликтов, получивших название Федералистских войн, в которых на стороне противников централистов приняли

участие Э. Самора и Х. Фалькон, Венесуэла пережила тяжелый период очередного падения уровня жизни и сокращения населения [7].

Для прекращения гражданского конфликта, Паэс, как наиболее авторитетный политик Венесуэлы, еще раз в 1861 году был избран президентом Венесуэлы, но, всегда тяготившейся столичными политическими интригами, через год с небольшим сложил полномочия, передав власть сыну своего советника в период войны за освобождение Антонио Леокадио Гусмана – Антонио Гусману Бланко [7, р. 91–101]. Этот жест престарелого каудильо принес нужные результаты: либералы согласились на компромисс с консерваторами, и 22 мая 1863 года Паэс «сложил свои полномочия перед Национальной ассамблеей, состоящей из равного числа представителей обеих воюющих сторон» [1, с. 185]. Совершив ряд поездок в Аргентину, Уругвай и Бразилию, Хосе Антонио Паэс вернулся в Нью-Йорк, где и умер 6 мая 1873 года.

Противоречия в политической деятельности Х. А. Паэса показательны для периода становления государственности Венесуэлы. Как С. Боливар, так и Х. А. Паэс, потерпели поражение в попытках либерализовать социальную и политическую жизнь освобожденных колоний Испании в Латинской Америке [2]. Элита новых государств не видела в либеральной идеологии, обеспечивавшей целями освободительное движение, реального средства для сохранения власти и богатства. В народных массах и угнетаемых слоях населения более значимыми были патерналистские настроения, стремления к личной связи с властью и ее представителями, уверенность, что эти связи поддерживаются силой оружия. Абстракции демократии и либеральной свободы элитой понимались как социальная анархия и хаос ненаказуемой преступности, а массами, как тотальное безвластие и личная безответственность.

Лозунги лидеров революции так и остались декларациями, а политико-социальная реальность диктовала приоритет власти военной силы и умеренного консерватизма в проведении любых социальных и экономических реформ [3, р. 241]. Пока Х.А. Паэс удовлетворял этим требованиям реальности, он сохранял власть и авторитет, но, поддавшись, как и С. Боливар, «либеральному идеализму», и передав верховную государственную власть своему сопернику, потерял и первое, и второе, хотя историческая память народа отдала дань уважения первому президенту независимого государства Венесуэлы.

Как и С. Боливару, Х.А. Паэсу не удалось добиться того, чтобы Венесуэла стала серьезным и влиятельным игроком на международной арене, но именно с его именем связано установление дипломатического сообщения с США и европейскими странами. Сам Паэс долгое время прожил в эмиграции в США, в Нью-Йорке, а после своей отставки с поста президента совершал поездки по странам Латинской Америки, налаживая связи между представителями политических элит Аргентины, Уругвая и Венесуэлы [13, р. 9].

Жизнь и деятельность первого президента независимой Венесуэлы Хосе Антонио Паэса до сих вызывает самые противоречивые оценки историков и политиков. Кубинский революционер Хосе Марти писал о нем: «Это самый отчаянный и, наверное, самый необыкновенный герой войны за независимость» [11,

р. 281]. Однако другой социальный революционер, президент Венесуэлы, Уго Чавес нередко критиковал Паэса и тех, кто делает из него национального героя страны. В 2006 году он сказал: «Я собираюсь убрать портрет Паэса из моего кабинета. Я не собираюсь его уничтожить, но этот предатель не заслуживает того, чтобы быть в офисе президента вместе с Боливаром и Сукре... Размах коррупции Хосе Антонио Паэса превосходит все мыслимое, и здесь, в Национальном Пантеоне, не должно быть духа олигархии, что принес сюда и посеял здесь этот, с моей точки зрения, предатель Хосе Антонио Паэс» [6].

Тем не менее, несмотря на все противоречия, фигура народного полководца Паэса и Паэса – каудильо, умевшего сохранить в своих землях относительный покой и мир, когда вокруг шли войны и творилось насилие, осталась в истории Венесуэлы. Герой разбойников-льянеро стал первым президентом независимой Венесуэлы, батрак на скотоводческой асьенде стал дипломатом, ведущим переговоры на международном уровне, неграмотный босоногий пастух вошел в высшее общество и стал автором не только политических памфлетов, но и двухтомной автобиографии, сохранившей историю и дух становления государственности Венесуэлы и ее народа. С 1888 года его останки хранятся в Национальном Пантеоне в Каракасе, где на плите из белого мрамора выбиты названия всех сражений за свободу Венесуэлы, в которых участвовал генерал и президент Хосе Антонио Паэс.

#### Список использованных источников и литературы

1. Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. Новая история Латинской Америки. – М.: Высшая школа, 1970. – 384 с.  
Alperovich M.S., Slezkin L.Yu. Novaya istoriya Latinskoy Ameriki. – М.: Visshayashkola, 1970. – 384 s.
2. Лаврецкий И. Боливар. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 221 с. [Электронный источник]: URL: [http://royallib.ru/book/lavretskiy\\_iosif/bolivar.html](http://royallib.ru/book/lavretskiy_iosif/bolivar.html). Дата обращения 05.01.2025.
3. Lavretskii I. Bolivar. – М.: Molodaia gvardiia, 1981. – 221 s. Access: URL: [http://royallib.ru/book/lavretskiy\\_iosif/bolivar.html](http://royallib.ru/book/lavretskiy_iosif/bolivar.html). Accessed: 05.01.2025.
3. Boyd W.Y., Boyd B. Bolivar: Liberator of a Continent: a Dramatized Biography. – New York: S.P.Y. Books, 1998. – 268 p.
4. Brosio G., Jimenez J.P. Decentralisation and Reform in Latin America: Improving Intergovernmental relations. – Cheltenham, Northampton, Mass: Edward Elgar Publishing, 2012. – 464 p.
5. Bushnell D. The Santander Regime in Gran Colombia. – Newark, Delaware: Univ. of Delaware Press, 1954. – 381 p.
6. Chavez H.R. Elcatire Paezvence...: [Электронный источник]: URL: <http://www.eldiarioexterior.com/el-catire-paez-vence-de-41347.htm>. Дата обращения 05.01.2025.  
Chavez H. R. Elcatire Paezvence...: Access: URL: <http://www.eldiarioexterior.com/el-catire-paez-vence-de-41347.htm>. Accessed 05.01.2025
7. Federal War: People of the Federal War, José Antonio Páez, Juan Crisóstomo Falcón, Juan Antonio Sotillo, Antonio Guzmán Blanco, Julián Castro. – Memphis, Tennessee: General Books LLC, 2010. – 491 p.
8. Gilmore R. L. Caudillism and Militarism in Venezuela, 1810-1910. – Athens, Ohio: Ohio University Press, 1964. – 211 p.
9. The History of Venezuela. – Westport: Greenwood Publishing Group, 2005. – 189 p.
10. José Antonio Páez. Important Documents in Relation to the Present Situation of Venezuela: And the Attempt of General José Tadeo Monagas to Establish a Despotism in that Country: with a Few Introductory Remarks. – New York, 1848. – 41 p.
11. Marti J. Obras completas. V. 5. – Habana: Editorial nacional de Cuba, 1963. – 519 s.

12. O'Leary D. F. Memorias del General O'Leary. 34 tomos. – T. XXXII. Documentos. – Caracas: Imprenta de la Gaceta Oficial El Monitor, 1881. – 534 s.
13. Paez J. A. Autobiografia del General Jose Antonio Paez. Vol. 1. – Nueva York: Hallet and Green, 1867. – 578 p.
14. Pinto C. M. Documentos para la historia de la vida de José Antonio Páez. Congreso de la República. – Caracas: Academia Nacional de la Historia, 1976. – 648 s.
15. Reyes V. Páez, venezolano itegral: biografía: el hombre, el héroe, el magistrado. – Caracas: Imprinta Nacional, 1957. – 834 s.
16. Scheina R. L. Latin America's Wars. – Washington DC.: Potomac Books, Inc., 2003. – 1445 p.
17. Williams T., Acevedo R. Monagas and Paez: being a brief view of the late events in Venezuela. – New York. 1850. – 88 p.

**Mikhailov V. V. The political role of J. A. Paezin the early years of Venezuela's Independence**

The article examines the first years of Venezuela's independence after the collapse of the confederation of Great Colombia and the election of J. A. Paez as President of independent Venezuela. The article examines the military-political conflicts in Venezuela in the early years of its existence and the reasons for the victories and defeats of H.A. Paez in them. The controversial figure of Paez, who was negatively evaluated in the Soviet historical school, nevertheless plays a significant role in the process of political formation of independent Venezuela, and the study of how and why J.A. Paez became one of the military leaders of the liberation movement under the leadership of S. Bolívar, and then, having broken with S. Bolívar, turned out to be the first political leader of independent Venezuela, is a prerequisite for an objective view of the history of Venezuela, a view free from ideological criticism, but also free from apologetics, which was inherent in many studies, both in the West and in Venezuela itself. A consistent review of the facts of the biography of the first Venezuelan president provides a basic phatology for a scientific historical analysis of the events of the initial stage of the history of this country.

Keywords: history of Venezuela, Jose Antonio Paez, Jose Gregorio Monagas, Jose Tadeo Monagas, political struggle in Venezuela, constitution of Venezuela, Federalist wars, emigration of J. A. Paez.

УДК 908(292.471): ГРИНЕВИЧ (470)Крым

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-1-93-111

## МЕЖДУ КЕРЧЬЮ И СЕВАСТОПОЛЕМ:

### К. Э. ГРИНЕВИЧ В 1924 ГОДУ

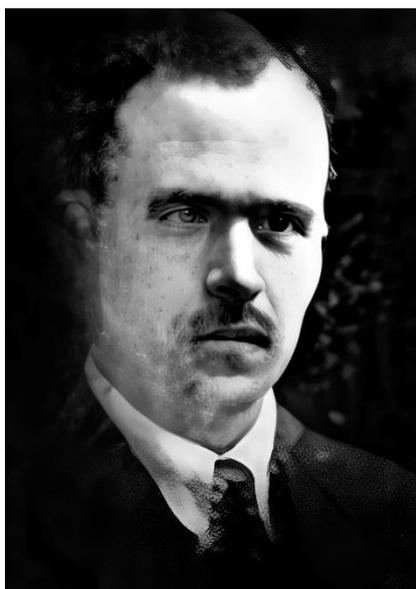
*Непомнящий А. А.*

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского  
г. Симферополь, Российская Федерация  
E-mail: dr.aan@mail.ru*

Исследование продолжает сюжетную линию «Гриневич и Керчь», начатую автором в публикациях предыдущих лет. На основе выявленных документов из рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН, которые впервые вводятся в научный оборот, воссоздана история одного года из богатой творческой биографии крупного археолога, музейного деятеля Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970). Рубежный период биографии историка связан с получением им поста уполномоченного по делам музеев Севастопольского района, а затем и директора Херсонесского археологического музея. Рассмотрены коммуникации К. Э. Гриневича в этот период. Новый руководитель музейного объединения в Севастополе организовал на базе Херсонесского музея всесоюзный научный семинарий по изучению античной и средневековой истории. Однако его новация не была поддержана учеными из Российской академии истории материальной культуры. В публикации приведен текст краткого отчета К. Э. Гриневича о руководимой им археологической экспедиции на Керченском полуострове в 1924 году, тексты его писем в Археологический отдел Музейного отдела Главнауки Наркомата просвещения РСФСР.

**Ключевые слова:** К. Э. Гриневич, Керченский историко-археологический музей, Херсонесский археологический музей, Семинарий по изучению Херсонеса, археологическая экспедиция на Керченском полуострове, Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР.

Состояние научной разработки биографии и творчества одной из знаковых фигур исторического крымоведения и российского музееведения – Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970) – довольно далеко даже до попытки первого обобщения. Историка посвящены лишь отдельные статьи, где раскрыты общие моменты биографии (энциклопедические справки и памятные публикации к его юбилеям) и некоторые сюжеты его деятельности. В частности, благодаря находке корпуса новых документов мы смогли осветить ранее совсем «темный» период биографии историка в смутные годы Гражданской войны, когда К. Э. Гриневич служил директором Керченского музея древностей (1919–1921) [1]. По его словам, он занимал «этот ответственный и, можно сказать, исторический пост» [2]. При этом вырисовался интереснейший пласт информации о роли ученого в организации и работе второго высшего учебного заведения, открытого на полуострове в смутные годы – Боспорского университета [3; 4]. В связи с неординарной ролью исследователя в развитии крымской археологии и организации музейного дела в СССР любой новый



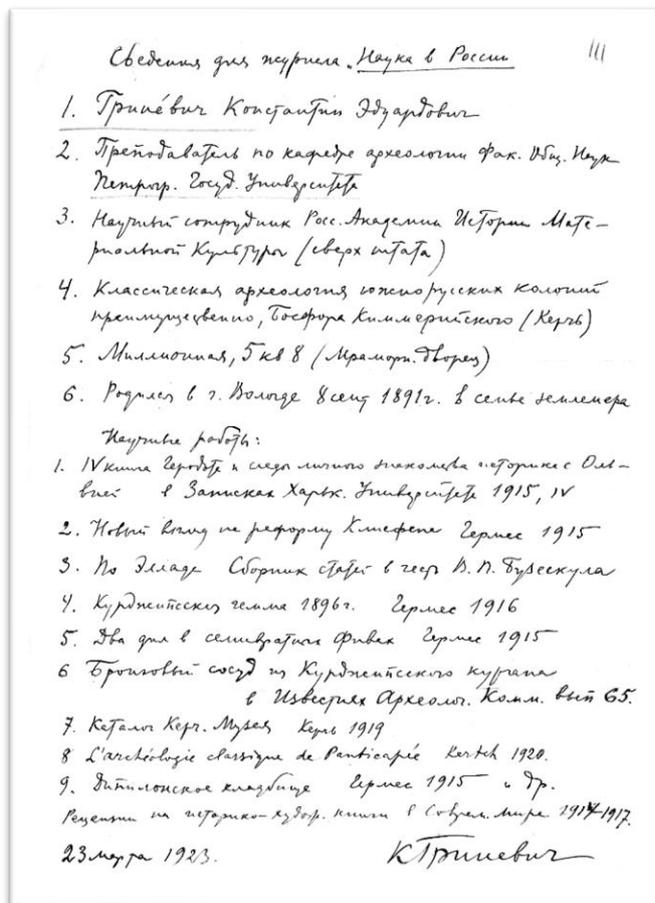
*Константин Эдуардович Гриневич.  
20-е годы XX века*

документ, способствующий дополнительному раскрытию биографии ученого представляет интерес и способствует ликвидации лакун при воссоздании его творческого пути.

«Керченский» период биографии археолога закончился фактическим бегством из приморского города в июле 1921 года. Дождавшись установления регулярного железнодорожного сообщения со столицами, он, в условиях установившегося в Крыму жестокого голода, бросил музей древностей на произвол судьбы. Оформив в возглавляемом им музее отпуск, К. Э. Гриневич выехал в Петроград [5, л. 48–49, 53–54]. В Керчь историк не вернулся и тем самым вызвал понятное неприятие его поступка со стороны руководства курирующей музей Российской академии истории материальной культуры. Этот факт биографии Гриневича на долгие годы испортил его отношения с археологами из РАИМК–ГАИМК. Возвратившись в Петроград, Константин Эдуардович восстановился в

должности преподавателя по кафедре археологии Петроградского государственного университета. В своих анкетах он указывал, что одновременно состоял сверхштатным научным сотрудником Российской академии истории материальной культуры [6, л. 111].

На протяжении 1922–1923 годов в Петрограде К. Э. Гриневича не покидало желание продолжать начатые в суровые годы лихолетья исследования античных городов Боспора. Он договорился с руководством вуза об организации археологической экспедиции от Петроградского университета. Она должна была совмещаться со студенческой археологической практикой. Реализация этой программы намечалась с сезона 1924 года. Этот год выбран нами для сюжета статьи не случайно. Он знаковый в биографии Константина Гриневича. Именно тогда историк был назначен Наркоматом просвещения Крымской АССР уполномоченным по делам музеев Севастопольского района и заведующим Археологическим музеем в Херсонесе. Естественно, молодой археолог переехал в Севастополь. Этот рубежный период его биографии не изучен. Выявленные нами документы, относящиеся к этому яркому году жизни крымоведа, позволяют раскрыть неизвестные моменты его жизни, восстановить линии коммуникаций при возвращении Константина Эдуардовича в крымскую научную среду уже в иных (советских) реалиях.



Собственноручно составленный список трудов К. Э. Гриневича.  
1923 год. Из фондов СПбФ АРАН

В январе 1924 года К. Э. Гриневич на средства, выделенные университетом, совершил поездку в Керчь, где составил перспективные планы работ в археологический сезон этого года для отдельной экспедиции университета под его руководством. Для согласования археологических исследований в КрымОХРИСе Константин Эдуардович побывал и в Симферополе, где получил разрешение от руководителей этого памятниковоохранного ведомства. Понимая, что в Российской академии истории материальной культуры его инициативы не встретят поддержки, Гриневич обратился за разрешением в Археологический подотдел Музейного отдела Наркомпроса РСФСР. Да, собственно, именно московские чиновники принимали решение. От петроградских товарищей требовались лишь научные рекомендации, без коих можно было обойтись.

Заметим, что если в досоветские времена без специалистов из Археологической комиссии невозможно было решить вопрос о получении Открытого листа, то ко времени описываемых событий ситуация была иная. В стране появился новый орган, курирующий археологические исследования. Им стал Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомата просвещения РСФСР.



*Василий Алексеевич Городцов  
в зале его имени в Историческом  
музее. 1923 год*

Произошло разделение научной и административной функции в археологии между Российской академией истории материальной культуры (бывшей Археологической комиссией), которая продолжала осуществлять научное курирование всех археологических изысканий, и Наркомпросом РСФСР, который выдавал разрешения на раскопки (Открытые листы). Внутри Наркомпроса непосредственно выдачей Открытых листов занимался Археологический подотдел Музейного отдела [7, с. 101–102]. Этим учреждением с момента его появления руководил крупнейший российский археолог Василий Алексеевич Городцов (1860–1945). К нему и обратился Гриневич в январе 1924 года, когда возвращался в Ленинград из Керчи, воспользовавшись пересадкой в Москве.

«В Археологический подотдел Отдела по делам музеев Наркомпроса.

Преподавателя по кафедре археологии  
Петроградского государственного университета Константина Эдуардовича  
Гриневича

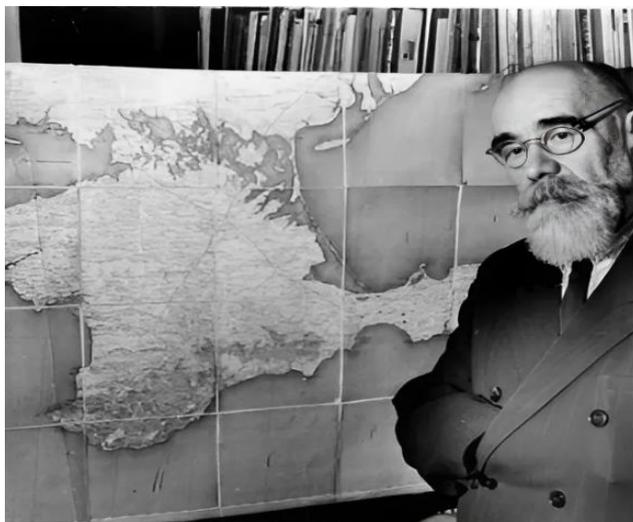
заявление.

Настоящим прошу выдать мне Открытый лист на производство археологического обследования побережья Керченского пролива (крымского берега) в течение лета 1924 года. Задача обследования состоит в выявлении всех городищ, курганов и валов, которые имеются налицо, составлении точных планов городищ, добывании монолитов для последующего научного изучения и в конечном результате, в составлении эскиза археологической карты. Помощь обещал проф. Петр[оградского] ун-та К. В. Кудряшев, работающий в области древней русской истории и ассистент Географического института И. И. Бобков [так в тексте], по специальности геоморфолог и топограф. Обещано участие трех студентов Университета, моих слушателей. Обозначена точная фото- и топографическая съемка. Настоящая задача является неотложно-необходимой, так как ежегодно море наступает во многих местах на берег, унося драгоценные следы городищ и др.



Обращаюсь непосредственно в Археологический подотдел, минуя Российскую академию истории материальной культуры, потому (и на это просил бы обратить внимание), что она создает условия, немыслимые для работы и работника. Квалифицированных и давно работающих археологов Академия выбрасывает за борт, распыляя таким образом силы и представляет собой не центр научной работы, а арену столкновения личных интересов и игры самолюбия. Само собой разумеется, в подобной обстановке невозможно плодотворно работать» [8, л. 1–1 об.]

Письмо предоставляет информацию о составе научных работников планируемой экспедиции, где кроме самого К. Э. Гриневича обозначены специалисты по исторической географии и картографии. Упомянутый Константин Васильевич Кудряшев (1885–1962) – выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1911 г.), ученик академика С. Ф. Платонова. Профессором, как указал Гриневич, в момент написания письма он не являлся. С 1923 года К. В. Кудряшев работал в Петроградском гос. университете научным сотрудником разряда русской истории факультета общественных наук. С 1925 года историк перешел на должность доцента (до 1929 г.) исторического факультета и только с 1931 года занял в Ленинградском гос. университете должность профессора. Возможно, К. Э. Гриневич так назвал коллегу зная о его прежней должности. В 1918–1922 годах К. В. Кудряшев выполнял обязанности доцента, затем профессора, а в 1920–1922 годах также руководил Восточным отделением внешних сношений Восточно-Сибирского университета, открытого в 1918 году в Иркутске. Константин Васильевич являлся не только специалистом в области древнерусской истории и истории России конца XVIII – первой половины XIX века, но и, что было в данных условиях важным, исторической географии. Именно он стал автором больших настенных карт, отдельных карт по древнерусской географии в «Новой



*Иван Иванович Бабков*

энциклопедическом словаре», популярного в стране издательства Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, консультантом-редактором по историческим картам в «Большой» и «Малой» Советских энциклопедиях [9, л. 3–9].

Фамилию географа Ивана Ивановича Бабкова (1891–1971) Гриневич искажил. Правильное написание через «а». Уроженец Симферополя, И. И. Бабков много лет отдал изучению Крыма и стоял у истоков основания Крымского филиала Всесоюзного географического общества. Он служил в

учрежденном в 1918 году в Петрограде Географическом институте – первом специализированном учебном заведении в России в области наук о Земле. Через семь лет этот вуз вошёл в состав Ленинградского гос. университета. В течение 53 лет на географическом факультете Ленинградского госуниверситета ученый читал курсы лекций по геоморфологии, физической географии и ежегодно проводил со студентами полевые практики в Крыму [10, л. 5–8]. Консультации знатока географии были необходимы К. Э. Гриневичу при составлении заявленной археологической карты района.



Открытый лист К. Э. Гриневичу. Из фондов ИИМК РАН НА РО

Открытый лист К. Э. Гриневич получил без каких-либо проблем. Об этом свидетельствует его записка в ГлавМузей от 3 апреля 1924 года:

«В ГлавМузей.  
Преподавателя Ленинградского  
государственного университета К. Э. Гриневича  
Заявление.

Настоящим сообщаю, что Открытый лист на право обследования Керченского полуострова и побережья Керченского пролива за № 1779 от 1 марта 1924 г. мною получен, за что приношу благодарность.

К. Гриневич

3/IV 1924 г.» [8, л. 8].

Очевидно, весной между К. Э. Гриневичем и руководившим Крымским отделом по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта А. И. Полкановим прошли консультации о возможности для Гриневича возглавить отдел по делам музеев Севастопольского района. Щекотливость ситуации была в том, что Гриневич должен был сменить на посту его давнего знакомого и коллегу Л. А. Моисеева, который сыграл ключевую роль в его судьбе.

В ГлавМузей  
Преподаватель Ленинград-  
ского госуд. университета  
К. Э. Гриневич  
Заявление.

Настоящим сообщаю, что Открытый лист на право  
обследования Керченского полуострова и побережья Керч.  
пролива за № 1779 от 1 марта 1924 г. мною получен, за что  
приношу благодарность.

3/IV 1924 г.

К. Гриневич

Обращение К. Э. Гриневича в Главмузей 3 апреля 1924 года.  
Из фондов ИИМК РАН НА РО

Лаврентий Алексеевич Моисеев (1882–1946), возглавивший в годы Гражданской войны, когда регион был надолго оторван от Петрограда, Археологическую комиссию, подчиненную Управлению народного просвещения при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России, сыграл основную роль в деле получения К. Э. Гриневичем должности директора Керченским музея древностей в 1919 году. Тогда Константин Эдуардович находился на грани выживания и помощь Л. А. Моисеева была бесценной [1, с. 112–114]. С ноября 1920 года при новой власти Л. А. Моисеев получил должность заведующего



*Лаврентий Алексеевич Моисеев*

Севастопольским комитетом по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта. В 1923 году в Севастополе появился комиссованный из ОГПУ по состоянию здоровья Ян Петрович Бирзгал (1898–1968), который возглавил Севастопольское музейное объединение. Бывший чекист, имевший контакты в ОГПУ, быстро нашел недочеты в работе Моисеева и сообщил в силовое ведомство о его якобы «финансовых злоупотреблениях» – незаконное возвращение конфискованных ценностей их владельцам, «хаотическое состояние» фондов Музея Севастопольской обороны и Археологического музея в Херсонесе, перерасход казенных средств [11, с. 138–139]. В столь сложной ситуации Гриневич принял решение на переезд в Севастополь. Первый месяц он работал в Херсонесе совместно с

Л. А. Моисеевым. Моисеев был арестован в июле 1924 года и около полугода провел в заключении. После освобождения из тюрьмы ученый не мог вернуться на работу, так как следствие продолжалось до октября 1926 года.

В данных обстоятельствах запланированная экспедиция в керченском районе теряла интерес. Поэтому К. Э. Гриневич в июне вновь обратился к В. А. Городцову: «В Археологический отдел Главнауки

К. Э. Гриневича  
Заявление.

В виду того, что мной принято предложение КрымМузея занять должность уполномоченного по делам музеев Севастопольского района, я не смогу провести разведки в Керченском районе и настоящим обращаюсь с просьбой переменить в выданном мне Открытом листе адрес археологических разведок: вместо Керченского района – Западный угол Крыма, так называемый «Гераклейский полуостров» включая и Херсонес. Со мной (через месяц) будут работать 8 студентов Ленинградского университета и Географического института, которые подготовлены мной в течение зимы путем специальных семинарских штудий.

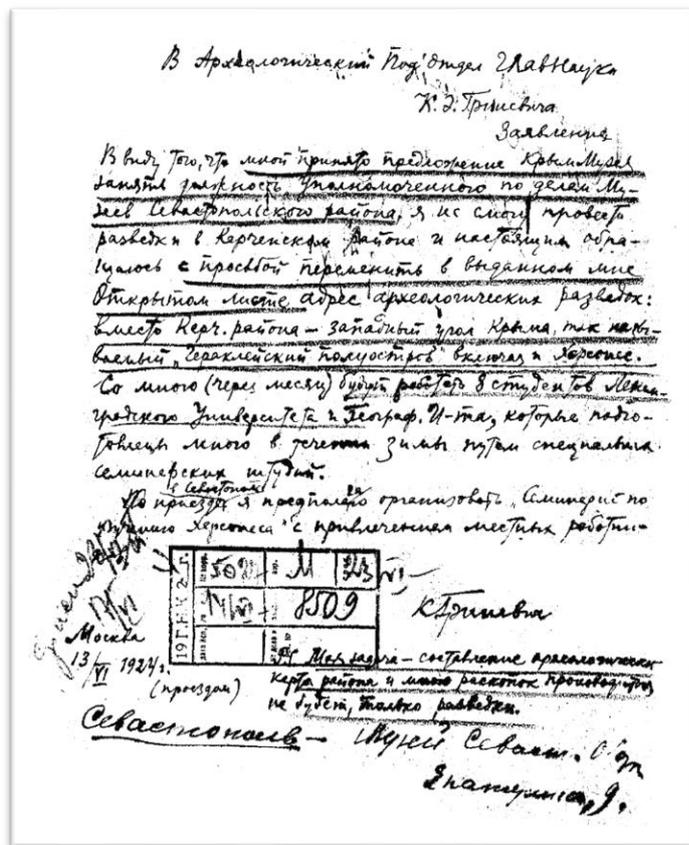
По приезду в Севастополь я предполагаю организовать «Семинарий по изучению Херсонеса» с привлечением местных работников.

К. Гриневич.

Москва. 13/VI 1924 г. (проездом).

P. S. Моя задача – составление археологической карты района и мною раскопок производиться не будет, только разведки.

Севастополь – Музей Севастопольской обороны. Екатерининская, 9» [8, л. 9].



Письмо К. Э. Гриневича в Археологический подотдел Главнауки  
13 июня 1924 года. Из фондов ИИМК РАН НА РО

По стилю письма можно заметить, как поменялась риторика Гриневича. Он, скорее, не просит, тем более не рассказывает о невнимании к его персоне, а ставит курирующую организацию в известность о перемене планов. При этом изменение участка для работ по составлению археологической карты представлялось ему формальностью. Константин Эдуардович, имевший явную поддержку крымском наркомпросе, был уверен в результате — ему пойдут на встречу. Он делился с руководителем Археологического подотдела планами о создании всероссийского научного центра — Семинария по изучению Херсонеса. Эта идея представлялась новому уполномоченному Крыммузея по Севастополю более масштабной, чем предложенная еще в ноябре 1921 года Л. А. Моисеевым мысль об открытии Научно-исследовательской станции на базе херсонесских раскопок [12, л. 330–330 об.]. Сохранились представление Л. А. Моисеева в РАИМК об организации станции и

«Положение» о ее программе и работе [13, л. 6–6 об.]. Понятно, что в «голодном» 1921 году реализация такого проекта была сомнительной. Л. А. Моисеев вновь активно продвигал эту идею накануне своего ареста. В письме, адресованном в Российскую академию истории материальной культуры 5 июля 1924 года, он просил поддержки для организации в Херсонесе Первой научно-исследовательской станции для обслуживания всех научных учреждений СССР под эгидой РАИМК. При этом он уточнил, что во время поездки в Москву обсуждал этот вопрос с В. А. Городцовым и получил поддержку [14, л. 6–6 об.]. Эту идею активно поддержал археолог, проводивший раскопки на территории античной Ольвии, ученый секретарь РАИМК Борис Владимирович Фармаковский. Он составил проект временного положения о Первой археологической станции Российской академии истории материальной культуры [14, л. 1].

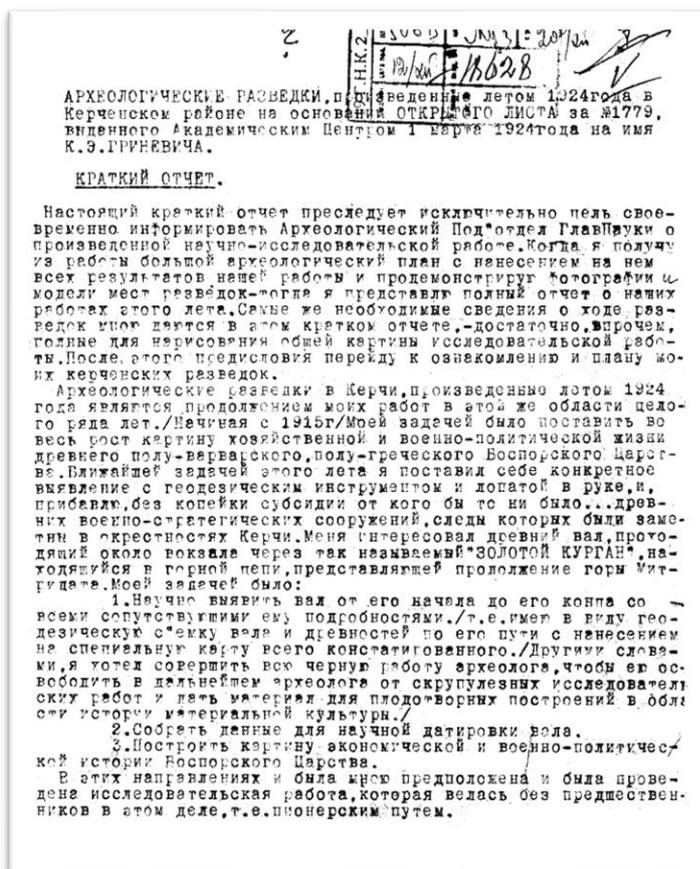
Конечно, Гриневица не устраивала идея патроната над новой научной структурой в Херсонесе Российской академии истории материальной культуры, с которой он не ладил. Параллельно с заботами Моисеева, появившийся в середине июня 1924 года в Херсонесе Гриневиц организовал на основе местных научных сил, без участия столичных авторитетов, Семинарий по изучению Херсонеса, который начал свои заседания. Об этом новый уполномоченный сразу же сообщил в местной прессе [15]. Судя по представленным Гриневицем в РАИМК дневнике работы Семинария и отчете о его деятельности в 1925 году, Константин Эдуардович продвигал свое «детиче» и пропагандировал его среди заезжих археологов [16, л. 3–6].

Но вернемся к заявлению Гриневица в Археологический подотдел. На обороте данного документа – размашистая резолюция заведующего Археологическим подотделом: «Просьбу отклонить. Заведующий подотделом В. А. Городцов. 27 июня 1924 г.» [8, л. 9 об.]. Гриневицу ничего не оставалось, как отправиться в Керчь для проведения археологических разведок и составления археологической карты Керченского полуострова.

О произведенных им работах дает общее представление отправленный в РАИМК отчет: «Археологические разведки, произведенные летом 1924 года в Керченском районе на основании Открытого листа за № 1779, выданного Академическим центром 1 марта 1924 года на имя К. Э. Гриневица.

Краткий отчет.

Настоящий краткий отчет преследует исключительно цель своевременно информировать Археологический подотдел Главнауки о произведенной научно-исследовательской работе. Когда я получу из работы большой археологический план с нанесением на нем всех результатов нашей работы и продемонстрирую фотографии и модели мест разведок – тогда я представлю полный отчет о наших работах этого лета. Самые же необходимые сведения о ходе разведок мною даются в этом кратком отчете, – достаточно, впрочем, полные для нарисования общей картины исследовательской работы. После этого предисловия перейду к ознакомлению и плану моих керченских разведок.



Страница отчета К. Э. Гриневича об археологических разведках в Керченском районе в 1924 году. Из фондов ИИМК РАН НА РО

Археологические разведки в Керчи, произведенные летом 1924 года, являются продолжением моих работ в этой же области целого ряда лет. (Начиная с 1915 г.). Моей задачей было поставить во весь рост картину хозяйственной и военно-политической жизни древнего полу-варварского, полу-греческого Боспорского царства. Ближайшей задачей этого лета я поставил себе конкретное выявление с геодезическим инструментом и лопатой в руке, и, прибавлю, без копейки субсидии от кого бы то ни было... древних военно-стратегических сооружений, следы которых были заметны в окрестностях Керчи. Меня интересовал древний вал, проходящий около вокзала через так называемый «Золотой курган», находящийся в горной цепи, представляющей продолжение горы Митридата. Моей задачей было:

1. Научно выявить вал от его начала до его конца со всеми сопутствующими ему подробностями. (т. е. имею в виду геодезическую съемку вала и древностей по его пути с нанесением на специальную карту всего констатированного). Другими словами, я хотел совершить всю черную работу археолога, чтобы ею освободить в дальнейшем археолога от скрупулезных исследовательских работ и дать материал для плодотворных построений в области истории материальной культуры.

2. Собрать данные для научной датировки вала.

3. Построить картину экономической и военно-политической истории Боспорского царства.

В этих направлениях и была мною предположена и была проведена исследовательская работа, которая велась без предшественников в этом деле, т. е. пионерским путем. Для наилучшей подготовки этого вопроса я воспользовался стенами Ленинградского гос. университета, где в течение зимы и весны 1923–1924 гг. я прочел специальный курс «Археологическая топография побережья Керченского пролива». Меня слушало 10 человек, предполагавшие ехать со мною в Керчь. К сожалению, 6 человек отпали по техническим причинам, но 3 студента преодолели все трудности финансового характера (каждый ехал за свой счет) и поехали в Керчь. Эти сотрудники, помимо чистого археологической подготовки, имели сноровку в обращении с землемерными инструментами. Их имена:

1. Г. Д. Белов, студент, ныне окончивший Ленинградский университет;

2. Н. В. Эммлер, студентка;

3. Е. А. Янсон, студентка Академии художеств.

Работа была совершена в течение 15 дней, причем был трехдневный вынужденный перерыв, в следствие препятствий, которые начали чинить нам сотрудники местного отдела ГПУ, и которые были ликвидированы благодаря разрешению, полученному от ГПУ Крыма. В течение вышепоказанного времени мы с геодезическими инструментами, лопатами и фотографическим аппаратом прошли вал на всем его протяжении от Азовского моря до Черного, вернее, до залива этого Черного моря – нынешнего Чурубашского озера, а всего почти 30 верст. Осложняло работу то обстоятельство, что каждый раз на ночлег приходилось возвращаться в Керчь, пользоваться утренним или вечерним Солнцем для искания совершенно уничтоженных следов вала, а также затрудняли нас южные жары, стоявшие в это время. Надо заметить, что работа производилась в конце июля и начале августа!...

Работа началась, как показывает прилагаемым при сем дневник работ [рукой В. А. Городцова здесь поставлен знак вопроса, так как дневника К. Э. Гриневич не предоставил – А. Н.] с пункта наиболее близкого к Керчи – с Золотого кургана, причем этот памятник занял наше внимание: был нами составлен специальный план Золотого кургана с нанесением всей линии видимого горизонта для наилучшей ориентировки. Одновременно с этим была произведена разведка прилежащей кургану местности и даже для доказательства искусственности окружающих курган с севера терраса была произведена в 3 местах раскопка до материка. На основании всех этих работ Е. Янсон вылепила по моим указаниям модель курганов из глины с показанием возможной реставрации кургана. Фотография этой модели, хранящейся

ныне в Керченском музее, при сем прилагается. [Последние слова подчеркнуты В. А. Городцовым волнистой линией и поставлен знак вопроса – *А. Н.*].

Далее наша работа заключалась в систематическом «искании» во многих местах почти исчезнувшего вала, а также в фиксации найденного на плане. Подводя итог нашей двухнедельной работе, позволю себе, конкретности и краткости ради, сделать следующие научные выводы:

1. Впервые нанесен на карту на основании тщательного исследования древний вал и ров, идущий от Азовского до Черного моря и проходящий через Золотой курган в 3 верстах от Керчи, общей длиной около 30 верст.

2. Впервые установлена связь Золотого кургана с валом и установлена возможная датировка облицовки кургана (в системе «полигональной» кладки типа микенской) эпохой позднего эллинизма и господством римлян. Золотой курган – звено, часть системы укрепления Боспорского царства.

3. Получена приблизительная, но вполне научно обоснованная датировка 10 древних городищ, встреченных на пути вала, а также датировка на основании отношения вала к курганам цепи Юз-Оба, которые датированы эпохой конца IV столетия до РХ.

4. Кроме основного вала был обнаружен второй, параллельный основному, идущий по Керченской степи от Катерлезских гор до Золотого кургана.

Мои исследования я еще не окончил. Мне необходимо ознакомиться с целым рядом таких же памятников в окрестностях Керчи, о которых пока что я знаю только понаслышке. Настоящим заканчивая свой краткий отчет, прошу дать мне возможность закончить свои керченские работы, чтобы иметь возможность нарисовать полную картину истории, экономики и социально-политической жизни Боспора, – картину, до сих пор не написанную.

Ленинград.

8 декабря 1924 года [8, л. 17–19].

Просматривая отчеты за прошедший археологический сезон 27 марта 1925 года В. А. Городцов приписал: «Нет дневника и нет чертежей – В. А. Г.». Спустя четыре года Отто Николаевич Бадер (1903–1979), интересовавшийся археологическими исследованиями в район Керчи, сделал еще одну приписку: «Означенного дневника и чертежей не имеется и по сей день. 12/VII – 29. О. Бадер» [8, л. 19]. Это и понятно – руководящему работнику Музейного отдела Наркомата Просвещения РСФСР К. Э. Гриневичу тогда уже было не до этого [см. подробнее: 17].

К. Э. Гриневич упомянул трех сотрудников своей экспедиции, проходившей в 1924 году в окрестностях Керчи. Причинами «технического характера», отсеявших от участия в экспедиции основную часть слушателей его курса «Археологическая топография побережья Керченского пролива», который он успел прочесть в Ленинградском гос. университете до увольнения, стал отказ университета в финансировании. Среди поехавших за свой счет оказались интересные люди. Указанный первым Григорий Дмитриевич Белов (1898–1979) в 1924 году окончил факультет общественных наук Ленинградского гос. университета. В студенческие годы в Петрограде он с 1922 года преподавал в школе на Выборгской стороне на

проспекте Карла Маркса. Знакомство и работа с Гриневичем оказали определяющее влияние на его судьбу. С декабря 1925 года он уже служил сотрудником Херсонесского музея. С 1926 года Белов проводил самостоятельные раскопки, став вскоре заместителем директора, а в 1931–1933 годах – директором Херсонесского музея. С июня 1938 года Г. Д. Белов переехал на работу в Государственный Эрмитаж – античный отдел, где являлся хранителем античной скульптуры и материалов, поступивших из Херсонеса, руководил греко-римским отделением [18, с. 110–112].

«Студентка Академии художеств» Елена Александровна Янсон (1890–1971), указанная третьей, стала известным советским скульптором, художником и супругой выдающегося советского скульптора М. Г. Манизера. Она обучалась на скульптурном факультете Высшего художественно-технического института, как раз у своего будущего мужа.

К. Э. Гриневич широко популяризировал в научной и научно-популярной периодике результаты своих работ в керченском районе в 1924 году [19; 20]. 2 октября он все-таки получил новый Открытый лист на два месяца для проведения работ уже на Гераклеийском полуострове [8, л. 15].

Болезненной в это время для Гриневича оставалась проблема отсутствия контактов с РАИМК. Даже, скорее, негативное восприятие не только его исследований, но его самого в этом авторитетном научном учреждении. После его бегства из Керчи в конце июля 1921 года он приобрел в Академии имидж человека, бросившего в трудное время коллектив на произвол судьбы. Весьма спорным с этической стороны был и его приход на должность директора Херсонесского государственного музея, связанный с закрытием монастыря и арестом его предшественника Л. А. Моисеева. У многих коллег сложилось представление о том, что Гриневич сознательно освободил место для себя, расправившись с Моисеевым. Лаврентия Алексеевича хорошо знали и с уважением относились в РАИМК. Находясь на посту директора музея с выраженным археологическим профилем Константин Эдуардович предпринимал шаги для налаживания коммуникаций с ленинградскими археологами. Он решил напрямую обратиться к Николаю Яковлевичу Марру (1864–1934) – крупному российскому, советскому востоковеду-языковеду, археологу-кавказоведу, возглавлявшему РАИМК. Марр живо интересовался вопросами исторического кримведения и вел переписку с его лидерами [21; 22; 23, с. 212, 225]. Гриневич, находясь в середине октября 1924 года Ленинграде, пытался встретиться с академиком, но такой возможности не представилось. Отчаявшись получить личную аудиенцию, 17 октября 1924 года К. Э. Гриневич письменно обратился к председателю Академии истории материальной культуры Н. Я. Марру:

«Глубокоуважаемый Николай Яковлевич.

Мне так и не удалось дожидаться Вас в Ак[адемическом] Центре, в Академии я Вас не застал, и так как я очень хочу поделиться с вами некоторыми важными для меня соображениями, то разрешите это сделать в форме частного письма. Пишу вам эти строки как к Председателю АИМК именно в форме частного письма, на которое

прошу так и смотреть. То, о чем я буду говорить, является для меня большим вопросом и я долго не решался говорить о нем (я не люблю шуметь), целых два года! – но в результате моего оставления этого вопроса открытым, я затерт, мои работы не печатаются, а Вы лучше меня знаете, как важно для молодого ученого иметь печатные «опусы», я сам 75% своего времени должен отдавать постороннему труду (работа на Рабфаке, сотруднячание [так в тексте – *А. Н.*] в журналах не по специальности...). Годы идут, лучшие годы, этого пропуска не вернуть, и я невольно оказываюсь в хвосте научной работы, для которой я так много уже отдал времени и сил... Что делать? Помогите мне. А помощь нужна вот в чем: уже с 1915 года я идеологически связан с Археологической Комиссией, вся моя работа над древностями нашего классического юга связывает меня в смысле общностей заданий с Вашим учреждением, которое почему-то смотрит на меня совершенно по непонятным для меня причинам в высшей степени косо и враждебно. Мои доклады снимались с очереди, меня изолировали (не говоря уже о сокращении, когда мне было предложено вместо штатного регистратора – смешно быть регистратором с 6 летним стажем самостоятельной исследовательской работы в Университете, как приват-доцента – было предложено быть сверхштатным научным сотрудником, а потом запрещено даже было и так именоваться и, что было особенно чувствительно, мои доклады (о таманском саркофаге – помните?, о реставрации одного краснофигурного обломка) не печатались, лежа по 15–20 месяцев без надежды увидеть свет... И сейчас эти доклады у меня как специально археологические, напечатать их нигде... Их ценность проверена Б. В. Фармаковским.

Скажите, я мог работать при этих условиях, видя, что главной причиной было просто то, что физиономия моя, вероятно, кому-нибудь не понравилась... и всюду идет это отношение, замеченное даже москвичами: Академия, не могущая меня не знать с 1915 года, как работника в области юга Росси, почти оказывает в выдаче мне Открытого листа, и не на раскопки, а на разведки... Далее, инцидент с организованным мною в Севастополе Семинарием? А последняя гнусная клевета на меня, будто я... арестовал Моисеева? И даже Вы попались на удочку, поверив этой гнусной порочашей моё имя клевете, не потрудившись её проверить... разве все это идет не из Академии?

Не смотрите на это письмо, будто я прошусь к Вам на службу, но с чисто государственной точки зрения скажите, разве нормально оставлять за бортом многолетнего квалифицированного работника, на которого столько сил истрачено государством, а наполнять учреждения иным элементом? В прочем, что не мое дело... Когда нас всех сняли с ак[адемического] пайка, я почти голодал, я должен был заняться и теперь занимаюсь на 75% посторонней литературно-учебной работой, и в то же время героически, именно, героически продолжаю свои работы в любимой области. Но я вчетверо медленней иду по своей дороге...

Словом, как будто выходит, что Академия не концентрирует молодые силы вокруг себя, а как будто их душит, да, именно душит, ибо иначе я не могу назвать политику Ак[адемии] по отношению ко мне...

Теперь мне предложено заведование Херсонесом, который идеологически связан с Академией, где будут работать сотрудники Академии и т. д. Скажите, нормально все то, о чем только что говорил и как связать все это? Надо во что бы то ни стало

пользу дела поставить выше личных отношений... Скажите, разве нормально, что мне 2 года отказывали в Эрмитаже в занятиях над акварельными керченскими вазами? Я деликатен, не хотел шуметь, но факт возмутительный <...>.

К. Гриневич.

ул. Халтурина, 5, кв. 8.

Спросите Орбели, что стало с моим, довольно большим исследованием об ушебти, последнюю корректуру он мне отдал в 1918 году? Кажется, он повинен в оставлении за бортом уже набранного текста (для Зап. Восточного отделения Русского Археологического О[бществ]ва» [24, л. 1–1 об.].

Таким образом, ясно, что неординарные организационные способности, проявленные К. Э. Гриневичем на посту директора Керченского музея древностей, не были забыты и он и далее привлекался к работе в Археологической комиссии, но не в той мере, как ему хотелось. А назначение в Херсонесе еще раз подчеркивает симпатию к его деятельности руководившего АИМК Н. Я. Марра. Кстати, рукопись К. Э. Гриневича «Египетские погребальные статуэтки «ушебти»» нам удалось выявить в личном архивном фонде академика И. А. Орбели [25, л. 1–12].

К. Э. Гриневич познакомился с упомянутым в письме авторитетным кавказоведом Иосифом Абгардовичем Орбели еще в досоветское время, когда последний являлся секретарем Восточного отделения (1914–1918) Русского археологического общества. В 1918–1920 годах И. А. Орбели стал ученым секретарем вновь созданной Коллегии по делам музеев при Российской государственной археологической комиссии. С 1918 года он, как один из активнейших организаторов трансформации императорской Археологической комиссии в Российскую академию истории материальной культуры, также – член совета РГАК – РАИМК. Поэтому И. А. Орбели очень болезненно воспринял его бегство из Керчи и тот факт того, что коллектив музея древностей был брошен Гриневичем на произвол судьбы.

Обращение к Марру, как оказалось, не помогла Гриневичу затушевать личную неприязнь к нему в Ленинграде. Так, к теме взаимоотношений с И. А. Орбели К. Э. Гриневич возвратился в письме к Н. Я. Марру от 28 октября 1926 года: «Орбели продолжает меня травить. Боюсь, что дело об этом придется мне перенести в Секцию научных работников, если он не уймется. Я же не могу допустить безнаказанного опорочения моего доброго имени» [24, л. 2].

Таким непростым, во многом рубежным был для Константина Эдуардовича Гриневича 1924 год, открывший в его биографии знаковый период руководства Херсонесским археологическим музеем. Описанные события позволяют понять мотивацию дальнейших шагов историка и организатора науки, выстраивание им линий интеллектуальных и карьерных коммуникаций.

#### Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К. Э. Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2017. – Т. 3(69), № 2. – С. 111–122.  
Непомнящчй А. А. «YA sobirayus' privat-docentstvovat' v Tavricheskom universitete»: К. Е. Grinevich v Krymu (1919–1921) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2017. – Т. 3(69), № 2. – С. 111–122.

2. Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», д. 148, л. 101.  
Nauchnyj arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeya-zapovednika «Hersones Tavricheskij», d. 148, l. 101.
3. Непомнящий А. А. Боспорский университет: «Необходимость создания такого центра является сейчас насущной потребностью» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / Ин-т всеобщей истории РАН.– Москва, 2020.– Вып. 72.– С. 391–404.  
Nepomnyashchij A. A. Bosporskij universitet: «Neobhodimost' sozdaniya takogo centra yavlyetsya sejchas nasushchnoj potrebnost'yu» // Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii / In-t vseobshchej istorii RAN.– Moskva, 2020.– Вып. 72.– С. 391–404.
4. Непомнящий А. А. Профессор Митрофан Довнар-Запольский: крымские страницы биографии // Вопросы истории.– 2019.– № 11.– С. 175–185.  
Nepomnyashchij A. A. Professor Mitrofan Dovnar-Zapol'skij: krymskie stranicy biografii // Voprosy istorii.– 2019.– № 11.– С. 175–185.
5. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 70.  
ИМК РАН НА РО, f. 2, op. 1 (1921 g.), d. 70.
6. СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, д. 192.  
SPbF ARAN, f. 155, op. 2, d. 192.
7. Сорокина И. А. Работа археологического подотдела в системе Наркомпроса РСФСР в 1923–1926 годах: планы и реальность // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки.– 2019.– Вып. 4.– С. 101–108.  
Sorokina I. A. Rabota arheologicheskogo podotdela v sisteme Narkomprosa RSFSR v 1923–1926 godah: plany i real'nost' // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Istoricheskie nauki.– 2019.– Вып. 4.– С. 101–108.
8. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 171.  
ИМК РАН НА РО, f. 2, op. 1 (1924 g.), d. 171.
9. ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 10618.  
CGIA SPb., f. 14, op. 1, d. 10618.
10. ЦГА СПб., ф. Р-4331, оп. 42, д. 675.  
CGA SPb., f. R-4331, op. 42, d. 675.
11. Прохорова Т. А. «Дорогой мой Котуська»: неизвестное письмо Лаврентию Алексеевичу Моисееву // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: матер. науч. конф. Севастополь, 18–22 сент. 2023 г. / Гос. ист.-арх. музей-заповедник «Херсонес Таврический»; Под ред. А. В. Зайкова, Д. А. Костромичева.– Севастополь; Москва: Буки Веди, 2023.– С. 137–142.  
Prohorova T. A. «Dorogoj moj Kotus'ka»: neizvestnoe pis'mo Lavrentiyu Alekseevichu Moiseevu // Antichnye relikvii Hersonesa: otkrytiya, nahodki, teorii: mater. nauch. konf. Sevastopol', 18–22 sent. 2023 g. / Gos. ist.-arh. muzej-zapovednik «Hersones Tavricheskij»; Pod red. A. V. Zajkova, D. A. Kostromicheva.– Sevastopol'; Moskva: Buki Vedi, 2023.– С. 137–142.
12. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 3, д. 316.  
GARF, f. A-2307, op. 3, d. 316.
13. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 76.  
ИМК РАН НА РО, f. 2, op. 1 (1921 g.), d. 76.
14. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 65.  
ИМК РАН НА РО, f. 2, op. 1 (1924 g.), d. 65.
15. Гриневиц К. Новый подход к Херсонесу // Красный Крым.– 1924.– № 162(1080).– 18 июля.– С. 5.  
Grinevich K. Novyj podhod k Hersonesu // Krasnyj Krym.– 1924.– № 162(1080).– 18 iyulya.– С. 5.
16. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 120.  
ИМК РАН НА РО, f. 2, op. 1 (1925 g.), d. 120.
17. Непомнящий А. А. Советская историческая наука в зеркале личных связей: переписка К. Э. Гриневица и С. Ф. Платонова (1927–1929) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: «Гуманитарные науки».– 2024.– Т. 26, № 2.– С. 181–193.

Nepomnyashchij A. A. Sovetskaya istoricheskaya nauka v zerkale lichnyh svyazej: perepiska K. E. Grinevicha i S. F. Platonova (1927–1929) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: «Gumanitarnye nauki».– 2024.– Т. 26, № 2.– С. 181–193.

18. Калашник Ю. П. Г. Д. Белов (1898–1979) // Сообщения Государственного Эрмитажа.– Санкт-Петербург, 2005.– Т. 63.– С. 110–113.

Kalashnik YU. P. G. D. Belov (1898–1979) // Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha.– Sankt-Peterburg, 2005.– Т. 63.– С. 110–113.

19. Гриневич К. Археологические исследования в Керчи // Новый Восток.– 1924.– № 6.– С. 524–525.

Grinevich K. Arheologicheskie issledovaniya v Kerchi // Novyj Vostok.– 1924.– № 6.– С. 524–525.

20. Гриневич К. Э. Новейшие раскопки в Крыму, лето 1924 года // Красный журнал для всех.– 1924.– № 11.– С. 847–854.

Grinevich K. E. Novejshie raskopki v Krymu, leto 1924 goda // Krasnyj zhurnal dlya vsekh.– 1924.– № 11.– С. 847–854.

21. Непомнящий А. А. Николай Марр и кривоведение 1920-х // Крымское историческое обозрение.– 2014.– № 1.– С. 46–67.

Nepomnyashchij A. A. Nikolaj Marr i krymovedenie 1920-h // Krymskoe istoricheskoe obozrenie.– 2014.– № 1.– С. 46–67.

22. Непомнящий А. А. «Хочу поделиться с Вами некоторыми важными для меня соображениями»: письмо К. Э. Гриневича к Н. Я. Марру // Исторический архив.– 2015.– № 4.– С. 65–70.

Nepomnyashchij A. A. «Hochu podelit'sya s Vami nekotorymi vazhnymi dlya menya soobrazheniyami»: pis'mo K. E. Grinevicha k N. YA. Marru // Istoricheskij arhiv.– 2015.– № 4.– С. 65–70.

23. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.– 432 с., ил.– (Серия: «Библиография краеведения»; вып. 3).

Nepomnyashchij A. A. Arsenij Markevich: stranicy istorii krymskogo kraevedeniya.– Simferopol': Biznes-Inform, 2005.– 432 s., il.– (Seriya: «Bibliografiya krymovedeniya»; vup. 3).

24. СПбФ АРАН, ф 800, оп. 3, д. 276.

SPbF ARAN, f 800, op. 3, d. 276.

25. СПбФ АРАН, ф 909, оп. 5, д. 15.

SPbF ARAN, f 909, op. 5, d. 15.

#### **Nepomnyashchy A. A. Between Kerch and Sevastopol: K. E. Grinevich in 1924**

The research continues the storyline «Grinevich and Kerch», which was started by the author in previous years' publications. Based on the identified documents from the handwritten department of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, which are being introduced into scientific circulation for the first time, the story of one year from the rich creative biography of Konstantin Eduardovich Grinevich (1891–1970), a prominent archaeologist and museum figure, has been recreated. The milestone period of the historian's biography was associated with his appointment as Commissioner for Museums of the Sevastopol region, and then director of the Chersonesos Archaeological Museum. Communications of K. E. Grinevich during this period are considered. The new head of the museum association in Sevastopol organized an All-Union scientific seminary for the study of ancient and medieval history on the basis of the Chersonesos Museum. However, his innovation was not supported by scientists from the Russian Academy of the History of Material Culture. The publication contains the text of K. E. Grinevich's brief report on the archaeological expedition he led on the Kerch Peninsula this year, the texts of his letters to the Archaeological Department of the Museum Department of the Main Science of the People's Commissariat of Education of the RSFSR.

Keywords: K. E. Grinevich, Kerch Historical and Archaeological Museum, Chersonese Archaeological Museum, Seminary for the Study of Chersonese, archaeological expedition to the Kerch Peninsula. Museum Department of the Main Science of the People's Commissariat of Education of the RSFSR.

УДК 93/94

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-1-112-125

## ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ XIX – НАЧАЛА XXI ВВ. КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ОРДЫНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В МАССОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

*Смирнов А. В.*

*Кубанский государственный университет  
г. Краснодар, Российская Федерация  
E-mail: alexdf247@mail.ru*

Проводится анализ содержания отечественных энциклопедий, относящегося к теме ордынского владычества. Энциклопедии оказывают влияние, в первую очередь, на исторические представления массового сознания. Они дают возможность проследить изменение с течением времени взглядов на русско-ордынские отношения в российской исторической науке. Выделяется несколько этапов освещения проблемы ордынского владычества: вторая пол. XIX – нач. XX в., 1920-е – 1980-е гг., постсоветский период. Показано, как в каждый из выделенных периодов складывается и изменяется под воздействием определенных факторов политики государства исторический нарратив, связанный с пониманием и описанием взаимоотношений Руси со Степью. На протяжении изучаемого периода интерес к теме ордынского владычества неуклонно растет.

**Ключевые слова:** история России, энциклопедия, энциклопедическая статья, образы истории, ордынское владычество, массовое сознание, нарратив.

Энциклопедии всегда являлись источником концентрированного и доступного знания для относительно широких кругов населения. В них в сжатой форме формулировалась точка зрения, господствующая в науке на момент выхода того или иного энциклопедического издания. А. А. Чернышев верно отмечал: «Энциклопедия – это слепок эпохи, в которой она создается, отражение своего времени» [31, с. 144]. Энциклопедии представляют собой нормирующую литературу, пусть на них и не принято ссылаться в серьезных научных исследованиях. Подобные издания оказывают влияние, в первую очередь, на массовое сознание, которое ищет более простых и быстрых источников информации, нежели специальные труды ученых. Это характерно в том числе для сферы истории.

Преимущества энциклопедий как объекта изучения массового сознания заключаются в их более широком охвате читательской аудитории. Для анализа были выбраны крупнейшие отечественные энциклопедические издания, в которых отразилась важная для российского общественного сознания тема ордынского владычества и связанных с ним понятий. Исследование затрагивает только печатные форматы, поэтому сконцентрировано на периоде XIX – нач. XXI вв., когда данный тип представления информации являлся основным. Данная тема является сравнительно малоизученной, но приобретает особое научное значение в связи с вниманием исторической науки к проблемам и механизмам формирования и

функционирования массового исторического сознания. Вместе с тем, в последние десятилетия энциклопедии все чаще рассматриваются как исторический источник, к примеру, по региональной [14; 18] или военной истории [19]. Большое внимание уделяется советским энциклопедическим изданиям, так как именно в СССР этот тип передачи знаний получил очень большое распространение [1; 16; 17].

В современных реалиях все большую роль в формировании исторических представлений российского общества играют электронные энциклопедии, такие как «Мегаэнциклопедия Кирилла и Мефодия» и «Википедия». Они обладают своими особенностями, главной из которых является возможность создания и редактирования статей в них любым пользователем. Это обеспечивает относительно широкий плюрализм мнений, но меньшую научную верифицируемость публикуемых материалов, поэтому для их изучения нужны особые методы, весьма отличные от анализа печатных изданий. Это может стать перспективной темой для последующих исследований.

Первым законченным энциклопедическим изданием России, в котором весьма широко присутствует тема ордынского ига, стал «Русский энциклопедический словарь» под редакцией И. Н. Березина. Он особенно интересен, если учитывать, что И. Н. Березин был крупным российским востоковедом XIX в., посвятившим несколько трудов в том числе свою докторскую диссертацию, истории Золотой Орды.

Мы не встретим, однако, в этой энциклопедии отдельной словарной статьи, посвященной владычеству Орды над Русью. Иго в ней описывается в двух статьях, «Золотая Орда» и «Монгольское племя». Золотая Орда характеризуется как довольно отсталое государство: «Из такого грубого материала, как монголы и татары, весьма трудно было выработать сносное развитие государственных форм» [25, с. 293]. Господство Орды над Русью не оставило глубоких следов в истории последней, ведь они находились далеко друг от друга. Главное влияние ига проявилось в разделении западной и восточной частей Руси. Владычество кочевников «остановило у нас развитие гражданственности и ввело грубость нравов» [25, с. 294].

В другой словарной статье последствия ордынского владычества описаны несколько иначе. Его влияние нельзя отвергать, так как Россия долгое время находилась в связи с монголо-татарами и пользовалась их услугами в сношениях с Востоком, из-за чего в ее административную систему и военное устройство вошло немало восточных черт. Своими грабежами и насилиями ордынцы доводили население Руси до отчаяния, но, с другой стороны, не трогали его религию и даже покровительствовали православному духовенству [26, с. 359]. Сочетание этих двух фактов в одном предложении показывает, что для автора веротерпимость завоевателей несколько компенсировала отрицательные последствия их владычества.

В «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (далее – «ЭСБЕ») ордынскому игу уделяется мало внимания. В статье про Золотую Орду, которую написал крупный востоковед Н. И. Веселовский, отсутствуют оценочные суждения об уровне развития этой страны. Батый властвовал над Русью издали, не вмешивался в ее внутреннее управление и довольствовался данью. Н. И. Веселовский писал, что «господство у нас Чингизидов можно назвать игом монгольским, так как

династия была монгольского происхождения, но можно назвать и татарским игом, потому что подавляющую массу завоевателей составляли татары; можно назвать и игом монголо-татарским» [33, с. 634]. На наш взгляд, с выходом этого тома «ЭСБЕ» можно связывать утверждение в отечественной исторической науке понятия «монголо-татарское/татаро-монгольское иго». В трудах историков XIX в. эти термины использовались почти всегда по отдельности, как синонимы, хотя первым вместе их связал еще П. А. Наумов в 1823 г. [22] В советских и современных российских энциклопедиях понятие «монголо-татарский» станет общераспространенным.

В статье про Куликовскую битву подчеркивалась роль православной церкви: князь Дмитрий получил на нее благословение от Сергия Радонежского, упоминалось про иноческий чин Пересвета [34, с. 956]. Едва ли не больше всего внимания ордынскому владычеству в «ЭСБЕ» уделено в статье «Баскак». Баскаки следили за поведением русских князей, вмешивались в их распри. Однако их влияние на внутренние дела Руси было незначительным, присутствие на ее территории – недолгим, с удалением баскаков «несомненно, ограничилось и влияние татарское как в материальном, так и в нравственном отношениях» [32, с. 145].

«Энциклопедический словарь Гранат» (далее – «ЭСГ») занимает в русской энциклопедистике особое место, так как выходил на переломе двух эпох. В томах, вышедших до 1917 г., связанным с ордынским владычеством вопросам уделено совсем немного места. Нет отдельной статьи ни про Золотую Орду, ни про Куликовскую битву. Последняя отнесена к материалу про Дмитрия Донского, но и в нем, весьма небольшом, сражению с Мамаем посвящено лишь несколько строк [35, стб. 369–372]. Статья «Татарское иго», первая в отечественных энциклопедиях отдельная статья про данное явление, вышла после Октябрьской революции. Это, возможно, обусловило ее большой размер. Ее автором был Н. А. Рожков. В «ЭСГ» он разбирал все стороны русской средневековой жизни и нигде не находил ни малейшего влияния ордынцев, которое не совпадало бы с внутренними условиями развития Руси. Ордынское иго «в сущности, было явлением внешним, поверхностным; татары были хищниками, которые культурно стояли ниже тех, кого они эксплуатировали, и потому сохраняли над последними лишь временный перевес» [36, стб. 87].

В дореволюционных энциклопедиях, как видим, ордынскому владычеству уделялось немного внимания, ему не было посвящено отдельной словарной статьи. Интерес к этой теме стал расти лишь после 1917 г. По-видимому, читательские круги советских изданий, с которыми содержание энциклопедий в СССР обсуждалось, были более заинтересованы в получении информации об этом событии. Статьи, посвященные русско-ордынским отношениям, в энциклопедиях 1930–1950-х стабильно входили в список крупных в своих томах.

Период 1920–1980-х гг. стал расцветом отечественной энциклопедистики. В это время было выпущено много как универсальных энциклопедий, так и выпусков по отдельным отраслям знания. Крупнейшие труды, такие как Большая и Малая советские энциклопедии, выдержали по несколько изданий, каждое из которых

отличалось по своему наполнению. Создавались все эти работы по указаниям Советского правительства, оно же контролировало их содержание, поэтому кроме познавательной функции в них, по мнению А. А. Чернышева, «прослеживалась и политическая цель, отражавшая постулаты марксистской апологетики» [31, с. 144]. Энциклопедии ведут свою историю от французской Энциклопедии, выход которой ускорил приближение Великой французской революции. Поэтому советские революционеры очень ценили издания энциклопедического типа. Их выпуск основной целью ставил формирование нового массового сознания. Просветительский момент заложен в энциклопедии просветительской философией XVIII в. Советская культура его приняла и усовершенствовала.

Первой по времени завершения советской многотомной энциклопедией стала Малая советская энциклопедия (далее – «МСЭ»). В 1-м издании «МСЭ» активно критикуется взгляд дореволюционных историков на ордынское владычество, слово «иго» в названии словарной статьи, автором была М. В. Нечкина, взято в кавычки. «”Жестокости” и ”зверства” татар, на описание к-рых русские историки-националисты не жалели самых мрачных красок, были в феодал. эпоху обычным спутником любых феодал. столкновений... Бесспорно огромное культурное влияние, оказанное татарами на обычаи, юридич. отношения, язык и быт русских» [20, стб. 696]. Отношения между князьями и Золотой Ордой были типичной феодальной зависимостью, не отличавшейся от подобной в остальной Европе: хану обязывались платить подать, оказывать ему военную помощь в случае необходимости и ездить к его двору на поклон с подарками.

Ордынское владычество не видится автору чем-то ужасным или экстраординарным. Этот взгляд характерен для школы М. Н. Покровского, господствовавшей в те годы в исторической науке.

Чтобы выявить сдвиги в восприятии ига Орды, целесообразно сразу же рассмотреть 2-е издание «МСЭ». Том со статьей об иге вышел через десять лет после 1-го издания, в 1940 г. за авторством той же М. В. Нечкиной. Иго характеризуется как «угнетение татаро-монгольскими ханами-завоевателями покоренных ими народов в 13–15 вв.» [21, стб. 640]. Ордынскому владычеству дана отрицательная оценка. Автор подчеркивала, что тяжелее всего гнет степняков лег на простое население, которое нередко восставало против него, тогда как правящие классы Руси и церковь проявили покорность кочевникам, с помощью которой стремились упрочить свое привилегированное положение. Русь не являлась улусом Золотой Орды (эта позиция прямо противоречила 1-му изданию «МСЭ»), но находилась в тяжелом политическом подчинении от нее. Иго сильно затормозило развитие Руси, явилось одной из причин ее отставания по сравнению с Западной Европой [21, стб. 641–642].

В 1-м издании Большой советской энциклопедии (далее – «БСЭ») можно проследить весьма резкую смену взгляда на русско-ордынские взаимоотношения. В 27-м томе, где редактором «БСЭ» по отделу истории еще указан М. Н. Покровский, помещена обширная статья о Золотой Орде. В ней это государство характеризуется нейтрально. Золотая Орда была феодальной державой, в орбиту отношений с ней Русь была втянута в качестве вассала. «Этим вассальным отношениям и придан

дворянско-буржуазной историографией характер пресловутого «татарского ига». Фактически же сеньориальное господство З. О. было по существу не «хуже» и не «лучше» любого феодального владычества в покоренной стране» [12, стб. 102]. Легендой дореволюционной историографии объявлялось представление о дикости ордынцев и их примитивной культуре: несомненно взаимовлияние культур Руси и Золотой Орды друг на друга. В целом Орда трактуется как обычное европейское феодальное государство средневековья, только структура ее хозяйства является более сложной из-за господства скотоводства.

В вышедшем в 1938 г. 40-м томе «БСЭ», где даны статьи о монголо-татарском иге и нашествии (обе написаны М. Симховичем), взгляд на Орду и зависимость от нее Руси близок ко 2-му изданию «МСЭ». Статья о монголо-татарском иге в этом издании является, видимо, самой объемной из посвященных данному термину среди всех отечественных энциклопедий. Это произошло потому, что в ней подробно описана система зависимости не только Руси, но и других стран, подчиненных Золотой Орде. Данный факт является проявлением советского интернационализма и свидетельством возможной востребованности «БСЭ» в национальных республиках СССР, у которых тоже была потребность в знании своей истории.

Ордынское иго представляло собой «тягчайший режим феодальной эксплуатации» [13, стб. 40]. Иго замедляло экономическое и культурное развитие покоренных стран. Правящие классы этих государств стремились ужиться с ордынцами, чтобы сохранить свое высокое положение, старались перенести всю тяжесть иноземного гнета на народ. Духовенство повсеместно освобождалось от повинностей и за это призывало население смириться с ханской властью.

У покоренных народов был более высокий уровень экономического и культурного развития, чем у завоевателей, которые из-за этого не смогли сформировать крепкое государство. Нашествие монголо-татар надолго прервало свободное развитие государств Кавказа и Средней Азии. На Руси освобождение от ига происходило в связи с преодолением раздробленности и складыванием централизованного Московского государства [13, стб. 40–45].

А. А. Чернышев отмечает существенные отличия 1-го издания «БСЭ» от последующих как в оформлении, так и в содержании [31, с. 142]. Мы увидим, что это положение верно и в отношении освещения в этих изданиях темы ордынского владычества.

Во 2-м издании «БСЭ» Золотая Орда описывается как искусственное государственное образование, сложившееся при помощи насильственного захвата чужих земель. «С самого начала своего существования и до полного распада З. О. была паразитом на теле покоренных земель» [9, с. 147]. Русские княжества хоть и подчинялись Орде, но в состав ее территории не входили. Ордынское ремесло развивали не сами татары, а захваченные ими в других землях мастера. Золотой Орде отказывается в каком-либо самостоятельном значении для мирового исторического развития.

Важное место отводится Куликовской битве. Словарная статья о ней во 2-м издании «БСЭ» является куда более обширной, чем статьи в 1-м издании «БСЭ», двух

первых изданиях «МСЭ», а также в дореволюционных энциклопедиях. Впервые в тексте представлена ее карта. Это доказывает возросшую роль Куликовской битвы в идеологическом нарративе Советского государства. Боевым подвигам предков уделяется все больше внимания. В сражении с Мамаем «с огромной силой проявился патриотизм русского народа, не прекращавшего героической борьбы против монголо-татар со времени их вторжения в русские земли» [10, с. 16].

Князь Олег Рязанский, поддержавший Мамаю, назван в тексте «изменником». Войско Дмитрия состояло из представителей большинства русских земель. Куликовская битва имела важное международное значение и стала известна в странах Запада и Востока [10, с. 17]. Описание сражения в целом ведется в приподнятом духе героической борьбы русского народа с захватчиками. Данный нарратив широко применялся в конце 1930-х – пер. пол. 1950-х гг. и к другим событиям русской истории, особенно в советском кинематографе.

При описании ордынского владычества подчеркивается роль народной борьбы в сопротивлении захватчикам, тогда как феодалы им подчинились им и использовали помощь ордынцев в своих усобицах. Сопротивление русского народа спасло Западную Европу от нашествия степняков. Иго явилось одной из главных причин замедленного темпа социально-экономического и культурного развития России. Создание Русского централизованного государства было ускорено интересами обороны от монголо-татар [11, с. 195–196].

В статье про монголо-татарское иго нет никаких упоминаний про Среднюю Азию или Кавказ, данное явление отнесено целиком к русской истории. Отсутствует отдельная статья про завоевания Чингисхана в этих регионах. «БСЭ» приобретает роль справочника только по русской истории. Едва ли это можно связать с появлением в национальных советских республиках Средней Азии и Кавказа своих универсальных энциклопедий: их выпуск начался в 1970-е гг., когда шло 3-е издание «БСЭ», начавшееся через десять лет после завершения 2-го. Некоторые современные историки считают, что ко времени 2-го издания «БСЭ» в правящих кругах и обществе СССР усилилась идеология этнонигилизма, это привело к спаду научного интереса к историческому прошлому советских народов [15, с. 24–25].

В 60–70-е гг. XX в. в СССР вышло отдельное энциклопедическое издание по истории, «Советская историческая энциклопедия» (далее – «СИЭ»). В предисловии к ее 1-му тому указано, что основное внимание в «СИЭ» уделено новой и новейшей истории – эти разделы занимают 2/3 всего текста [27, с. 9–10]. Неудивителен поэтому довольно небольшой размер статей, посвященных ордынскому владычеству.

Золотая Орда была искусственным и непрочным государственным объединением, с пестрым населением и разным уровнем развития отдельных регионов. Русь в ее состав не входила. Главной целью правителей Орды было ограбление поработенных. Одной из основных причин распада Золотой Орды послужил рост освободительной борьбы покоренных ею народов [28, стб. 700–703].

Статья про Куликовскую битву более краткая, чем во 2-м издании «БСЭ». Про действия Олега Рязанского сказано более осторожно, он не назван предателем, о его выступлении на стороне Мамаю сообщают некоторые летописи. В походе Дмитрия

не участвовали представители нескольких русских земель, список которых просто перечисляется. Из этого не делается очевидный вывод, что данные территории составляли в то время большую часть Руси. Зато на стороне Дмитрия сражались украинские и белорусские отряды сыновей Ольгерда [29, стб. 266–267].

Целью ига был массовый террор и ограбление русского народа. Действовала эта система в интересах монгольской феодальной знати. Завоеватели стремились поставить себе на службу русскую знать, поддерживали раздробленность земель Руси, использовали православную церковь для укрепления своего господства. Отмечается, однако, что митрополит Алексей и Сергей Радонежский в XIV в. являлись поборниками идеи освобождения от ига [30, стб. 608–609]. Происходит постепенная переоценка роли некоторых деятелей русской церкви

В 3-м издании «БСЭ» нет каких-либо кардинальных изменений позиций к ордынскому владычеству по сравнению со 2-м изданием или «СИЭ». Статьи про Золотую Орду и Куликовскую битву почти без изменений были взяты из «СИЭ», их автором в обеих энциклопедиях являлся В. И. Буганов. Только в рассказе про Куликовскую битву эпитет «всемирное-историческое», относящийся к значению победы над Мамаем, заменен на «большое» [7, с. 587]. Для подтверждения важности события перестает быть нужным обращение к его роли во всемирной истории, достаточным становится значение для истории России.

Появляется в 3-м издании «БСЭ» отдельная статья про монгольские завоевания в XIII в., ее автор – В. В. Каргалов. Она является не настолько подробной, как в 1-м издании. Речь в ней идет о походах кочевников не только на территории нынешнего СССР, но и в другие страны Азии (Китай, Корею, Японию, Вьетнам и т.д.) [8, с. 519–520]. Статья про иго по тезисам почти не отличается от материала в «СИЭ». Ордынское владычество сыграло крайне негативную роль в русской истории, затормозило органическое развитие Руси и явилось причиной ее отставания от Западной Европы [8, 502–503].

Начиная со 2-го издания «БСЭ» в отечественной энциклопедистике устоялся совершенно определенный взгляд на ордынское иго, который затем оставался почти неизменным до 1990-х гг. Оценочных суждений в энциклопедиях 1960–1970-х гг. становится меньше.

В 1990-е гг. вышла энциклопедия «Отечественная история» (далее – «ОИ»). Она охватывала рамки до 1917 г., значит, возможность рассмотрения средневековой истории Руси должна была стать больше. К сожалению, из запланированных пяти томов удалось выпустить только три, два последних, в которых должна была быть в том числе статья «Монголо-татарское иго», на которую ссылались другие словарные статьи, так и не вышли.

Самые разительные перемены по сравнению с советскими изданиями представляет в «ОИ» статья о Золотой Орде. Ее автором являлся Г. А. Федоров-Давыдов, один из крупнейших во втор. пол. XX в. исследователей истории и археологии этого государства, многолетний руководитель Поволжской археологической экспедиции. Статья занимает достаточно большой объем, в ней подробно рассказана политическая история и социально-экономическое положение

Золотой Орды. Она представлена государством с развитой торговлей и чеканкой монеты, в ней существовала многоуровневая система управления. Нет никаких упоминаний о ее искусственном характере, равно как и о том, за счет чего существовала Золотая Орда.

В статье о ней отсутствует какая-либо ссылка на монголо-татарское иго. Орда выглядит обычным средневековым государством со своими особенностями, историей и культурой. Земли Северо-Восточной Руси, кроме Новгорода и Пскова, входили в состав ордынского государства, но были на особом положении и сохраняли автономию и местную правящую династию [23, с. 290–291].

В «ОИ» появилась отдельная статья «Золотоордынские набеги 13–15 вв.» за авторством В. В. Каргалова. В ней дан более привычный для советских энциклопедий взгляд на иго. Эти карательные походы были средством запугивания и разорения завоеванных народов. Упомянуты набеги не только на Русь, но и на Кавказ, Среднюю Азию и страны Европы [23, с. 293].

Довольно большие изменения в трактовке события присутствуют в статье про Куликовскую битву. Ее написал А. Е. Петров. Статья щедро снабжена иллюстративным материалом, представлена новая карта битвы, немного отличная от существовавшей в советских изданиях.

Причиной сражения стал отказ Дмитрия Московского платить дань Орде. Мамай «принудил» князя Олега Рязанского не выступать на стороне Москвы под угрозой разорения его земель. Олег, описывавшийся в советских изданиях как предатель и пособник врага, здесь представлен жертвой обстоятельств. Открыто заявляется, что большая часть русских земель не присоединилась к Дмитрию в его борьбе. Дается упоминание про благословение московского князя на битву от Сергия Радонежского, что в последний раз встречалось в дореволюционных энциклопедиях. Итоги победы характеризуются сдержанно: она упрочила влияние Московского княжества в Северо-Восточной Руси и доказала «реальную возможность освобождения Руси от монголо-татарского ига» [24, с. 199].

Особенностью Большой российской энциклопедии (далее – «БРЭ») является очень большое количество статей, посвященных теме русско-ордынских отношений. Ни в каком другом отечественном энциклопедическом издании мы не встретим такого числа имен и терминов, связанных с данной тематикой. Все эти статьи довольно крупные по размеру, почти всегда занимают не меньше одного столбца на странице.

В большинстве из них перечислены только факты, без подчеркивания отрицательной роли ига в русской истории. Это такие статьи как «Баскаки», «Ордынские выезды», «Ордынские набеги 13–15 в.», «Ордынский выход». Понятие «монголо-татары» все чаще заменяется на «ордынцы». Применяются более нейтральные формулировки: чиновники и представители монгольских ханов – про баскаков [2, с. 85], «военные операции войск ханов» про ордынские набеги [6, с. 375], налог, собиравшийся с русских земель в пользу Орды про ордынский выход [6, с. 376].

Взгляд на Золотую Орду схож с «ОИ». Автор статьи про это государство, В. В. Трепавлов, уделил большое внимание описанию внутренней жизни и культуры этого государства, перечислил имена ее важнейших поэтов и писателей. В культуре Орды присутствовали китайские и мусульманские элементы. Какое-либо русское влияние в данной сфере не упомянуто. Важную роль в Золотой Орде играли города, одни из них были восстановлены после разрушения, другие вновь возведены. Они не обносились стенами до конца XIV в., что свидетельствовало о безопасности жизни в стране. Если русские князья соблюдали лояльность ханам, то правила без вмешательства Орды, в противном случае их земли подвергали карательным походам [3, с. 529–531].

«Куликовская битва» является большой по объему статьей в «БРЭ». Обширный раздел в ней посвящен мемориальной памяти о самом сражении, рассказывает про его отражение в исторической памяти России. В «ОИ» для этого была отдельная статья – «Куликово поле». Это показывает возросший интерес в современной России к изучению мемориальной истории и мест памяти.

Описание битвы по существу близко к материалу из «ОИ». Вместе с тем в статье дан ряд новых положений. Уменьшена численность войск противоборствующих сторон: у Мамаю было не меньше 30 тыс. воинов, у Дмитрия Ивановича – 15–20 тыс. Битва началась с поединка Осляби с Челубеем, Пересвет указан в более поздних источниках. Мамай заключил с Олегом Рязанским союз, так как последний опасался усиления власти московского князя [4, с. 295–298]. В целом статья старается быть на уровне современного научного изучения Куликовской битвы, из-за этого являясь довольно полемичной, и не копирует устоявшиеся в историографии постулаты.

Монголо-татарское иго, по мнению автора одноименной статьи В. А. Кучкина, ярче всего проявилось в политической сфере. В советское же время главное внимание уделялось зависимости русских земель в экономическом плане. Ханы в своих интересах нарушали древнерусские юридические нормы при распределении княжений и их наследовании. Ордынский выход был тяжелым бременем для всех слоев населения. Из-за веротерпимости ордынцев сохранила свою роль православная церковь, что позволило ей сыграть важную роль в сохранении культуры Руси и способствовать борьбе с игом. Роль церкви в «БРЭ» рассматривается с положительной точки зрения. Иго имело негативные последствия для развития русских земель, привело к их экономическому упадку, переселению населения из степных районов в менее плодородные земли и нарушению внешних и внутренних связей Руси [5, с. 755–756].

Одним из последствий ига является возвышение новых княжеств Северо-Восточной Руси, сыгравших значительную роль в ее развитии. Нашествие Батюга негативно сказалось на социально-экономическом развитии Руси, но в то же время оно привело к интенсификации контактов с восточными странами в различных сферах [5, с. 756–758]. Это наглядные примеры положительного влияния ордынского ига и нашествия на русскую историю, что в отечественных энциклопедиях почти не встречается.

Рассмотренные нами энциклопедии являются репрезентативным источником для изучения изменений в российской исторической науке. Содержание подобных изданий оказывало важное влияние на общественное сознание широких читательских кругов и их исторические представления.

В дореволюционных энциклопедиях ордынскому владычеству уделялось мало внимания, в них этой теме не было посвящено даже отдельной статьи. Очевидно, их составители не видели в этом необходимости, считая данное событие или общеизвестным, или не повлиявшим на дальнейшую историю России. Рассматривалось влияние Золотой Орды на русскую жизнь, оно считалось незначительным из-за отсталого характера государства кочевников.

Выпуск советских энциклопедий целиком контролировался государством, поэтому они весьма чутко реагировали на изменения государственной идеологии и политики в области истории. В них можно проследить смены векторов направленности материала об ордынском иго в соответствии с менявшейся в СССР общественно-политической обстановкой. В 1-м издании «МСЭ», в «ЭСГ» и первых томах 1-го издания «БСЭ», вышедших в 20-е – нач. 30-х гг. XX в., господствовали взгляды школы М. Н. Покровского. Ордынское иго трактовалось как форма феодальной зависимости, распространенная в средние века по всей Европе и ничем не отличавшаяся от феодальных отношений в других странах. Золотая Орда представляла собой обычное средневековое государство, она не повлияла на развивавшиеся внутри Руси социально-экономические и политические процессы, но культурные контакты между двумя державами были весьма интенсивными.

К концу 1930-х гг. в энциклопедиях дается новый взгляд на ордынское владычество, который, будучи окончательно сформирован во 2-м издании «БСЭ», затем практически не менялся вплоть до конца существования СССР. Золотая Орда объявлялась искусственным, малоустойчивым государственным образованием, которое существовало исключительно за счет ограбления подвластных ей народов. Иго сыграло крайне отрицательную роль в русской истории, надолго замедлило развитие страны во всех сферах жизни, оторвало северную Русь от южной и прекратило их контакты с Европой. Первостепенная роль в борьбе с игом отводилась русскому народу, именно благодаря ей от нашествия кочевников была спасена Западная Европа. Простое население Руси всегда сражалось с захватчиками, тогда как его высшие слои, и светские, и духовные, стремились использовать покорность игу в своих классовых интересах. Очень важная роль начинает отводиться Куликовской битве.

С 1990-х гг. в отечественных энциклопедиях меняется взгляд на зависимость Руси от Орды. Золотая Орда описывается нейтрально, уделяется внимание ее культуре, контактам с другими странами Востока, которыми могла пользоваться и Русь. Система зависимости русских княжеств трактуется в сдержанных терминах. Роль православной церкви в период ордынского владычества дана исключительно в положительных тонах. Неизменным остается взгляд на негативные последствия ига для развития Руси, но от него одинаково страдало все население. Упор делается на зависимость князей от ханской власти в политическом плане. Начинают обозначаться

положительные моменты владычества Орды для Руси. Данная точка зрения сильно сближает энциклопедии последних десятилетий с изданиями 1920-х – нач. 1930-х гг.

В целом, если советские энциклопедии подчеркивали классовые и иные конфликты, возникавшие в годы ига Орды, то современные издания стараются эти конфликты сгладить. Интерес к данной проблематике на протяжении всего изучаемого периода растет, что показывает увеличение количества и объема посвященных русско-ордынским отношениям словарных статей в «БРЭ» относительно советских энциклопедий 50–80-х гг. XX в., а в последних – относительно изданий до 1917 г.

#### **Список сокращений**

**БРЭ** – Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. – М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.

**БСЭ** – Большая советская энциклопедия: в 66 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. 1-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1926–1947; Большая советская энциклопедия: в 51 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. – М.: Большая советская энциклопедия, 1949–1958; Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.

**МСЭ** – Малая советская энциклопедия: в 10 т. / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. 1-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1928–1931; Малая советская энциклопедия: в 11 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1933–1947.

**ОИ** – Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. В. Л. Янин. Т. 1–3. М.: Большая российская энциклопедия, 1994–2000.

**СИЭ** – Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: Советская энциклопедия, 1961–1976.

**ЭСБЕ** – Энциклопедический словарь: в 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1890–1907.

**ЭСГ** – Энциклопедический словарь Гранат: 7-е изд. – М., 1910–1948.

#### **Список использованных источников и литературы**

1. Богомазова О. В. Советские энциклопедии 1920–1960-х годов как источник историографических представлений // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 22 (351). – С. 161–166.

Bogomazova O. V. Sovetskie entsiklopedii 1920–1960-kh godov kak istochnik istoriograficheskikh predstavlenii // Vestnik ChelGU. – 2014. – № 22 (351). – S. 161–166.

2. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 3. «Банкетная компания» 1904 – Большой Иргиз. – М.: Большая российская энциклопедия, 2005. – 767 с.

Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya: v 30 t. / otv. red. S. L. Kravets. T. 3. «Banketnaya kompaniya» 1904 – Bol'shoi Irgiz. – М.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2005. – 767 s.

3. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 10. Железное дерево – Излучение. – М.: Большая российская энциклопедия, 2008. – 767 с.

Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya: v 30 t. / otv. red. S. L. Kravets. T. 10. Zheleznoe derevo – Izluchenie. – М.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2008. – 767 s.

4. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 16. Крещение Господне – Ласточковые. – М.: Большая российская энциклопедия, 2010. – 751 с.

Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya: v 30 t. / otv. red. S. L. Kravets. T. 16. Kreshchenie Gospodne – Lastochkovye. – М.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2010. – 751 s.

5. Большая российская энциклопедия: в 30 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 20. Меотская археологическая культура – Монголо-татарское нашествие. – М.: Большая российская энциклопедия, 2012. – 767 с.

Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya: v 30 t. / otv. red. S. L. Kravets. T. 20. Meotskaya arkhologicheskaya kul'tura – Mongolo-tatarskoe nashestvie. – M.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2012. – 767 s.

6. Большая российская энциклопедия: в 35 т. / отв. ред. С. Л. Кравец. Т. 24. Океанариум – Оясио. – М.: Большая российская энциклопедия, 2014. – 767 с.

Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya: v 35 t. / otv. red. S. L. Kravets. T. 24. Okeanarium – Oyasio. – M.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2014. – 767 s.

7. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т. 13. Конда – Кун. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 608 с.

Bol'shaya sovetetskaya entsiklopediya: v 30 t. / gl. red. A. M. Prokhorov. 3-e izd. T. 13. Konda – Kun. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1973. – 608 s.

8. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т. 16. Мезия – Моршанск. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – 615 с.

Bol'shaya sovetetskaya entsiklopediya: v 30 t. / gl. red. A. M. Prokhorov. 3-e izd. T. 16. Meziya – Morshansk. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1974. – 615 s.

9. Большая советская энциклопедия: в 51 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. Т. 17. Земля – Индейцы. – М.: Большая советская энциклопедия, 1952. – 632 с.

Bol'shaya sovetetskaya entsiklopediya: v 51 t. / gl. red. B. A. Vvedenskii. 2-e izd. T. 17. Zemlya – Indeitsy. – M.: Bol'shaya sovetetskaya entsiklopediya, 1952. – 632 s.

10. Большая советская энциклопедия: в 51 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. Т. 24. Кукуруза – Лесничество. – М.: Большая советская энциклопедия, 1953. – 618 с.

Bol'shaya sovetetskaya entsiklopediya: v 51 t. / gl. red. B. A. Vvedenskii. 2-e izd. T. 24. Kukuruza – Lesnichestvo. – M.: Bol'shaya sovetetskaya entsiklopediya, 1953. – 618 s.

11. Большая советская энциклопедия: в 51 т. / гл. ред. Б. А. Введенский. 2-е изд. Т. 28. Многоножки – Мятлик. – М.: Большая советская энциклопедия, 1954. – 660 с.

Bol'shaya sovetetskaya entsiklopediya: v 51 t. / gl. red. B. A. Vvedenskii. 2-e izd. T. 28. Mnogonozhki – Myatlik. – M.: Bol'shaya sovetetskaya entsiklopediya, 1954. – 660 s.

12. Большая советская энциклопедия: в 66 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. 1-е изд. Т. 27. Зерновые – Империализм. – М.: Советская энциклопедия, 1933. – 960 стб.

Bol'shaya sovetetskaya entsiklopediya: v 66 t. / gl. red. O. Yu. Shmidt. 1-e izd. T. 27. Zernovye – Imperializm. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1933. – 960 stb.

13. Большая советская энциклопедия: в 66 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. 1-е изд. Т. 40. Монада – Нага. – М.: Советская энциклопедия, 1938. – 784 стб.

Bol'shaya sovetetskaya entsiklopediya: v 66 t. / gl. red. O. Yu. Shmidt. 1-e izd. T. 40. Monada – Naga. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1938. – 784 stb.

14. Ефремова Е. Н. Прерванный полет: несостоявшиеся издания региональных советских энциклопедий 1920-1930-х гг. // Quaestio Rossica. – 2014. – № 2. – С. 151–166.

Efremova E. N. Prervannyi polet: nesostoyavshiesya izdaniya regional'nykh sovetskikh entsiklopedii 1920-1930-kh gg. // Quaestio Rossica. – 2014. – № 2. – S. 151–166.

15. Калимуллина Ф. Г., Шайдуллин Р. В., Мухаметшина Л. Т. История Золотой Орды на страницах Большой советской энциклопедии // Вестник Екатеринбургского института. – 2016. – № 3 (35). – С. 23–26.

Kalimullina F. G., Shaidullin R. V., Mukhametshina L. T. Istoriya Zolotoi Ordy na stranitsakh Bol'shoi sovetskoi entsiklopedii // Vestnik Ekaterininskogo instituta. – 2016. – № 3 (35). – S. 23–26.

16. Киселев М. Ю. «Советская историческая энциклопедия»: к истории издания // Вопросы энциклопедистики. – 2019. – № 1. – С. 11–17.

Kiselyov M. Yu. «Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya»: k istorii izdaniya // Voprosy entsiklopedistiki. – 2019. – № 1. – S. 11–17.

17. Коутс М. Исторические взгляды на энциклопедистику: история создания Большой Советской Энциклопедии // Современная российская региональная энциклопедистика: место и роль в обществе, перспективы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа, 2019. – С. 19–24.

- Kouts M. Istoricheskie vzglyady na entsiklopedistiku: istoriya sozdaniya Bol'shoi Sovetskoi Entsiklopedii // *Sovremennaya rossiiskaya regional'naya entsiklopedistika: mesto i rol' v obshchestve, perspektivy razvitiya: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem.* – Ufa, 2019. – S. 19–24.
18. Маланый М. О. Крымоведение на страницах первого издания «Военного энциклопедического лексикона» // *Региональная энциклопедистика в контексте современных инновационных вызовов: сб. матер. Международного научного форума.* – Казань, 2024. – С. 100–108.
- Malaniy M. O. Krymovedenie na stranitsakh pervogo izdaniya «Voennogo entsiklopedicheskogo leksikona» // *Regional'naya entsiklopedistika v kontekste sovremennykh innovatsionnykh vyzovov: sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma.* – Kazan', 2024. – S. 100–108.
19. Маланый М. О. Энциклопедист Л. И. Зедделер: новые документы к биографии // *StudArctic Forum.* – 2024. – № 1. – С. 25–33.
- Malaniy M. O. Entsiklopedist L. I. Zeddeler: novye dokumenty k biografii // *StudArctic Forum.* – 2024. – № 1. – S. 25–33.
20. Малая советская энциклопедия: в 10 т. / гл. ред. Н. Л. Мещеряков. 1-е изд. Т. 8. Скульптура – Тугарин. – М.: Советская энциклопедия, 1930. – 990 стб.
- Malaya sovetskaya entsiklopediya: v 10 t. / gl. red. N. L. Meshcheryakov. 1-e izd. T. 8. Skul'ptura – Tugarin. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1930. – 990 stb.
21. Малая советская энциклопедия: в 11 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. 2-е изд. Т. 10. СССР – Ульяновск. – М.: Советская энциклопедия, 1940. – 1056 стб.
- Malaya sovetskaya entsiklopediya: v 11 t. / gl. red. O. Yu. Shmidt. 2-e izd. T. 10. SSSR – Ul'yanovsk. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1940. – 1056 stb.
22. Наумов П. Об отношениях российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. – СПб., 1823. – 83 с.
- Naumov P. Ob otnosheniyakh rossiiskikh knyazei k mongol'skim i tatarskim khanam ot 1224 po 1480 god. – SPb., 1823. – 83 s.
23. Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. В. Л. Янин. Т. 2. Д – К. – М.: Большая российская энциклопедия, 1996. – 655 с.
- Otechestvennaya istoriya: Istoriya Rossii s drevneishikh времен do 1917 goda: Entsiklopediya: v 5 t. / gl. red. V. L. Yanin. T. 2. D – K. – M.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 1996. – 655 s.
24. Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. В. Л. Янин. Т. 3. К – М. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – 623 с.
- Otechestvennaya istoriya: Istoriya Rossii s drevneishikh времен do 1917 goda: Entsiklopediya: v 5 t. / gl. red. V. L. Yanin. T. 3. K – M. – M.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2000. – 623 s.
25. Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным. Отдел 2. Т. 2. Ж – З – И – К. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1877. – 680 с.
- Russkii entsiklopedicheskii slovar', izdavaemyi professorom S.-Peterburgskago universiteta I. N. Berezinyim. Otdel 2. T. 2. Zh – Z – I – K. – SPb.: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1877. – 680 s.
26. Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным. Отдел 3. Т. 2. М – Н. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1875. – 671 с.
- Russkii entsiklopedicheskii slovar', izdavaemyi professorom S.-Peterburgskago universiteta I. N. Berezinyim. Otdel 3. T. 2. M – N. – SPb.: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1875. – 671 s.
27. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 1. Аалтонен – Аяны. – М.: Советская энциклопедия, 1961. – 1024 стб.
- Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya: v 16 t. / gl. red. E. M. Zhukov. T. 1. Aaltonen – Ayany. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1961. – 1024 stb.
28. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 5. Двинск – Индонезия. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – 960 стб.

- Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya: v 16 t. / gl. red. E. M. Zhukov. T. 5. Dvinsk – Indoneziya. – М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1964. – 960 stb.
29. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 8. Кошала – Мальта. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 992 стб.
- Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya: v 16 t. / gl. red. E. M. Zhukov. T. 8. Koshala – Mal'ta. – М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1965. – 992 stb.
30. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. Т. 9. Мальта – Нахимов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 1000 стб.
- Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya: v 16 t. / gl. red. E. M. Zhukov. T. 9. Mal'ta – Nakhimov. – М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. – 1000 stb.
31. Чернышев А. А. «Страна энциклопедий»: становление советской энциклопедической системы (исторический анализ) // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 501. – С. 139–146.
- Chernyshev A. A. «Strana entsiklopedii»: stanovlenie sovetskoï entsiklopedicheskoi sistemy (istoricheskii analiz) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2024. – № 501. – S. 139–146.
32. Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 3. Банки – Бергер. – СПб: Семеновская Типо-Литография, 1891. – 480 с.
- Entsiklopedicheskii slovar': v 86 t. / izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. T. 3. Banki – Berger. – SPb: Semenovskaya Tipo-Litografiya, 1891. – 480 s.
33. Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 12А. Земпер – Имидокислоты. – СПб: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1894. – 480 с.
- Entsiklopedicheskii slovar': v 86 t. / izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. T. 12A. Zemper – Imidokisloty. – SPb: Tipo-Litografiya I. A. Efrona, 1894. – 480 s.
34. Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 16А. Коялович – Кулон. – СПб: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1895. – 480 с.
- Entsiklopedicheskii slovar': v 86 t. / izd. F. A. Brokgauz, I. A. Efron. T. 16A. Koyalovich – Kulon. – SPb: Tipo-Litografiya I. A. Efrona, 1895. – 480 s.
35. Энциклопедический словарь Гранат: 7-е изд. Т. 18. Дарвин – Дорохов. М.: Изд. тов. А. Гранат и К°, 1913. – 640 стб.
- Entsiklopedicheskii slovar' Granat: 7-e izd. T. 18. Darwin – Dorokhov. М.: Izd. tov. A. Granat i K°, 1913. – 640 stb.
36. Энциклопедический словарь Гранат: 7-е изд. Т. 41. Ч. 7. Тамплиеры – Тецель. М.: Русский библиографический институт Гранат, 1927. – 704 стб.
- Entsiklopedicheskii slovar' Granat: 7-e izd. T. 41. Ch. 7. Tampliery – Tetsel'. М.: Russkii bibliograficheskii institut Granat, 1927. – 704 stb.

**Smirnov A. V. Russian encyclopedias of the XIX – beginning of the XXI centuries as a source of formation of the image of the horde rule in the mass historical consciousness**

The article analyzes the content of Russian encyclopedias related to the topic of the Golden Horde rule. Encyclopedias influence, first of all, the historical ideas of the mass consciousness. They make it possible to trace the change in views on Russian-Horde relations in Russian historical science over time. Several stages of coverage of the problem of the Golden Horde rule are distinguished: the second half of the 19th – early 20th centuries, the 1920s – 1980s, and the post-Soviet period. It is shown how in each of the identified periods the historical narrative associated with the understanding and description of the relationship between Rus' and the Steppe is formed and changed under the influence of certain factors of state policy. Throughout the period under study, interest in the topic of the Golden Horde rule has been steadily growing.

Keywords: history of Russia, encyclopedia, encyclopedic article, images of history, Horde rule, mass consciousness, narrative.

УДК 94 (929.731) (470)Крым

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-1-126-134

## НИКОЛАЙ I И АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА В ОРЕАНДЕ: ВЫМЫСЛЫ И ФАКТЫ

*Твердохлебов Н. И.*

*независимый исследователь  
г. Симферополь, Российская Федерация  
E-mail: nick-aquarius@mail.ru*

В последнее время в краеведческой литературе появились противоречивые сведения о посещении Ореанды Николаем I и императрицей Александрой Федоровной. Как известно, император подарил это имение своей супруге во время посещения Крыма осенью 1837 г. В некоторых публикациях подробно описывается отдых императорской четы в новом ореандском дворце осенью 1852 г. Однако согласно документальным данным царская семья в том году дворец не посещала, поскольку его обустройство было закончено только весной 1853 г. Николай I в октябре 1852 г. побывал с кратким визитом в Севастополе с целью инспекции Черноморского флота, но в Ореанду он не заезжал, как и во время предыдущей подобной поездки в 1845 г. В дальнейшем поездке в Крым воспрепятствовала Крымская война, а в 1855 г. скончался император Николай Павлович. Дворец в Ореанде, пострадавший от бури в ноябре 1854 г., был восстановлен в короткие сроки и осенью 1856 г. был готов принять свою хозяйку. Однако вдовствующая императрица, несмотря на желание посетить Ореанду, каждый год ездила поправлять здоровье на европейские курорты. Во-первых, против поездки в Крым выступали придворные врачи, для которых Крым был терра инкогнита. Во-вторых, поездки Александры Федоровны в Европу имели важное значение в рамках династической дипломатии и помогали России преодолеть внешнеполитическую изоляцию после Крымской войны.

**Ключевые слова:** Николай I, императрица Александра Федоровна, дворец в Ореанде.

История императорского имения Ореанда достаточно подробно исследована, вместе с тем получили распространение недостоверные данные о пребывании в нем Николая I и императрицы Александры Федоровны.

Ореанду во время своей поездки по Крыму осенью 1825 г. решил приобрести Александр I, после смерти которого сделку завершил Николай I. Осенью 1837 г. император с семьей совершил путешествие по Крыму. Во время посещения Ореанды 17 сентября 1837 г. Николай Павлович подарил имение супруге императрице Александре Федоровне [1, с. 45].

Для отдыха императорской четы было решено построить в Ореанде дворец. В популярной книге «Романовы и Крым» это обосновано следующим образом: «Часто и подолгу болея, императрица ездила для поправки здоровья за границу, в основном в Палермо на Сицилию. И когда царская чета убедилась в том, что климат Южного бережья, его природа ничуть не уступают прославленным европейским курортам Средиземноморья, с постройкой дворца в Крыму для летнего отдыха и лечения Александры Федоровны решили не медлить» [2, с. 17]. Действительно, императрица, урожденная Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская,

после замужества неоднократно ездила в Германию, где не только лечилась, но и общалась с родственниками. Первый, и единственный, раз Александра Федоровна в сопровождении мужа отправилась в Палермо через восемь лет после посещения Крыма – в 1845 г.

Таким образом, в 1837 г. императорской чете просто не с чем было сравнивать южнобережный климат и природу. Александра Федоровна вообще первый раз оказалась на юге, о котором грезилась с юных лет. Адольф Гримм, первый биограф императрицы пишет: «В первый раз еще она переселилась на желанный юг, к которому с ранней молодости стремилось ее воображение, настроенное на лад поэзии постоянными избранными чтениями, столько же как и врожденным влечением, и всегда, до сих пор, получавшее слишком скудное удовлетворение в виде красивых, но монотонных окрестностей Берлина и Петербурга» [3, с. 512].

Смерть младшей дочери Александры в июле 1844 г. привела к ухудшению самочувствия Александры Федоровны: «Доктора...непрерывно требовали, чтобы государыня пробыла за границей целый год, император уступил убеждениям докторов, сообразив, что столь долгое пребывание в Крыму неудобно по ужасному состоянию дорог, неимению там царской резиденции и отсутствию всех почти условий цивилизованной жизни» [4, с. 116–117].

Великая княгиня Ольга Николаевна в своих воспоминаниях за 1845 г. приводит еще одну причину несогласия Николая I с поездкой жены в Крым: «Здоровье Мама становилось все хуже. Оно...сделало необходимым консилиум врачей. Они все требовали скорого отъезда на юг... Предложили Крым, но Папа отверг это ввиду того, что там бушевала малярия» [5, с. 308].

Для зимнего пребывания избрали Палермо, и императрица выехала из Петербурга в Берлин в середине августа 1845 года. Вслед за ней 21 августа Николай I уехал из Петербурга на юг России для осмотра войск и Черноморского флота. Побывав 11 сентября в Севастополе, где его встречал приехавший из Тифлиса наместник на Кавказе и генерал-губернатор Новороссии М. С. Воронцов, император через Харьков, Краков и Инсбрук настиг императрицу 5 октября в Милане, и уже вместе они поехали на Сицилию [6, с. 397–398]. Визит императора в Италию имел и важное политическое значение. В декабре 1845 г. Николай I, будучи в Риме проездом в Россию, посетил Ватикан и встретился с папой Григорием XVI. Это положило начало переговорам, в результате которых в 1847 г. был заключен Конкордат. Императрица провела в Палермо всю зиму и вернулась в Петербург «в начале лета 1846 года, обновленная в силах» [6, с. 409].

Единственной целью поездки Николая I в сентябре 1845 г. в Крым был очередной смотр Черноморского флота, которые «производились государем раз в семь лет и обыкновенно соединялись с осмотром кавалерии, сосредоточенной на юге России. Таким образом, смотры были в 1837, в 1845 годах и последующий смотр приходился в 1852 году» [7, с. 372]. Утверждения, что Николай I в 1845 г. посещал Ореанду [8, с. 114] явно не соответствуют действительности. Также нами не обнаружено никаких сведений о пребывании в Ореанде и вообще в Крыму Николая I в 1842 и 1847 годах, о чем упоминает Т. И. Кулакова [8, с. 114].

Строительство дворца для императорской четы продолжалось с перерывами десять лет [9, с. 159–170]. Вот как описывают события осени 1852 г. авторы книги «Романовы и Крым»: «...Работы по достройке дворца, оформлению его интерьеров и возведению служебных зданий заметно ускорились и, наконец, осенью 1852 года к Высочайшему приезду в Крым полностью завершились» [2, с. 20]. «Вид дворца в окружении экзотической растительности парка восхитил прибывшую в Ореанду царскую семью. После его освящения все строители были достойно вознаграждены. На этот раз отдых продолжался более полутора месяцев» [2, с. 20–21].

Н. Калинин и М. Земляниченко сообщают много деталей пребывания императорской семьи в своем имении: «Простой образ жизни царской семьи в Ореанде, прогулки по окрестностям и парку, купание в море, охота в горном лесу изредка прерывались визитами в Воронцовский дворец, посещениями Ялты, Ливадии. Своей церкви в имении не было, поэтому в православные праздники Рождества Богородицы, Воздвижения Честного Креста и в Покров день ездили в Иоанно-Златоустовский собор в Ялту. Наносили визиты царю тогда еще немногочисленные дворяне Ялты, депутации местных жителей – греков, татар, караимов. Частым гостем императорской четы был таврический губернатор граф А. В. Адлерберг» [2, с. 23].

Казалось бы, такие подробности не должны вызывать сомнений в подлинности описываемых событий, ностораживает упоминание А. В. Адлерберга. Таврическим губернатором с 22 января 1845 г. по 11 ноября 1854 г. был Владимир Иванович Пестель, а Николай Владимирович Адлерберг (брат упомянутого Александра Владимировича) его сменил и состоял в этой должности до 25 мая 1856 г. [10, с. 285].

Не менее живописное описание пребывания Николая I и Александры Федоровны в Ореанде осенью 1852 г. даёт Е. М. Литвинова в неоднократно издававшейся книге «Царская семья в Крыму»: «Почти два месяца Николай Павлович и Александра Фёдоровна провели в Крыму. Жили спокойно и просто. Императрица с мужем и детьми часто гуляла в парке, путешествовала по чудным окрестностям, иногда купалась в море, охотилась – сегодня трудно поверить, что в те годы в Крыму водились волки, немало досаждавшие управляющим имением набегами на ореандский зверинец. Но главное, Александра Фёдоровна наслаждалась обществом мужа» [11, с. 81].

Автор популярной книги «Русская Ривьера» А. В. Мальгин сначала ссылается на «Романовы и Крым»: владельцы Ореанды «смогли воспользоваться новой постройкой лишь однажды» [12, с. 60], а затем пишет, что «императорской семье не пришлось пожить в нем. Николай побывал в имении лишь раз накануне Крымской войны. По возвращении он подарил его своей жене Александре Федоровне...» [12, с. 198]. Ореанда, как указывалось выше, была подарена императрице еще в сентябре 1837 г. А. П. Пальчикова очень неопределенно замечает: «Царская семья нечасто посещала Ореанду» [9, с. 171]. О приезде осенью 1852 г. и полуторамесячном отдыхе пишет Г. Г. Филатова [13, с. 27].

Не вносят ясности по поводу посещений Ореанды Николаем Павловичем и Александрой Федоровной и научные работы. В фундаментальном двухтомном труде «История Крыма» отмечено, что Александра Федоровна часто принимала в Ореанде гостей [14, с. 342]. Подробно рассмотрена дореволюционная история Ореанды в статье Т. И. Кулаковой «Имение «Нижняя Ореанда» в истории дома Романовых и биографиях деятелей русской культуры», опубликованная в научном журнале Севастопольского филиала МГУ «Причерноморье. История, политика, культура». Следует отметить, что при Романовых имение так не называлось. «Нижней Ореандой» был назван элитный санаторий, построенный в советское время. Автор статьи пишет: «Александра Фёдоровна очень любила проводить летнее время в своей южнобережной «Александрии». К тому же, целебный воздух здешнего климата значительно способствовал улучшению общего состояния её здоровья» [8, с. 115]. Похоже, Ореанду перепутали с любимым имением императрицы в Петергофе на южном берегу Финского залива. Никаких ссылок на источники при этом не приводится, как и во всех вышеперечисленных публикациях.

Архивные документы и свидетельства очевидцев позволяют точно выяснить вопрос о пребывании Николая I и Александры Федоровны в Ореанде в 1850-е годы. В апреле 1852 г. императорская чета через Варшаву отправилась в Германию. После посещения родственников Александра Федоровна в июне поправляла здоровье на водах в Шлангенбадене, где она бывала и раньше [15, с. 210, 215]. Это было первое путешествие императрицы за границу после поездки в Италию в 1845–46 гг. [16, с. 247].

Возвратилась царская семья в Петергоф 5 июля 1852 г. [15, с. 220–221]. Александра Федоровна провела лето в «Александрии» в Петергофе и в Елагинном дворце в Петербурге, а 7 сентября «изволила переехать с Елагина острова в Царское Село» [15, с. 254]. Николай Павлович участвовал в традиционных летних маневрах, а 2 сентября «изволил уехать с Елагина острова в вояж: в Гомель, Чугуев, Харьков, Полтаву, Елисаветград, Вознесенск, Николаев, Севастополь и Киев» [15, с. 253].

Ореанду спешно готовили на случай приезда императора. 3 октября 1852 г. главный смотритель имения титулярный советник Козьмин писал в рапорте в императорскую петербургскую контору: «По приезду Государя императора 1го сего октября в г. Севастополь, о чем заблаговременно было уже известно по всему южному берегу, и, на случай высочайшего посещения Ореанды, приняты были самые деятельные меры относительно отличной чистоты и порядка по дворцу, саду и вообще по имению к принятию Его Величества... По распоряжению Высшего начальства Южного края назначен был в Ореанду почетный парад из 35 человек нижних чинов греческого Балаклавского батальона под командою одного капитана и двух обер-офицеров... Но государь Император из Севастополя изволил отправиться утром 2го числа обратно в Николаев и Ореанду не осчастливил Своим присутствием» [17, л. 1–1 об].

Причин почему Николай Павлович не посетил построенный дворец может быть несколько. Во-первых, целью его поездки был смотр войск и Черноморского флота, программа которого заблаговременно была расписана буквально по дням. К тому же

сопровождали императора высокие иностранные гости: «В свите его величества находились эрцгерцог австрийский Максимилиан..., принц Фридрих прусский...» [7, с. 373].

Во-вторых, и сам дворец не был окончательно готов к приему хозяев. Высочайше учрежденная комиссия по построению дворцовых зданий в Ореандском имении под председательством предводителя Таврического губернского дворянства Вильгельма Олива на заседании 10 августа 1852 г. констатировала: «По случаю окончания работ по возведению дворцовых зданий, по обмеллировке дворцовых комнат, а также по перестройке экономического двора с принадлежностями... из ассигнованных на сии работы сумм платежи произведены и расчеты окончены» [18, л. 31]. Однако, вскоре выяснилось, что и во дворце, и в других постройках не все работы были выполнены должным образом [18, л. 62–65, 71]. Комиссия 24 октября 1852 г. постановила, что «подрядчик Полуэктов имеет произвести окончательные поправки и поделки» [18, л. 63]. Только 3 марта 1853 г. было зафиксировано окончание «всех в Ореанде назначенных построек, устройства сада и дорог...» [18, л. 77], а 22 марта комиссия провела последнее заседание поскольку император по случаю совершенного окончания дворцовых построек в имении «повелеть соизволили закрыть ореандскую строительную комиссию» [18, л. 79].

Александра Федоровна, видимо, не очень доверяя официальным отчетам, поручила статс-даме Татьяне Борисовне Потемкиной, которая находилась в сентябре 1852 г. в своем имении Артек, «осмотреть дворец Ореанду и написать Её Величеству в каком виде она найдет оный. Г-жа Потемкина сообщила Её Величеству, что дворец этот во всех отношениях устроен в лучшем виде, по её мнению, недостает там 2х предметов: во 1х церкви, которую как она полагает легко было поставить на балконе и во 2х ледника» [18, л. 67].

Таким образом, ни Николай I, ни Александра Федоровна в 1852 г. в Ореанде не были. Совместный приезд, по-видимому, планировался осенью 1853 г., но этому помешала Крымская война. В войну Ореанда пострадала не от неприятельских войск, а от стихийного бедствия. Знаменитая буря 2 ноября 1854 года, которая погубила значительное число кораблей неприятельского флота, между прочими повреждениями, сорвала со всей южной стороны дворца железную крышу [19, л. 17–18]. Дворец был восстановлен в короткие сроки и, как следует из рапорта в петербургскую императорскую контору от 1 августа 1856 г., был готов принять свою хозяйку вдовствующую императрицу [20, л. 22–23]. Возникает вопрос почему же она не поехала в Ореанду.

В мае 1856 г. Александра Федоровна отправилась для поправки здоровья на родину в Германию «на воды для восстановления сил, в виду предстоящей коронации, на которой она хотела непременно присутствовать» [21, с. 52]. Это был первый визит за границу члена императорской семьи после поражения России в Крымской войне, и он имел важное значение в рамках династической дипломатии. Сопровождавшая Александрю Федоровну фрейлина Мария Петровна Фредерикс пишет: «В Кенигсберге на встречу своей августейшей сестры приехал король прусский Фридрих-Вильгельм IV, и туда же собрались все короли, королевы,

владельцы герцоги, принцы и принцессы всей Германии приветствовать вдову великого Николая, обаяние которого еще царствовало над всеми» [21, с. 52].

Дипломатические задачи этой поездки подчеркивает и тот факт, что императрица не торопилась на воды и провела шесть недель в Потсдаме во дворце «Сан-Суси», чтобы присутствовать при встрече сына со своим братом: «В это время прибыл в Берлин наш новый царь Александр II, чтобы повидаться с королем прусским, а, главное, со своей матерью» [21, с. 54]. Встреча с Фридрихом-Вильгельмом IV позволила императору скрепить «двойственный союз», прорвав таким образом внешнеполитическую блокаду России. Не менее важной задачей визита вдовствующей императрицы в Германию был выбор невесты для младшего сына – великого князя Михаила Николаевича, который сопровождал мать. 29 июня 1856 г. в Вильбаде состоялась помолвка Михаила Николаевича с принцессой Цецилией Августой Баденской.

После коронационных торжеств в сентябре 1856 г. Александра Федоровна прямо из Москвы отправилась опять в Европу: «Доктора требовали решительно, чтобы после всех утомлений и потрясений императрица Александра Федоровна провела зиму в Ницце, опасаясь тоже для ее шаткого здоровья за петербургский климат и морозы, которые ее величество не могла больше переносить без опасности для жизни» [21, с. 58].

Выбор Ниццы опять был во многом обусловлен внешнеполитическими целями налаживания отношений с бывшими противниками – Сардинией и Францией. Король Сардинского королевства Виктор Эммануил II, который искал поддержки России в противостоянии с Австрией, устроил пышный прием Александре Федоровне. В Генуе она с необычайной торжественностью была встречена королем, «который выказывал всевозможную любезность и восторг высокой вдове того, против которого два года назад он так жестоко сражался» [21, с. 65].

После пасхи в конце апреля 1857 г. Александра Федоровна поехала в Рим, где ей не удалось побывать на обратном пути из Палермо в 1846 г. Она посетила папу Пия IX и принимала его у себя, что потребовало согласования особых церемоний «ради затруднительности этикетных сношений государей, тем более иноверных, с папским двором; поэтому посещение его императором Николаем Павловичем, и двенадцать лет спустя его вдовой, поистине можно было назвать мировыми событиями» [16, с. 252]. Из Италии Александра Федоровна через Германию вернулась в Петербург к свадьбе сына Михаила Николаевича, которая состоялась 16 августа 1857 г. [22, с. 398–400].

Осенью 1857 г. Ореанду посетил великий князь Николай Николаевич. За три дня пребывания в имении с 12 по 15 октября он ознакомился с состоянием дворца, сада и виноградников и дал ряд указаний по исправлению недостатков [23, л. 3]. Речь шла о подготовке к «Высочайшему присутствию»: «Все предназначенные работы Его Высочество желает, дабы начать ныне же и окончить непременно к весне будущего 1858 года» [24, л. 37].

Однако и в 1858 г. поездка в Ореанду не состоялась из-за позиции придворных врачей: «Императрица Александра Федоровна очень желала

поехать на южный берег Крыма, в её имение «Ореанду», где дворец, строившийся мало-по-малу годами, во избежание больших расходов, наконец был окончательно готов и устроен. Но доктора не пускали императрицу в Крым, под впечатлением мнимой крымской лихорадки, от которой скончался будто бы император Александр I» [22, с. 400]. Лейб-медиками были немецкие врачи и русские, получившие образование в Германии. Для них Крым был *terra incognita*, и они не хотели рисковать здоровьем Александры Федоровны и своей репутацией. Вместо императрицы на отдых приехали ее младшие сыновья: в конце августа 1858 г. в Ореанду прибыли Николай Николаевич с супругой Александрой Петровной и сыном и Михаил Николаевич с супругой Ольгой Федоровной [25, с. 214].

В июне 1859 г. вдовствующая императрица отправилась в Германию и Швейцарию на воды, а зиму по настоянию врачей опять провела в Ницце. В июне 1860 г. Александра Федоровна возвратилась в Петергоф в свою «Александррию», где она так любила проводить лето: «Ее величество жила совсем спокойно в кругу своего семейства, очень довольная, что возвратилась благополучно домой, и говорила, что теперь положительно ее уже никакая сила не заставит путешествовать, разве только она поедет на южный берег Крыма, в Ореанду, но больше ни за что никуда, чтобы оставаться в России» [22, с. 407]. Этим планам не суждено было сбыться поскольку Александра Федоровна скончалась 20 октября 1860 г. в Царском Селе.

Подводя итоги, необходимо еще раз подчеркнуть, что ни Николай Павлович, ни Александра Федоровна после путешествия осенью 1837 г. в Ореанде и вообще на южном берегу Крыма не были. Николай I посещал Севастополь в 1845 и 1852 гг. с краткими однодневными визитами исключительно с целью инспекции Черноморского флота. Описание поездок Николая I в Севастополь и заграничных путешествий его супруги нами предпринято для того, чтобы объяснить почему они так и не посетили свой великолепный дворец в Ореанде.

#### Список использованных источников и литературы

1. Сафонов С. Описание пребывания Императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года. – Одесса: В городской типографии, 1840. – 82 с.  
Safonov S. Opisanie prebyvaniya Imperatorskoi familii v Krymu v sentyabre 1837 goda. – Odessa: V gorodskoi tipografii, 1840. – 82 s.
2. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». – Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. – 320 с., илл.  
Kalinin N., Zemlyanichenko M. Romanovy i Krym. «U vseh nas ostalas' toska po Krymu...». – Simferopol': Biznes-Inform, 2002. – 320 s., ill.
3. Гримм А. Т. Императрица Александра Федоровна: Статья третья // Отечественные записки. – 1866. – Т. 168. – Август. – С. 499–520.  
Grimm A. T. Imperatritsa Aleksandra Fedorovna: Stat'ya tret'ya // Otechestvennye zapiski. – 1866. – T. 168. – Avgust. – S. 499–520.
4. Гримм А. Т. Императрица Александра Федоровна: Статья четвертая // Отечественные записки. – 1866. – Т. 168. – Сентябрь. – С. 101–122.  
Grimm A. T. Imperatritsa Aleksandra Fedorovna: Stat'ya chetvertaya // Otechestvennye zapiski. – 1866. – T. 168. – Sentyabr'. – S. 101–122.
5. Николай I. Муж. Отец. Император. – М.: Слово, 2000. – 616 с.

- Nikolai I. Muzh. Otets. Imperator. – М.: Slovo, 2000. – 616 с.
6. Корф М. А. Записки. – Москва; Берлин: Директ–Медиа, 2019. – 813 с.  
Korf M. A. Zapiski. – Moskva; Berlin: Direkt–Media, 2019. – 813 s.
7. Зайончковский А. Последний смотр императором Николаем Павловичем Черноморского флота в 1852 году: Из рассказа очевидца // Николай Первый и его время: Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. – Т. 2 / Сост., вступ. ст., коммент. Б. Н. Тарасова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – С. 371–375.  
Zaionchkovskii A. Poslednii smotr imperatorom Nikolaem Pavlovichem Chernomorskogo flota v 1852 godu: Iz rasskaza ochevidtsa // Nikolai Pervyi i ego vremya: Dokumenty, pis'ma, dnevniki, memuary, svidetel'stva sovremennikov i trudy istorikov. – Т. 2 / Sost., vstup. st., komment. B. N. Tarasova. – М.: OLMA-PRESS, 2000. – С. 371–375.
8. Кулакова Т.И. Имение «Нижняя Ореанда» в истории дома Романовых и биографиях деятелей русской культуры // Причерноморье. История, политика, культура. – 2012. – Вып. IX(IV). Серия Б. – С. 113–122.  
Kulakova T.I. Imenie «Nizhnyaya Oreanda» v istorii doma Romanovykh i biografiyakh deyatelei russkoi kul'tury // Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura. – 2012. – Выр. IX(IV). Seriya B. – С. 113–122.
9. Лозбенъ Н., Пальчикова А. Ливадия. Ореанда: Очерк-путеводитель. – Симферополь: СОНАТ, 2007. – 192 с.  
Lozben' N., Pal'chikova A. Livadiya. Oreanda: Ocherk-putevoditel'. – Simferopol': SONAT, 2007. – 192 s.
10. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 / Под общ. ред. Б. В. Грызлова, гл. ред. Н. Ф. Самохвалов. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. – 535 с.  
Gubernii Rossiiskoi imperii. Istoriya i rukovoditeli. 1708–1917 / Pod obshch. red. B. V. Gryzlova, gl. red. N. F. Samokhvalov. – М.: Ob"edinennaya redaktsiya MVD Rossii, 2003. – 535 s.
11. Литвинова Е. М. Царская семья в Крыму. – Симферополь: Рубин Плюс, 2011. – 480 с., илл.  
Litvinova E. M. Tsarskaya sem'ya v Krymu. – Simferopol': Rubin Plyus, 2011. – 480 s., ill.
12. Мальгин А. В. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX вв. – Симферополь: СОНАТ, 2004. – 352 с.  
Mal'gin A. V. Russkaya Riv'era. Kurorty, turizm i otdykh v Krymu v epokhu Imperii. Konets XVIII – nachalo KhKh vv. – Simferopol': SONAT, 2004. – 352 s.
13. Филатова Г. Г. Дворец и храм в Нижней Ореанде. – Симферополь: Н. Орианда, 2010. – 96 с.  
Filatova G. G. Dvoret i khram v Nizhnei Oreande. – Simferopol': N. Orianda, 2010. – 96 s.
14. История Крыма: в 2-х т. / Ин-т российской истории РАН; под ред. А. В. Юрасова. – [2-е изд.]. – Москва: Кучково поле, 2018. – Т. 2. – 792 с.  
Istoriya Kryma: v 2-kh t. / In-t rossiiskoi istorii RAN; pod red. A. V. Yurasova. – [2-e izd.]. – Moskva: Kuchkovo pole, 2018. – Т. 2. – 792 s.
15. Дубельт Л. В. Дневник 1851 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1995. – С. 142–304.  
Dubel't L. V. Dnevnik 1851 g. // Rossiiskii Arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh. – М.: Studiya TRITE; Ros. Arkhiv, 1995. – С. 142–304.
16. Гримм А. Т. Императрица Александра Федоровна: Статья пятая и последняя // Отечественные записки. – 1866. – Т. 168. – Сентябрь. – С. 235–256.  
Grimm A. T. Imperatritsa Aleksandra Fedorovna: Stat'ya pyataya i poslednyaya // Otechestvennye zapiski. – 1866. – Т. 168. – Sentyabr'. – С. 235–256.
17. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК), ф. 248, оп. 1, д. 148.  
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (dalee – GARK), f. 248, op. 1, d. 148.
18. ГАРК, ф. 248, оп. 1, д. 121.  
GARK, f. 248, op. 1, d. 121.
19. ГАРК, ф. 248, оп. 1, д. 175.  
GARK, f. 248, op. 1, d. 175.
20. ГАРК, ф. 248, оп. 1, д. 178.  
GARK, f. 248, op. 1, d. 178.
21. Фредерикс М. П. Из воспоминаний // Исторический вестник. – 1898. – Т. 72. – № 4. – С. 49–79.

- Frederiks M. P. Iz vospominanii // Istoricheskii vestnik. – 1898. – Т. 72. – № 4. – С. 49–79.  
22. Фредерикс М. П. Из воспоминаний // Исторический вестник. – 1898. – Т. 72. – № 5. – С. 396–413.  
Frederiks M. P. Iz vospominanii // Istoricheskii vestnik. – 1898. – Т. 72. – № 5. – С. 396–413.  
23. ГАРК, ф. 248, оп. 1, д. 223.  
GARK, f. 248, op. 1, d. 223.  
24. ГАРК, ф. 248, оп. 1, д. 213.  
GARK, f. 248, op. 1, d. 213.  
25. Струков Д. Н. Августейший генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич: Очерк жизнеописания его имп. высочества: В 2 ч. / Сост. Д. Н. Струков. – Санкт-Петербург: тип. П. П. Сойкина, 1906. – XXII, 769 с.  
Strukov D. N. Avgusteishii general-fel'dtseikhmeister velikii knyaz' Mikhail Nikolaevich: Ocherk zhizneopisaniya ego imp. vysochestva: V 2 ch. / Sost. D. N. Strukov. – Sankt-Peterburg: tip. P.P. Soikina, 1906. – XXII, 769 s.

**Tverdokhlebov, N. I. Nicholas I and Alexandra Feodorovna in Oreanda: fictions and facts**

Recently, contradictory information about the visit of Oreanda by Nicholas I and Empress Alexandra Feodorovna has appeared in local history literature. As is known, the emperor presented this estate to his wife during a visit to the Crimea in the autumn of 1837. Some publications describe in detail the rest of the imperial couple in the new Oreanda palace in the autumn of 1852. However, according to documentary data, the royal family did not visit the palace that year, since its arrangement was completed only in the spring of 1853. In October 1852, Nicholas I made a short visit to Sevastopol to inspect the Black Sea Fleet, but he did not call in Oreanda, as he did during a previous similar trip in 1845. Further travel to the Crimea was prevented by the Crimean War, and in 1855 Emperor Nikolai Pavlovich died. The palace in Oreanda, which was damaged by a storm in November 1854, was restored in a short time and in the autumn of 1856 was ready to receive its mistress. However, the Empress Dowager, despite her desire to visit Oreanda, every year went to improve her health at European resorts. Firstly, the court doctors opposed the trip to the Crimea, for whom the Crimea was terra incognita. Secondly, Alexandra Feodorovna's trips to Europe were of great importance within the framework of dynastic diplomacy and helped Russia overcome its foreign political isolation after the Crimean War.

Keywords: Nicholas I, Empress Alexandra Feodorovna, palace in Oreanda.

УДК 358.119.1+ 355.422.11«1944» (470)Крым

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-1-135-162

## **БРОНЕТАНКОВЫЕ ЧАСТИ ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ В ОСВОБОЖДЕНИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ЮЖНОГО КРЫМА В АПРЕЛЕ 1944 ГОДА**

*Ткаченко С. Н.*

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского  
г. Симферополь, Российская Федерация  
E-mail: tkserg2018@yandex.com*

Раскрыты количественный и качественный состав бронетанковых частей Отдельной Приморской армии накануне и в период проведения первого этапа Крымской наступательной операции в апреле 1944 года, описаны основные боевые действия этих частей. Особо подробно отражены события освобождения населенных пунктов юго-аосточного Крыма, ранее никак не отмеченные в историографии войны; выявлены проблемы и поставлены задачи для дальнейших исследований действий советских войск на южном берегу Крыма. Впервые в историографии даны подробные сведения о советских танкистах, погибших в ходе боёв и местах их первичного захоронения. С использованием архивных документов, повествовательных источников в исследовании реконструирован и приведен ряд ранее неизвестных моментов истории освобождения Крыма, уточнены некоторые обстоятельства известных событий.

**Ключевые слова:** бронетанковые войска, танковый полк, танковая бригада, боевые действия, подвижный отряд, передовая группа, марш, бой, материально-техническое обеспечение, танкисты, город Старый Крым, Феодосия, Судак, Алушта, Ялта, Крым.

Более 80 лет назад закончилась Крымская стратегическая наступательная операция. Ее целью стало освобождение Крымского полуострова путем разгрома удерживавшей Крым 17-й немецкой армии силами 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии во взаимодействии с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией. С севера в Крым должен был войти 4-й Украинский фронт под командованием генерала армии Ф. И. Толбухина. С плацдармов Керченского полуострова наступала Отдельная Приморская армия (ОПА) под командованием генерала армии А. И. Ерёмченко. В составе этой армии на правах фронта, было 12 стрелковых и горнострелковых дивизий, две морских стрелковых бригады, танковая бригада, три отдельных танковых и самоходно-артиллерийский полки, отдельные части. Именно бронетанковые части стали ударным кулаком этой армии, и в дальнейшем их личный состав на бронетехнике первыми освобождал населенные пункты Крыма как на востоке, так и на юго-востоке и даже южном берегу нашего полуострова.

**Накануне наступления.** В течение февраля – марта и первой декады апреля 1944 года танковые части ОПА готовились к предстоящему наступлению:

БРОНЕТАНКОВЫЕ ЧАСТИ ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ В  
ОСВОБОЖДЕНИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ЮЖНОГО КРЫМА В АПРЕЛЕ 1944 ГОДА

проводился ремонт имеющихся танков с заменой моторов и ходовой части в количестве 73-х единиц; пополнялись танками за счет поступления в армию новой бронетехники (иностранных марок, полученных по ленд-лизу от американцев и англичан) в количестве 75 единиц и ремонтного фонда с заводов промышленности, в количестве 16-ти единиц; всего 91 танк [1, л. 8]. Еще с 1943 года основу танковых частей на северо-кавказском (южном) направлении часто составляли бронемашинны иностранного производства, поставленные по системе ленд-лиза: американские МЗ «Stuart» (в советской номенклатуре «МЗ легкий» или МЗл, тогда как МЗ «Lee» обозначался как «МЗ средний» или МЗс) (был самым массовым легким танком Второй мировой войны) и М4А2 «Sherman» (в советской номенклатуре такое же обозначение, как и прозвище – «Шерман»); английские или канадские – пехотные танки Mk III «Valentine» (в Красной Армии назывался МКЗ «Валентайн» или «Валентин»). Кроме того в частях имелось некоторое количество различных отечественных танков. Бронетранспортеры были американского производства (МЗ «Скаут»), которые в основном поступали в разведывательные подразделения. Вообще, на Северокавказском фронте в 1942–1943 гг. доля ленд-лизированных танков достигала 70% от общего парка машин. Это объяснялось тем, что сюда поступали танки, доставляемые через Иран [2, с. 43]. Такое же положение сохранялось и в начале 1944 года. Уже в ходе проведения операции по освобождению Крыма, после 23 апреля, отдельные танковые полки с иностранной техникой были переименованы в отдельные линейные танковые полки (ОЛТП), и во все отчеты и другие оперативные документы по ходу наступательной операции вошло это наименование; используется эта аббревиатура и в настоящем исследовании.

Общее руководство всеми танковыми частями осуществляло управление бронетанковых и механизированных войск ОПА во главе с командующим, полковником М. М. Дергуновым, начальником штаба был подполковник С. А. Давидсон. Все упоминаемые в этом исследовании фамилии командиров проверены по первичным документам – спискам руководящего состава [3, л. 114, 130–131].

В крымской реальности весны 1944 г., в результате проведенных мероприятий, танковые части к началу операции имели следующую укомплектованность боевыми машинами и обеспеченность [1, л. 7–8]:

63-я танковая бригада (ТБР) (командир бригады А. И. Рудаков, начальник штаба майор М. Ш. Хайкин).

В строю: КВ-1С – 5; Т-34 – 1; М4-А2 «Шерман» – 21; МК «Валентайн» – 14; МЗл «Стюарт» (легкий) – 14. Всего в строю 55 танков.

В ремонте при части один танк МК. Всего в бригаде 56 танков.

Для эвакуации подбитых и неисправных танков, бригада имела 1 тягач КВ-1С, 1 тягач Т-34 и 2 трактора. Обеспеченность: ГСМ – 2,1 заправки; боеприпасов 2,5 боекомплекта; продовольствия на 14 суток.

85-й ОЛТП (командир полка майор С. Н. Тарасов, начальник штаба майор Г. В. Веденяпин).

В строю: Т-34 – 20; Т-26 – 7; Т-70 – 1; МК «Валентайн» – 10; МЗл «Стюарт» – 6. Всего в строю 44 танка. В ремонте при части: Т-34 – 3; Т-26 – 3; Т-70 – 2. Всего 8 танков. Всего в полку 52 танка.

244-й ОЛТП (командир полка майор М. Г. Малышев, начальник штаба майор Ф. С. Пронин).

В строю: М4-А2 «Шерман» – 13; МЗс «Ли» (средний) – 6; МЗл «Стюарт» – 19; МК «Валентайн» – 7. Всего в строю 45 танков. В ремонте при части: М4-А2 – 2, МЗл – 1. Всего в ремонте – 3 танка. Всего в полку – 48 танков. Обеспеченность: ГСМ – 3 заправки; боеприпасов 3,5 боекомплекта; продовольствия на 7 суток.

257-й ОЛТП (командир полка майор А. С. Сойченко, начальник штаба майор А. С. Коротинский).

В строю: М4-2 «Шерман» – 27; МК «Валентайн» – 7; МЗл «Ли» – 9. Всего 43 танка. В ремонте при части: М4-А2 – 1; МК – 1; МЗл – 5. Всего в ремонте 7 танков. Всего в полку – 50 танков. Обеспеченность: ГСМ – 1 заправка; боеприпасов 3 боекомплекта; продовольствия на 15 суток.

1449-й самоходный артиллерийский полк (САП) (командир полка подполковник А. С. Рассказов, начальник штаба майор И. Х. Егуртов).

В строю: СУ-122 – 8; Т-34 – 1. Всего – 9 бронированных машин. Обеспеченность: ГСМ – 3 заправки; боеприпасов 3 боекомплекта; продовольствия на 12 суток.

Всего в строю по всем бронетанковым частям – 196 танков и СУ-122, 19 – в ремонте. Всего в ОПА (на 10 апреля 1944 года) числилось 215 единиц бронетехники, и это число вошло в большое количество исследований по истории Крымской наступательной операции весны 1944 года. По данным первичных отчетов по ремонту бронетехники, общее число всех танков указывается в 219 единиц [1, л. 35].

По решению командующего ОПА, в преддверии стратегической наступательной операции, бронетанковые части заранее в оперативном отношении подчинены стрелковым корпусам (СК) и были готовы вводиться в прорыв с подвижными передовыми отрядами корпусов (ПО), в которые также вошли стрелковые полки (СП), артиллерийские полки (АП) и истребительные противотанковые артполки (ИПТАП) или дивизионы (ИПТАД) и даже целиком стрелковая дивизия (СД) или горнострелковая дивизия (ГСД) [4, л. 14].

11-й гв. СК: 85-й ОЛТП с 1-м и 15-м гв. СП из 2-й гв. СД и двумя ИПТАД.

3-й ГСК: 63-я ТБР и 1449-й САП – с 34-й ИПТАП и 128-й гв. ГСД.

16-й СК: 244-й ОЛТП - с 1137-й СП 383-й СД, 29-й ИПТАП, 257-й АП.

257-й ОЛТП совместно с 227-я СД, 1174-й ИПТАП – выделены в Резерв Командарма ОПА в подвижной группе развития успеха (армейский ПО).

Согласно плану командования ОПА боевой порядок армии был построен в один эшелон – все три стрелковых корпуса, сосредоточенные на керченском плацдарме, наступали в первой линии. 11-й гвардейский стрелковый корпус наступал на правом фланге армии. 3-й горно-стрелковый корпус (будучи наиболее сильным), наступал в центре. 16-й стрелковый корпус шёл вперед на левом фланге армии.

Здесь же необходимо отметить терминологические нюансы и вообще смысл передовых отрядов и отрядов преследования. Известно, что успех боя в глубине часто зависит не столько от численности войск, сколько от их правильного применения, от умения командиров захватить инициативу и навязать противнику свою волю, упредив его в развертывании или в овладении тактически важными рубежами и пунктами. Последнее в значительной степени зависит от смелых и инициативных действий небольших подразделений, а особенно передовых подвижных отрядов и отрядов преследования.

Отряды преследования в соответствующий период Великой Отечественной войны создавались по одному в каждом стрелковом полку и использовались, как правило, в качестве авангардов или головных отрядов с основной задачей – неотступно преследовать отходящего противника и, ввязываясь с ним в бой, задерживать его части и подразделения на случайных позициях, подставляя их под удар наших главных сил. В качестве отряда преследования в каждом стрелковом полку выделялся, как правило, один стрелковый батальон. То есть – это был уровень полка, и в дальнейшем о таких формированиях речь будет идти эпизодически, так как предмет исследования все же не авангарды частей, а непосредственно бронетанковые части.

Один из отрядов преследования в каждой стрелковой дивизии снабжался автотранспортом и использовался в качестве передового подвижного отряда с задачами [5, с. 4–5]:

- а) фронтального и параллельного преследования противника, отходящего перед фронтом наступления главной группировки дивизии;
- б) захвата и удержания за собой крупных населенных пунктов, узлов дорог и переправ, расположенных в глубоком тылу противника;
- в) овладения с хода отдельными участками укрепленных позиций в глубине с целью предупреждения занятия их отходящими войсками и подходящими резервами противника;
- г) воспрепятствования планомерному отходу противника путем разрушения его коммуникаций.

Подразделения выделенного батальона отрядов преследования имели штатное вооружение, причем особое внимание уделялось наличию автоматического оружия. Каждый из бойцов батальона снабжался дополнительными гранатами и запасными магазинами (и особенно пулеметчики). При этом снаряжение бойцов облегчалось до минимума, а все ненужные вещи сдавались в обоз.

Выделенный стрелковый батальон усиливался противотанковой артиллерией из расчета по два орудия на роту, дивизионом дивизионной артиллерией, батареей самоходок СУ-76, ротой средних или легких танков, взводом саперов и взводом конных или пеших разведчиков. Передовой подвижной отряд, кроме того, усиливался взводом пушек корпусного артиллерийского полка, взводом зенитно-пулеметной роты дивизии и снабжался автотранспортом за счет артиллерийского полка и автороты дивизии.

Офицерский состав передовых подвижных отрядов и отрядов преследования подбирался лично командирами полков из числа наиболее решительных, хладнокровных и инициативных офицеров, умеющих сочетать риск с трезвым расчетом. Подбор офицеров для должности командиров отрядов производили лично командиры дивизии. Все офицеры передового подвижного отряда и отряда преследования обеспечивались биноклями, компасами, простейшими средствами управления и картами крупного масштаба. Но не всегда им выделялись радиостанции - это был дефицит даже в первой половине 1944 года. В танковых войсках ситуация была немногим лучше, хотя радиостанции были громоздкие и ненадёжные. Но для всех командиров танковых частей ввели обязательные личные радиостанции, с приставленными к ним радистами и шифровальщиком. К этому времени удалось произвести часть необходимого оборудования, также радиотехнику закупали по ленд-лизу. По крайней мере, из первичных источников известно, что в 244-м и 257-м ОЛТП все танки были обеспечены рациями [4, л. 16], но сколько было радиостанций более высокого звена радиосвязи «полк-дивизия-корпус», подлинно пока неизвестно.

Для боя отряды преследования снабжались не менее чем одним боекомплектом всех видов боеприпасов и двумя суточными дачами продовольствия. Передовым подвижным отрядам выдавалось 1,5 боекомплекта боеприпасов, 3 суточные дачи продовольствия и 1,5 заправки горючего. Имущество передовых подвижных отрядов перевозилось на автомашинах. Имущество отрядов преследования перевозилось чаще на пароконных повозках. В передовых подвижных отрядах обеспечивалась усиленная ПВО.

Примерно по такой схеме строились отряды преследования и передовые отряды корпусов и дивизий в условиях подготовки и проведения Крымской наступательной операции. Однако даже в их действиях нас в данном случае исследования интересует больше бронетанковая компонента таких отрядов. Так как танкисты становились порой главной ударной и подвижной силой авангардных формирований, изучая их действия, становится понятным весь процесс марша и боев целого передового отряда (для синонимичности далее может употребляться словосочетания: подвижный отряд, передовой отряд и т.п. – в ранге не ниже дивизии, а чаще – корпуса или даже армии; отряд преследования – также как передовой отряд преследования (ПОП))

**Бронетанковые части 3-й горнострелкового корпуса.** В 2 часа ночи 11 апреля, войска Отдельной Приморской армии перешли в наступление, ход которого на Керченском полуострове довольно изучен, и не является предметом настоящего исследования. В контексте предмета исследования интересуют действия уже позже выхода советских войск через Ак-Монайский перешеек, после освобождения Феодосии. Ак-Монайские позиции (по немецкой терминологии – Парпачские позиции) действительно расценивались как серьезное препятствие, и по опыту 1942 г., и ввиду вскрытых партизанской разведкой инженерных сооружений, в первую очередь двух противотанковых рвов. И целью подвижных отрядов стал прорыв с Керченского полуострова. Прочность обороны этих позиций в апреле 1944 г. оказалась существенно ниже, чем в мае 1942 г. При этом следует учитывать, что западнее Парпачской линии обороны части противника под прикрытием арьергардов

БРОНЕТАНКОВЫЕ ЧАСТИ ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ В  
ОСВОБОЖДЕНИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ЮЖНОГО КРЫМА В АПРЕЛЕ 1944 ГОДА

поспешно отступали по двум основным направлениям: на Карасубазар, Симферополь, Севастополь и на Судак, Алушта, Ялта, Севастополь.

Прежде всего, следует рассмотреть боевые действия бронетанковых частей в составе 3-го ГСК, как наиболее динамичные и ожесточенные. Эти действия в отечественной историографии мало исследованы, хотя упоминания об отдельных эпизодах встречались в публицистике, без подробностей. Изучение оперативных документов ОПА, корпусов, дивизий и главное - подвижных отрядов, существенно дополняют и уточняют картину освобождения Юго-Восточного Крыма.

В результате атаки танков и пехоты к 22.00 12 апреля 63-я танковая бригада, настигая отступающего противника, вышла в район Владиславовки. За ней перемещалась на автомашинах пехота 128-й гвардейской горнострелковой дивизии (ГСД). С выходом 128-й гв. ГСД и 63-й танковой бригады на рубеж западнее Ак-Монайского перевала противнику был отрезан путь отхода по железной дороге на Феодосию [1, л. 19].

Но сражаться за этот город передовой отряд 3-го ГСК не мог – у него были другие задачи, а Феодосию по плану командования должен был освобождать подвижный отряд и войска 16-го СК. Однако в 23.00 армейский подвижный отряд и действовавший совместно с ним подвижный отряд 16-го стрелкового корпуса с ходу ворвались в Феодосию. После короткого ночного боя с остатками немецко-румынской группы «Кригер» и феодосийской портовой командой немцев в полночь город и порт были освобождены от противника.

На 13 апреля командарм ОПА поставил войскам следующие задачи [6, с. 193–194]: 11-му гвардейскому стрелковому корпусу, действуя в направлении Новый Карабай, Цюрихталь, Васильевка, Карасубазар, к 15 часам подвижным отрядом выйти на линию Ново-Царицыно – Карасубазар. Главными силами к этому времени выйти на рубеж реки Мокрый Индол на фронте Новый Карабай – Цюрихталь. 3-му горнострелковому корпусу, действуя в направлении Владиславовка, Старый Крым, Салы, Карасубаши выйти подвижным отрядом на рубеж Карасубазар, Ени-Сала и главными силами на линию реки Мокрый Индол на фронте Акчора – Кишлав. 16-му стрелковому корпусу, действуя вдоль побережья Черного моря, выйти на рубеж в 15 км западнее города Судак и главными силами в район Судака. Армейскому подвижному отряду по овладению городом Феодосия преследовать противника в направлении населенного пункта Карасубазар и к полудню овладеть последним.

Но были и тактические задачи. Решением командира 128-й гв. ГСД, танковая бригада из Сеит-Асан повернула на Старый Крым, по маршруту – Кулеча-Мечеть, Байрач, Карагоз, Старый Крым. В 5 часов утра 13 апреля, бригада с частями усиления выступила из Сеит-Асана и прошла через Кулеча-Мечеть на Карагоз. Действующая впереди танковая разведка, с танковым десантом, в 06.30 с ходу ворвались в Старый Крым, совместно с партизанами (которые к этому времени вели уличные бои с противником), освободили город [7, с. 15-16].

К 7 часам утра 63-я ТБР полностью вошла в Старый Крым, имея в наличии танков: Т-34 – 1; М4-А2 – 6; МКЗ – 8; МЗл – 4. Бригадой были захвачены трофеи, несколько автомашин и три трофейных танка французского производства [8, л. 9].

Эти танки в Крыму использовались немцами в 223-м танковом батальоне трофейных танков.

Овладев городом Старый Крым, бригада после дозаправки ГСМ и боеприпасами вместе с частями усиления, решением командира 128-й гв. ГСД, начала движение на Карасубазар через Салы. Вместе с 63-й ТБР наступал и 1449-й самоходный артполк на СУ-122 [9, л. 38].

Остатки немецких отдельных подразделений, усиленные «артиллерийской ротой» 2-го батальона 198-го артполка 98-й пехотной дивизии, на высотах к югу от села Цюрихталь и в 1 км к северо-западу от деревни Османчик, сдерживали заградительным артиллерийским огнем наступающие советские части. Но на длительное сопротивление сил не хватило. Поредевшие подразделения, чтобы не быть полностью уничтоженным ответным огнем, вынуждены были отойти с высот на юг, к перекрестку горной дороги на Судак и шоссе на Карасубазар.

В селе Салы царила неразбериха от наплыва солдат и транспортных средств: румыны перемешались с немцами, лошади с моторизованным транспортом [10, с. 288–289]. Находящиеся здесь немецкие и румынские подразделения пытались пройти по горному шоссе к морю, в Судак. Оставшиеся орудия 198-го артиллерийского полка, было невозможным переправить морским путем в Севастополь, горные дороги также оказались непригодны для шестерки лошадей в упряжке, и неподалеку от с. Салы немецкие артиллеристы взорвали последние шесть 150-мм тяжелых полевых гаубиц s.FH18 и двенадцать 105-мм легких le.F.H.18. Повозки вывели из строя, а лошадей пристрелили. После уничтожения орудий и повозок, дивизионы разделились на «артиллерийские роты», погрузились на грузовики и колоннами по горной дороге отправились в Судак [10, с. 289]. Но более мелкие пушки и самоходки оставили на прикрытие отхода.

И в районе села Салы танковая разведка 63-й бригады была встречена сильным огнем противотанковой и самоходной артиллерии. В юго-восточной части села противник создал сильную оборону узкого дефила. Это сейчас район «старой грушевой дороги», современное шоссе из Старого Крыма еще не было построено, но частично дорога шла по его направлению от Старого Крыма до деревни Шах-Мурза, а затем поворачивала и мимо каменного карьера, и приводила в Салы южнее безымянной высоты (на картах 1944 г. никак не отмечена). Дорога отличается крутизной заложения и в нынешнее время, а высота имеет название – Фантальная, выс.412,8 – по сути, отрог небольшого хребта, уходящего на север (все это Агармышский горный массив). Схема боя приводится в одном из отчетов 63-й ТБР и Журнале боевых действий штаба 2-го танкового батальона этой же бригады [11, л. 6–7, 8(вклейка); 12, л. 103], и эта местность однозначно опознается.

Танковой роте 63-й ТБР были даны указания (командиром 128-й гв. ГСД) провести атаку противника в лоб, по узкой горной дороге с обрывом и крутым спуском. В результате короткого боя с самоходками противника бригада потеряла из состава боевой разведки: один танк МКЗ был подбит, один танк М4-А2 завалился в обрыв (впоследствии откопан и восстановлен) и сожжен один танк МЗл с частью экипажа [11, л. 9-10]. В этом «Стюарте» из 1-го танкового батальона сгорели:

командир роты старший лейтенант Затулла (Зетула) Джусупов, 1919 г.р. (орденоносец «Красной звезды»), после гибели представленный к ордену Отечественной войны 1 ст., однако посмертно присвоен орден Александра Невского за бои в Восточном Крыму), и командир танка лейтенант Цаля (Цали, Цаль) Львович Ломбард, тоже 1919 г.р., специалист по радиосвязи, дважды награжденный орденом «Красная Звезда» и медалью «За отвагу», а орденом Отечественной войны 1 ст. уже посмертно [13, л. 81, 83; 14, л. 8; 15, л. 75; 16, л. 129, 134, 139; 17, л. 4–7; 18, л. 22]. По сообщению командования части, погибшие были захоронены в 5 км западнее города Старый Крым, возле сгоревшего танка. Но их могила в настоящее время не выявляется, среди захороненных в братской могиле с. Грушевка и на сельском кладбище таковых фамилий не значится (по информации местных жителей и администрации села, их перезахоронений не было). Но случай гибели известен, что подтвердилось при выезде автора настоящей статьи в с. Грушевка.

Командиром 63-й танковой бригады было принято решение – танками 2-го батальона, обойти безымянную высоту с северо-востока. Второй батальон обошел высоту 1 км восточнее Салы, спустился по крутому спуску и вышел в тыл противнику (тогда и свалился в обрыв упомянутый выше танк «Шерман»). Этим маневром батальона была прорвана оборона немецких и румынских частей, которые, бросая вооружение, отступили по шоссе в Судак. По информации, полученной автором настоящей статьи в музее Грушевской средней общеобразовательной школы имени А. В. Удовенко, обходной путь советским танкистам показал местный житель П. И. Кремнев, также пытались помочь подростки – братья Георгий и Владимир Конивец, но были зверски убиты немцами. Но путь остальным танкам бригады, частям усиления и наступавшей вслед пехоте 128-й гв. ГСД – был открыт. Устным распоряжением командарма, от бригады была выслана моторазведка на 2-х бронетранспортерах в сторону деревни Суук-Су. Обнаружив противника и захватив пленных, разведчики без потерь возвратилась обратно [8, л. 10].

Итак, после захвата с. Салы путь на Карасубазар был открыт, и в его сторону выдвинулась подвижная разведка. Хотя сама танковая бригада вместе с частями усиления начала марш лишь в 16.00, после дозаправки ГСМ и боеприпасами, имея всего один танк Т-34, 3 «Шермана» и 6 «Валентайнов». Совершив тридцатикилометровый марш, разведывательный отряд к 17.00 ворвался в Карасубазар. Примерно в это же время сюда подошел и подвижный отряд 11-го гвардейского стрелкового корпуса, действовавший через Новый Карабай, Цюрихталь и Васильевку.

63-я ТБР с 11 по 14 апреля 1944 года, с приданными частями усиления (1449-й САП, 184-й инжбат) прошла с боями путь свыше 300 км. В проведенных боях на Керченском полуострове бригада нанесла урон противнику в живой силе и технике, уничтожив 68 орудий разных калибров, 43 миномета, 84 пулемета, 92 автомашины, 18 тракторов, 20 тягачей, 6 САУ, 4 танка и 1600 солдат и офицеров противника. За период с 11 по 14 апреля бригада понесла потери в материальной части: сожжено артогнем противника – три М4-А2, подбито артогнем противника 7 машин М4-А2, подорвались на минах – один М4-А2. Вышло из строя по технической

неисправности – КВ-1С – 4, М4-А2 – 7, МКЗ – 4, МЗл – 2 машины. Всего потеряно 17 машин вне боя, и 11 – в боях [8, л. 9, 11-12]. Под селом Салы в бою была подбита и одна САУ СУ-122 (всего за апрель были подбиты три самоходки, но все отремонтированы, одна – сожжена противником еще при бое на Керченском полуострове) [9, л. 38 об].

Но появились новые проблемы. К 13 апреля часть танков, входивших в состав подвижных групп корпусов, была выбита огнём противника, а большая часть вышла из строя из-за технических неисправностей. Материальная часть танковых полков и особенно 63-й танковой бригады была очень изношена. Значительное количество танков принимала участие еще в сражении за Кавказ, а потом с боями прошла путь от Владикавказа до Керченского полуострова. На многих моторы и коробки передач ремонтировались и менялись не менее четырех раз. В результате боевая мощь корпусных подвижных частей значительно сократилась. В несколько лучшем положении оказался армейский подвижный отряд, так как материальная часть автомобильного батальона и 257-го танкового полка, входивших в его состав, была менее изношена.

**Танковые части 11-й гвардейского стрелкового корпуса и подвижной группы армии.** В полосе наступления 11-го гв. стрелкового корпуса развивались основные боевые действия в районе населенного пункта Ак-Монай. Там держал оборону 50-й гренадерский полк 111-й немецкой пехотной дивизии. Он сумел занять оборону на Ак-Монайских позициях и организовать огневую систему, оказав огневое сопротивление подвижной группе советского корпуса. 12 апреля в 9 часов утра 85-й отдельный легкий танковый полк (входящий в состав подвижной группы 11-го гв. стрелкового корпуса) сделал попытку сходу прорвать оборону противника, но будучи встречен сильным заградительным артиллерийским огнем, вынужден был отойти в район 1,5 км северо-восточнее ж.д. ст. Ак-Монай и ожидать подхода отставшей пехоты и артиллерии. В 14.00 в район сосредоточения подошли пехотные и артиллерийские части 2-й гв. стрелковой дивизии. Для подавления огня немцев подтянулась тяжелая артиллерия и была вызвана штурмовая авиация. К вечеру 12 апреля советские части пошли на штурм укреплений. Главные силы танкового полка атаковали противника по фронту и с юга. Под прикрытием сильного огня артиллерии и танков советские части через полчаса овладели двумя, а на некоторых участках и всеми тремя, линиями укреплений Ак-Монайского оборонительного рубежа. В результате атаки танков и пехоты 15-го гв. стрелкового полка оборона противника была прорвана, и к 20 часам 12 апреля, Ак-Монайские позиции были полностью очищены от противника.

Далее, подвижная группа 11-го гв. стрелкового корпуса (под командованием гв. полковника Г. С. Кравцова), состоявшая из подразделений усиления, части танков 85-го отдельного линейного танкового полка и 15-го гв. стрелкового полка 13 апреля, в 8 часов утра сходу ворвалась в пос. Ислам-Терек (ныне пгт. Кировское), где располагалась одна из баз снабжения 17-й армии, обороняемая тремя отдельными полицейскими батальонами и одним сводным пехотным батальоном немцев. Подразделения подвижной группы, действуя согласованно с северо-запада и юго-

востока, нанесли противнику крупное поражение. После освобождения поселка было захвачено 200 вагонов с военным имуществом, 17 орудий, несколько десятков автомашин и взято в плен 800 солдат и офицеров [19, с. 57–59]. Но эти данные отечественных военных историков не полные, стоит их дополнить сведениями из архивных документов, которые ясно указывают, что по выходе из зоны Ак-Монайских позиций передовые отряды с танками перемешали свои плановые маршруты, и только умелые действия их командования позволили восстановить положение. Хотя это случилось лишь только к середине дня 13 апреля, но даже этот казус не лишил танкистов побед. Так, 63-я танковая бригада, передвигаясь из Владиславовки, остановилась в Сейт-Асан, чтобы вернуться во Владиславовку. Получив данные (по радио) о нахождении большого количества вагонов с военной техникой и вооружением на станции Ислам-Терек, ночью туда была выслана сильная танковая разведка с автоматчиками и саперами. Эта разведка внезапно ворвалась и овладела станцией, были захвачены трофеи -большие продовольственные и военные склады [8, л. 9.]. Таким образом, район Ислам-Терека освобождали поэтапно. Ночью разведчиками 63-й танковой бригады была захвачена железнодорожная станция. Затем, в 8 часов утра 13 апреля, подвижный отряд 11-го гвардейского корпуса (в составе двух батальонов 1-го гв. и 15-го гв. стрелковых полков, двух ИПТАД – 16-го и 489-го, и двух танковых рот – 1-й и 2-й 85-го ОЛТП) полностью освободил сам поселок и его окрестности. Так, согласно схеме действий [19, с. 58], разведка передового отряда в составе 1-й танковой роты и 1-го стрелкового батальона 15-го гв. СП 2-й гв. СД от Сейт-Асана по прямой на запад прошел мимо хутора Басалык, перерезав дороги в поселок с юга и вышел в с. Надежда-Шолтак. Вслед за разведкой, уже днем, также прошли основные силы передового отряда (85-й ОЛТП, 15-й гв. СП 2-й гв. СД, 489-й ИПТАД), частью сил войдя в пос. Ислам-Терек с юго-запада по дороге на современное село Приветное (тогда несколько разных деревень). А действия за станцию и склады противника вели две группы ПО: вдоль железной дороги с охватом поселка с юга и юго-запада – 1-й гв. СП 2-й гв. СД; с широким маневром от дер. Апшак через с. Барак с выходом севернее и северо-западнее райцентра – силами 2-й танковой роты 85-го полка, 2-го батальона 15-го гв. СП и 16-го ИПТАД. Вечером 13 апреля и в ночь на 14 апреля через поселок – райцентр Кировского района - в сторону Пролома и Карасубазара прошли остальные танки 85-го полка (в целом, полк отстал из-за нехватки топлива и поломок) [1, л. 25]. По состоянию на поздний вечер 13 апреля в поселке находились штабы 83-й морской СБР, 32-й гв. СД и некоторые другие подразделения 11-го гв. СК. Танкисты в составе двух рот своего 85-го ОЛТП уже были в Карасубазаре.

Боевые действия 257-го отдельного линейного танкового полка (в основном на танках М4 «Шерман») шли следующим порядком. Утром 12 апреля, после дозаправки танков, танковый полк начал активную фланговую разведку Ак-Монайских позиций и установил возможность прорыва обороны противника на его правом фланге. К 12 часам полк сосредоточился на исходных позициях для атаки в балке Песчаной, в 14 часов, совместно с 1174-м ИПТАП и 777-м полком (227-й стрелковой дивизии), перешел в наступление. Успешно преодолев противотанковый

ров и развивая успех прорыва Ак-Монайских позиций, он преследовал противника в направлении Крым-Шибань и далее на Феодосию. В 17 часов вечера танковый полк с десантом пересек шоссе Ак-Монай – Дальние Камыши, в 18.30 миновал с запада Ближние Камыши и в 19.30 с боем ворвался на северные окраины Феодосии, оседлав шоссе на запад [1, л. 21]. В боях за этот город отличился лейтенант Е. В. Басалаев, командир танка десантной группы, приданной из 777-го СП 227-й СД. «...Его танк в 18 часов 30 минут [12 апреля – Т. С.] первым ворвался в город Феодосия...» [20, л. 118].

Утром 13 апреля танкисты получили боевой приказ штаба войск подвижной группы ОПА № 003/оп – к 12 часам 13 апреля овладеть Карасубазаром [1, л. 22]. Подвижная группа в 8.00 выступила из Феодосии по маршруту: Насыпкой, река Мокрый Индол, Малый Бурундук, Пролом на Карасубазар. То есть в Старый Крым она не заходила, обогнув Агармышский массив с севера, что подтверждают отчеты, схемы и карты боевых действий [1, л. 85; 88; 21, л. 2; 22, Прил. №2.]. Обход города севернее и боевые столкновения за Агармышем подтверждают и участники событий [23].

Как становится известным из воспоминаний участников освобождения Старого Крыма [24], командующий ОПА А.И. Еременко ночью с 12 на 13 апреля поставил задачу армейской подвижной группе следовать не по приморскому шоссе от Феодосии на Коктебель и Судак, а наступать на Карасубазар, оставляя Старый Крым слева. Цель – как можно быстрее соединиться с подвижными отрядами 4-го Украинского фронта, наступавшими от Перекопа и Джанкоя. 2-й стрелковый батальон 777-го полка 227-й дивизии фактически был штурмовым. Его командир П. К. Козиков, получив приказ, ночью выдвинулся от Феодосии по шоссе на Старый Крым, и, пройдя четыре километра, развернулся в боевой порядок [23]. Вскоре этот авангард наткнулся на немецкую часть с танками и артиллерией в лощине на опушке леса севернее Старого Крыма. Был дан бой, батальон ворвался в расположение врага, однако потерял подбитым один танк с частью экипажа из 257-го танкового полка и несколько тяжело раненных, в т. ч. замкомбата капитана Бородина. Место боя становится известным из документов на захоронение убитого здесь 13 апреля командира танка гв. лейтенанта Василия Тимофеевича Кулагина (1923–1944): один километр юго-западнее дер. Субаш (после войны Золотой Ключ, ныне часть с. Приветное Кировского района), на опушке леса у выс. 341,6, несколько восточнее русла речки Сухой Индол. А могилу указанного танкиста его однополчане обустроили как раз на западном левом берегу этой речки [25, л. 70, 77]. Затем танковый полк через Бурундук и Пролом выступил на запад.

К середине дня 13 апреля передовые подразделения 227-й дивизии добрались по шоссе до Старого Крыма. Это подтверждают Журнал боевых действий ОПА [26, л. 25–26] и оперативные документы:

«Боевое донесение № 0473/оп. Штаб ОПА. 13.4.44 г. 15 час. 00 мин.

Передовые подвижные части к 13 час. 13 апреля 1944 года вышли на рубеж: 11-й гв. СК – Тохтаба, Васильевка, Новый Карабай.

Противник из Феодосии отошел основными силами в направлении Судака.

БРОНЕТАНКОВЫЕ ЧАСТИ ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ В  
ОСВОБОЖДЕНИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ЮЖНОГО КРЫМА В АПРЕЛЕ 1944 ГОДА

3-й ГСК – Джума-Эли, Кринички (греч.).

16-й СК – Старый Крым и вышел на рубеж – Старый Крым, Коктебель.

Подразделения 227-й СД на подходе к Салы.

ВВС армии – бомбят и штурмуют отходящего противника в порту Судак. Всего произведено 170 б/вылетов. Погода – облачность 5–9 баллов, температура 8–13 градусов тепла» [27, л. 282].

Начальник штаба подвижной группы (он же и НШ 227-й стрелковой дивизии) полковник Полтавец докладывал командованию, что в течение 12 и 13 апреля подвижный отряд из 777-го полка 227-й СД, 257-го танкового полка, автобата и мелких подразделений вел боевые действия следующим порядком: 12.04.44 г. в 19.30 своим авангардом ворвался в Феодосию, а к 19.45 овладел портом; затем, преследуя отходящего противника с 9.30 13 апреля вел бой на рубеже Османчик – Салы, где в действие вступил еще 570-й стрелковый полк, а в 11.30 вышел к г. Карасубазар, где также завязал бои с остатками 98-й пехотной дивизии, румынских 3-й горнострелковой и 6-й кавалерийской и пятью батальонами «изменников родины», т.е. коллаборационистов [28, л. 384].

Совершив многокилометровый марш в район г. Карасубазар, подвижные отряды двух корпусов ОПА во взаимодействии с подошедшими к 16.00 с северо-востока частями 51-й армии 4-го Украинского фронта, а с юго-запада - 5-й бригады крымских партизан из Северного соединения, окружили под Карасубазаром отдельные немецкие части - более тысячи человек со всей техникой [29, с. 32]. В плен попали ранее успевшие отойти из района Старого Крыма остатки немецких подразделений: 198-го саперного батальона, 282-го и 290-го пехотных полков 98-й пехотной дивизии, а также 170-го и 213-го пехотных полков 73-й пехотной дивизии.

И уже к вечеру 14 апреля подвижная группа 11-го гв. стрелкового корпуса в составе 15-го гв. стрелкового полка и 85-го отдельного линейного танкового полка, не встречая сопротивления противника, тоже вошла в Карасубазар. На окраине этого города произошло соединение войск Отдельной Приморской армии и 4-го Украинского фронта. После этого они наступали в тесном взаимодействии между собой. 257-й ОЛТП также удачным маневром к 11.45 обошел Карасубазар с северо-запада и перерезал шоссе на Симферополь, но из-за недостатка горючего в сторону Зуи смогли выдвинуть только одну танковую роту. 14 апреля к 12.00 полк полностью заправился ГСМ и пополнился боеприпасами и выступил в сторону Симферополя, которого достиг в 15.00. Здесь он соединился со своей ротой и был отправлен в сторону Бахчисарая [1, л. 24]. В дальнейшем этот танковый полк пытался прорваться в Ялту через Ай-Петринскую яйлу, о чем несколько ниже.

**Танковые части 16-го стрелкового корпуса.** Еще к началу боевых действий был создан передовой отряд 16-го СК в составе: 3-й батальон 1137-й СП - 130 человек на семи автомашинах, 244-й ОЛТП – 24 танка, 29-й ИПТАП – 10 орудий 76 мм, дивизион РС (БМ-13) – 8 машин. Командиром этого корпусного отряда был назначен заместитель командира 339-й СД полковник С. Н. Барахтанов, был так же создан штаб во главе с майором И. М. Захаровым. Но вот рации штаб отряда не получил. Также был создан подвижный отряд преследования 383-й СД, в который вошли: 3-й

батальон 691-й СП (командир майор П. А. Козьяков) и 28-й отдельный истребительный противотанковый дивизион (ОИПТД) – командир майор А. С. Айляров. В 339-й СД подвижный отряд в связи с отсутствием транспорта не создавался, к тому же дивизия должна была штурмовать г. Керчь. Ход боевых действий этих передовых отрядов и самих соединений корпуса на Керченском полуострове приведены в военно-исторических исследованиях, к которым отсылаем заинтересованного читателя [30–32]. Но вот события после прорыва позиций на Ак-Монайском перешейке и далее, при освобождении юго-востока и юга Крыма, известны фрагментарно. Остановимся на них подробнее.

Ранним утром 13 апреля, как уже говорилось выше, соединения 16-го СК – 339-я и 383-я СД со средствами усиления и 2-м батальоном 777-го СП 227-й СД освободили Феодосию. Остатки вражеской группировки «Кригер» и некоторые отдельные части противника отходили по шоссе на Коктебель – Отузы – Судак. Преследование отступающих частей противника по этому шоссе и освобождению населенных пунктов на Черноморском побережье было возложено на части 16-го стрелкового корпуса ОПА. Почти вся тяжесть по преследованию, уничтожению и пленению отступающего противника в городе Судак и окрестных селениях, недопущения закрепления на промежуточных рубежах, легла на подвижный отряд корпуса. Большим тормозом в успешном продвижении частей стал несвоевременный подвоз горючего, вследствие чего танки, автотранспорт и артиллерия простаивали по несколько часов [33, л. 245].

После прохода села Насыпкой подвижный отряд повернул на юг и форсированным маршем прошли в сторону Коктебеля. Значительных боев за поселок не отмечено, но первыми в него въехали танкисты 244-го ОЛТП 13 апреля 1944 года, и они же захватили в этом районе две крупнокалиберные береговые батареи противника. Пройдя рубеж Коктебеля, подвижные части корпуса вступили в пересеченную горную местность. Наличие в полосе преследования корпуса всего одной шоссейной дороги через Отузы и перевал Синор, и одной грунтовой лесной дороги через Кизилташский монастырь, позволило противнику широко применять инженерные заграждения, особенно завалы. Преодоление таких завалов при ограниченном количестве в составе корпусного подвижного отряда саперов (одна рота саперов в количестве всего 37 человек) крайне замедляла преследование противника. Для уничтожения противника, оборонявшегося на перевале Синор, в обход, по горным тропам была послана группа автоматчиков, которая полностью уничтожила роту врага, засевшую на перевале. Путь на Судак с восточной стороны был открыт [34, с. 324].

Разведчики подвижного отряда уже вечером вышли к восточной окраине этого курорта. Продолжая преследование отступающего противника, танковый десант 244-го ОЛТП с пехотой к 20.00 13 апреля вышел на северные окраины Судака. Танки прошли между горами Терц и Ай-Георгий и заняли позиции у развилки дорог на Салы и Феодосию. К 22.00 подошел остальной состав подвижного отряда. 339-я стрелковая дивизия (без одного батальона, задействованного в танковом десанте) следовала по «кизилташскому» шоссе через Аджидей и вышла к селу Таракташ, а в ночь с 13 на

БРОНЕТАНКОВЫЕ ЧАСТИ ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ В  
ОСВОБОЖДЕНИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ЮЖНОГО КРЫМА В АПРЕЛЕ 1944 ГОДА

14 апреля заняла позиции севернее Судака. Выставленный немецкий арьергард северо-западнее Судака, вынужденно снимается в 22.30. Отступающие колонны немецкой пехоты и легкой артиллерии направляются в сторону Алушты под огнем советских танков. И, тем не менее, противник контратакует, стремится выскочить из Судакской долины на запад. Командир подвижного отряда 383-й СД майор П. К. Козяков атаковал противника с севера, перекрыв дорогу на г. Алушту. Ближе к рассвету к Судаку выходит авангард 383-й СД – 691-й стрелковый полк, который тут же был направлен на «алуштинский поворот».

Невзирая на трудности на марше (сложности с заправкой, усталость личного состава и сложный рельеф местности), 244-й танковый полк в 23.00 атаковал отдельные группы противника, которые прикрывали отход главных сил. Бой 244-го танкового полка за город Судак был характерен самостоятельными и инициативными действиями малых групп танков и отдельных машин с десантниками 3-го батальона 1137-го СП (комбат капитан Б. М. Буняк). Например, экипаж младшего лейтенанта В. Л. Савельева, вступивший в единоборство своим танком с двумя штурмовыми орудиями противника – уничтожил их, а выбравшись из своего горящего танка, экипаж продолжал вести бой в пешем строю. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1944 года за образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками младшему лейтенанту Василию Львовичу Савельеву присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 2198) [35, л. 19, 48; 36, с. 400].

Из-за сложности с маршем по приморскому шоссе вдоль южного берега до Севастополя, немцы вывозили отступающие и дезорганизованные остатки своих частей морем из Судака. Днем действовала советская авиация (в результате было потоплено 3 баржи и 4 других судна), а когда за город шли ночные уличные бои, часть орудий и танков отряда вела огонь по «морским судам с погрузившейся пехотой» [33, л. 245об.]. К 5.00 14 апреля Судак был в целом освобожден, но перестрелки с мелкими группами немцев и румын возникали практически до 11 часов утра [34, с. 330].

В боях за город Судак 244-й отдельный танковый полк нанес серьезный урон противнику: уничтожил 2 самоходных орудия, и до 150 солдат и офицеров противника. Захвачено как трофеи: 22 автомашины, 8 орудий, 8 тракторов, 2 самоходных орудия, 5 складов с военным имуществом. В результате ночного боя в плен было взято свыше тысячи солдат и офицеров из немецких и румынских подразделений, входивших в состав группы «Кригер» и 2-й румынской горнострелковой дивизии. Потери танков 244-го ОЛТП с 11 по 20 апреля составляли: подбитых артиллерийским огнем танков – 11, сожженных – 8, подорвано на минах – 1. Всего потеряно 20 танков [1, л. 18, 22].

Наступление советских войск развивалось далее. «Боевое донесение №0476/оп Штаба ОПА. 10 час. 14 апреля 1944 г. Войска армии передовыми отрядами преследования в ночь на 14 апреля 1944 года, продолжали наступление и, преодолевая упорное сопротивление противника захватили город Судак и к утру

вышли: передовые отряды 11-го гв. СК – овладели Нейзац, Фриденталь; передовые отряды 3-го ГСК – овладели Тама, Сартана. Передовые отряды 16-го СК – действуют в направлении – Кутлак» [27, л. 288].

Тогда же была предпринята попытка силами 63-й ТБР пройти по горной дороге от Карасубазара до Ускута с задачей «отрезать пути отхода противника по побережью моря в Алушту и Ялту». Однако в 2 км южнее села Ени-Сала (ныне Красноселовка) немцам удалось взорвать горную дорогу, сделав ее непроходимой для танков. 63-я ТБР вышла к месту подрыва еще в 22.00 13 апреля. Был предпринят удачный пеший рейд на Ускут с захватом 80 пленных, но перехватить дорогу вдоль моря только пехотой не представлялось возможным. Тылы 63-й танковой бригады обеспечивались действиями 3-го партизанского отряда 5-й бригады Северного соединения (командир В. И. Сендецкий), который еще днем 13 апреля занял село Ени-Сала и держал заслон до подхода советских частей. Кроме того, партизаны действовали в интересах наступающих войск 16-го стрелкового корпуса. Так, 14.04.1944 20-й отряд 5-й бригады Северного соединения под командованием К. К. Галлямова «...повёл наступление на дер. Кучук-Узень, расположенную на шоссе Ускут – Алушта и после 2 часового боя овладел деревней, обрезал дорогу отступающему противнику и удержал до прихода частей Красной армии более 6 часов...». Заняв позиции над дорогой в районах сел Улу-Узень и Куру-Узень, они навязали оккупантам бои и создали здесь «котел». Подошедшими передовыми отрядами Отдельной Приморской армии была пленена большая группа вражеских солдат и офицеров. Пропустив на Алушту приморцев, 20-й отряд еще трое суток оставался на этой югобережной дороге, прочесывая окрестные леса. До 15 апреля партизаны обнаружили и взяли в плен около 300 немецких и румынских солдат, а 14 апреля штабной группе отряда около деревни Куру-Узень румынским командованием был сдан артиллерийский дивизион в полном составе. Вся техника передана частям ОПА. Всего отрядами 5-й бригады до 16 апреля убиты 238 чел. противника, взяты в плен 498 солдат и добровольцев и захвачены многочисленные трофеи [37, л. 349–350, 358].

**Действия бронетанковых и механизированных войск на Южном берегу Крыма.** 3-й горнострелковый корпус генерала А. А. Лучинского весь день 14 апреля наступал в горно-лесистой местности вдоль дороги Карасубазар – Ускут. К исходу дня опорный пункт, в который превратили оккупанты селение Ускут, был взят 128-й гвардейской горнострелковой дивизией генерал-майора М. И. Колдубова. 63-я ТБР в ночь 14 апреля продолжала оставаться в Ени-Сала, но утром 15.04.1944 г. вернулась в Карасубазар и 12-ю танками сосредоточилась в 2 км южнее города. Здесь она оставалась до 19 апреля, проводя ремонт и подтягивая оставшиеся танки, а также по приказу командующего БТ и МВ ОПА приняв десять танков МК-IX от 85-го ОЛТП. С рассветом 19 апреля бригада составом в 43 танка выступила на марш, и к 14.30 20 апреля вышла под Севастополь, северо-восточнее с. Камары, где вошла в подчинение командира 16-го корпуса для совместных действий с пехотой по освобождению Севастополя [1, л. 25]. Но эти события произошли позднее, стоит вернуться к этапу действий на юго-востоке и юге.

БРОНЕТАНКОВЫЕ ЧАСТИ ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ В  
ОСВОБОЖДЕНИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ЮЖНОГО КРЫМА В АПРЕЛЕ 1944 ГОДА

Учитывая потери в передовом отряде 16-го СК и подвижном отряде 383-й СД, особенно в 3-м батальоне 1137-го СП (там был ранен командир батальона Б. М. Буняк), командир 16-го СК генерал К. И. Провалов сменил состав подвижного отряда – на танки 244-го ОЛТП был посажен десант 1-го батальона 1133-го СП. Таким образом, произошло объединение передовых отрядов 16-го СК и 383-й СД. 14.04.1944 г. в 7.30 произведена дозаправка танков 244-го ОЛТП и полк выступил в направлении на Алушту, и уже в 8.00 прошел село Кутлак [1, л. 23]. Сам стрелковый корпус главными силами совершил марш вдоль этой же шоссеной дороги в последовательности: 383-я, 339-я стрелковые дивизии, 255-я морская стрелковая бригада без соприкосновения с противником (только принимались пленные – непосредственно сдавшиеся или переданные от партизан). На эту дорогу, ведущую к южнобережным портам, была нацелена авиация 4-й воздушной армии (ВА) и в течение всех дней отхода противника по прибрежному шоссе, советские бомбардировщики и штурмовики постоянно наносили удары по врагу.

Передовой отряд 16-го корпуса в течение 14 апреля двигался в сторону алуштинских окрестностей очень медленно из-за завалов и мин противника [34, с. 332]. Кстати, от Совинформбюро так и не было получено сообщение об освобождении г. Алушта [38, с.184–187]. Боевые действия подвижных передовых отрядов корпусов и армий 4-го Украинского фронта в данном исследовании не рассматриваются, отсылаем заинтересованного читателя к достаточно подробному изложению этих событий в имеющейся исторической литературе [32, с. 37–51]. Однако стоит указать, что успешному продвижению частей Отдельной Приморской армии в немалой степени способствовал стремительный темп наступления 51-й армии 4-го Украинского фронта. Решающую роль в преследовании противника сыграла фронтовая подвижная группа под командованием заместителя командующего 51-й армии генерал-майора В. Н. Разуваева. В состав группы входили: 19-й танковый корпус, 279-я стрелковая дивизия, посаженная на автомашины, и 21-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, но именно танкисты корпуса играли основную роль. При этом 19-го ТК состоял из трёх танковых бригад (6-я гв. ОТБР, 79-я ТБР, 101-я ТБР) и мотострелковой бригады (26-я МСБР), двух отдельных самоходно-артиллерийских (867-й и 875-й), миномётного (179-й), гвардейского миномётного (21-й) и нескольких истребительно-противотанковых, артиллерийских и зенитно-артиллерийских полков, мотоциклетного полка и отдельных мотоциклетных батальонов, 202-й отдельной танковой роты, а также других подразделений обеспечения. В последующем все части 19-го танкового корпуса, кроме 26-й мотострелковой бригады, действующей на Алушту, продолжали преследовать и уничтожать противника в направлении Бахчисарай, Севастополь и ими 14 апреля был освобожден Бахчисарай. Но из корпуса накануне была выделена одна мотострелковая бригада на автомобилях для продвижения с мест боев под пос. Сарабуз для помощи подвижным отрядам ОПА, пехотные части которой сильно отстали от передовых групп.

Следует отметить, что названная 26-я мотострелковая бригада была без бронетехники (хотя по штату было положено в такой бригаде иметь

7 броневых автомобилей), но ей еще в начале операции был придан 875-й легкий артиллерийский полк самоходных установок в 8 машин, 1511-й ИПТАП и другие подразделения усиления [32, с. 38], и по состоянию на 14 апреля в интересах бригады действовало 6 САУ СУ-76М (поэтому стоит говорить о некоторой бронетехнике в освобождении Южного берега Крыма, не принадлежавшей БТ и МВ ОПА).

Эта подвижная часть как раз 13 апреля маршем проходит Симферополь с севера на юг, и наступает на ЮБК со стороны столицы Крыма, командир 26-й МСБР подполковник А. П. Храповицкий принимает решение о прорыве обороны противника и совместными действиями с частями ОПА овладеть южнобережным курортом. В течение дня 14.04.1944 г. силами 2-го батальона 26-й МСБР 19-го танкового корпуса 4-го Украинского фронта проводилась разведка боем позиций противника, восстановление мостов на участке Таушан-Базар - Ангарский перевал, подорванных противником дорог и проделывание проходов на минированных участках. Командующий ОПА генерал армии А.И. Ерёменко, учитывая создавшуюся ситуацию и быстрое продвижение войск 4-го Украинского фронта, принял решение послать в алуштинском направлении передовой отряд 11-го СК (командир – гв. полковник Г. С. Кравцов), усиленный двумя штрафными подразделениями (613-я отдельная штрафная рота Черноморского флота и 588-й отдельный офицерский штрафной взвод ЧФ). Этот сводный отряд прибыл в Таушан-Базар в 03:00 15.04.1944 г. Причем командарм решил лично наблюдать за проведением данной операции, и был здесь ранен [39, с. 141–142].

Немцы, используя туман и оставляя заслоны на дорогах, из Алушты уходят – утром произведена загрузка на большие десантные баржи раненных и румынских и немецких частей, не участвующих в боях. В предместьях города вспыхивают бои, и вообще взятие этого города-курорта имеет много еще неизвестного и выясняемого: например, в мемуарах А.И. Еременко «Годы возмездия, 1943–1945» описаны боевые действия на Ангарском перевале и в Алуште, как единый прорыв обороны противника и упоминается 85-й отдельный танковый полк. Но это полк находился до 18.04.1944 г. в Карасубазаре и не мог принимать участие в данной операции [1, л. 25].

Тем не менее, после 13.00 15 апреля передовые отряды 11-го гв. СК и 16-го СК во взаимодействии друг с другом освобождают Алушту. В этот курорт со стороны Судакского шоссе первой вошла разведывательная группа майора Ивана Макаровича Захарова (начальник штаба передового отряда) на бронетранспортере «Скаут», при пяти автоматчиках и двух 76-мм пушках на механической тяге, сорвав взрыв фугасов противника и уничтожение двух мостов, и огнем артиллерии потопив одну из трех барж, стоявших в Алуштинской бухте [40, л. 51–51 об]. Вслед за группой майора Захарова на окраины города вошли и тут же развернувшись, вступили в бой, как минимум три батареи 29-го ИПТАП РК. За 29-м ИПТАП вошли батареи 28-го ОИПТАД 383-й СД и 132-й минометный полк, потом в Алушту начали втягиваться подразделения различных воинских частей: 339-й СД, 383-й СД, 128-й гв. ГСД, 255-й морской СБР, 257-й армейский зенитный артиллерийский полк. Авиация противника в своих действиях ограничивалась воздушной разведкой.

Передовые отряды продолжали дальнейшее наступление по шоссейной дороге вдоль побережья на Гурзуф, а в 23.00 того же дня были в Ялте. Но не обошлось без потерь – причем вместе с частью экипажа и танкового десанта на шоссе Алушта – Ялта в 500 метрах восточнее села Никита погиб командир полка, подполковник М. Г. Малышев. Очевидцы событий оставили свои воспоминания об этом. Санинструктор Евдокия Константиновна Сикорская уже после войны в интервью корреспонденту местной прессы рассказывала: «У Феодосии наш полк разделился. На Южный берег через Судак и Алушту отправили только 10–15 танков» [41]. А старший врач 244-го танкового полка Григорий Исаакович Лесин вспоминал: «Путь от Судака в Алушту проходил по горной дороге. В Алуште полк сделал кратковременную остановку, так как горючее оказалось на исходе, а многие танки по техническим причинам, в результате поломок, отстали по дороге. Надо было ждать автоцистерны с горючим, но Малышев не мог себе этого позволить, он имел приказ преследовать противника. Комполка собрал несколько экипажей танков, посадил на них десантников и поставил боевую задачу – идти на Ялту, и сам возглавил этот небольшой отряд. Но дойти до Ялты подполковнику Малышеву было не суждено» [41]. Комполка вместе с экипажем танка подорвался возле «Никитских ворот». По воспоминаниям Е. Сикорской: «Около полуночи 15 апреля подошли к Никите. И вдруг у арки Никитского ботанического сада земля содрогнулась. Так, что я даже не поняла, что произошло. Я ехала на третьем танке и издали видела, как головной танк с командиром на борту по ошибке свернул с трассы в Никиту и содрогнулся. Это было ужасно! Он подорвался на фугасе. Как мне потом сказали, погибло четыре члена экипажа из шести. А нам приказали не останавливаться и двигаться вперед» [41]. Врач полка Г. Лесин упоминал, что «Полк был вооружен лэнд-лизовскими танками: рота танков Шерман, рота танков Валлентайн, рота танков Генерал Грант» и пришел к выводу, что из этих горящих танков с бензиновыми двигателями спастись почти невозможно. По воспоминаниям врача: «Ночью в штаб полка по радиации сообщили, что в районе Никитского Ботанического Сада танк командира полка наскочил на мину, есть раненые, и нужна срочная помощь. В мою машину срочно слили весь оставшийся бензин с других машин, и я, взяв все необходимое, направился в район, где подорвался танк комполка. Нашел дом у дороги, в одной из комнат лежали наши погибшие, в другой раненые танкисты и танкодесантники. По рассказам раненых, отряд вышел на дорогу, которая была перегорожена завалом из бревен и камней, и между ними был оставлен единственный створ, под который немцы заложили фугас большой мощности. Вместе с комполка погибло еще несколько человек. Раненых в ту ночь, после обработки, мы отправили в Алушту, где уже развернулся госпиталь. Позже сюда прибыл весь штаб полка, начштаба и замполит связались с командованием корпуса и получили указание, похоронить всех погибших со всеми воинскими почестями в Ялте. За всю войну на моих глазах это были первые похороны с полным воинским ритуалом...» [41].

Согласно именного списка безвозвратных потерь 244-го отдельного танкового полка [13, л. 81] «сожжены в танке»: механик-водитель, сержант Алексей Захарович Довбышев (1923 г.р.), пулеметчик ефрейтор Ахмед Ибрагимов (1918 г.р.), и

пулеметчик сержант Фёдор Иванович Хареев (1915 г.р.). Получили смертельные ранения: командир танка мл. лейтенант Фёдор Михайлович Столяров (1918 г.р.) и радист сержант Анатолий Николаевич Бережной (1923 г.р.), которые были похоронены на Аутском кладбище (ныне сквер Батурина). Подполковника Михаила Георгиевича Малышева (1913 г.р.) 17 апреля 1944 года торжественно похоронили в отдельной могиле на ялтинском кладбище «Коммунаров», но в 1955 году останки перезахоронили на воинском секторе Старого городского кладбища. Его именем названа одна из улиц в южном курортном городе. В июне 2020 году Никитская средняя школа стала носить имя М. Г. Малышева [42].

Танкисты Столяров, Бережной, Довбышев и Ибрагимов были награждены орденами Отечественной войны II степени (посмертно). В 1973 году на кладбище Никитского Ботанического Сада была создана братская могила, в которую были перенесены останки танкистов и других воинов из разных мест. В мае 1975 года, в честь 30-летия Победы, был установлен обелиск, и имена танкистов появились на мраморных плитах в его основании. Имя сержанта Ф. И. Хареева не указано на этих плитах, нет о нём информации ни на одном из памятников Ялты [43, с. 147]. Эта информация о захоронениях подтвердилась при посещении их местоположения автором настоящей статьи.

Из Ялты отходящие части противника также вывозились в Севастополь на быстроходных десантных баржах. Последние немецкие корабли тоже отчаливали под огнем советских танков. В итоге к 23.00 15 апреля курортная столица Крыма была освобождена во взаимодействии с партизанами 7-й бригады Южного соединения (командир Л.А. Вихман). В 23.40 244-й танковый полк (точнее то, что от него осталось – несколько больше роты танков) сосредоточился в Ялте и до 22 апреля занимался здесь ремонтом и подтягиванием оставших машин. Этот период и обстоятельства подтверждают и воспоминания очевидцев [41]. 16 апреля 1944 года танкисты попали на кадры кинохроники: танки 244-го полка с десантом проезжают по ялтинской набережной и мимо собора Александра Невского, затем в город въезжают «катюши» гвардейского минометного полка [44].

Развивая наступление, части и подразделения Отдельной Приморской армии уже без танковой поддержки овладели городом Алупка и заняли более 40 других населённых пунктов, в том числе курортные посёлки Гурзуф, Артек, Ливадия, Кореиз, Симеиз, Кикенеиз и сёла Адым-чокрак, Коклуз, Коккозы, Лимены. Подвижный отряд 16-го стрелкового корпуса к исходу дня 16 апреля овладел перевалом Байдарские ворота. Командир корпуса генерал К. И. Провалов писал: «Однако дальнейшее продвижение резко замедлилось. Дорогу на Севастополь оседлали крупные силы противотанковых средств врага, и мы потеряли здесь 12 танков. И все же к исходу следующего дня передовые части пробились к Балаклаве и завязали за нее схватку» [34, с. 334]. Сложно сказать, о каких танках вел речь комкор-16, т.к. единственная танковая часть осталась в Алуште и Ялте, да и оперативные документы однозначно говорят о подходе оставшихся 16 танков из 244-го ОЛТП в район села Варнутка под Севастополем в 20.00 22 апреля [1, л. 23]. На отчетной карте движения всех танковых частей ОПА показан путь 244-го ОЛТП из

Ялты по дороге на Ай-Петринскую яйлу и затем через Бельбекскую долину в район северо-восточнее Балаклавы [1, л. 50 (карта)]. Передвижение частей пехоты из передового отряда через горы из Ялты в сторону Коккозы и далее на севастопольские рубежи однозначно подтверждаются соответствующими документами 227-й СД – боевым распоряжением от штаба дивизии, оперативными сводками [45, л. 127; 46, л. 196].

К тому же вследствие понесенных потерь в материальной части в 18.00 «16.4.44 г. передовой отряд в составе 3-го батальона 1137-го стрелкового полка, 244-го отдельного танкового полка и 29-го истребительного противотанкового артполка был расформирован, и дальнейшее преследование отступающего противника осуществлялось передовыми отрядами соединений (по одному стрелковому батальону от каждого)» [47, л. 39]. 17 апреля основные силы частей и соединений ОПА находились: 339-й СД – пос. Массандра, 383-й СД – пос. Кореиз, 255-й МСБР – Алушта. 128-я гв. горнострелковая дивизия своим штабом и штабами полков находилась в Алуште, Гурзуфе, Ялте и Алушке, взяв под охрану и оборону ЮБК. 26-я мотострелковая бригада из состава 19-го танкового корпуса вместе со стрелковыми и артиллерийскими подразделениями, недавно составлявшими корпусной передовой отряд – в районе деревни Кучук-Кой [48, л. 2 (карта); 49, л. 2 (карта)].

А вот 257-й ОЛТП так и не достиг Южного берега. Как уже указывалось выше, днем 14 апреля этот полк въехал в пределы Симферополя и всеми ротами проследовал по маршруту Бахчисарай – Биюк-Сюрень – Коккозы, с планом перевалить Ай-Петринскую яйлу. В 6 часов утра танкисты вышли к Биюк-Сюрени, а к исходу дня поднялись со своими танками в горы, сосредоточившись в 1,5 км севернее отрогов горы Ай-Петри. Но дальнейшее движение бронетехники по шоссе на Ялту было невозможным – противник основательно повредил взрывами дорогу. К тому же отечественные историки указывают на глубокий снег в районе горных плато [19, с. 61–62]. Есть сведения, что танки полка поддерживали огнем наступающие на Ялту войска соединений ОПА, а после взятия этого курорта по распоряжению штаба 227-й стрелковой дивизии ОЛТП возвратился к 12.00 17 апреля в с. Коккозы, затем совершил марш и к 16.00 19 апреля сосредоточился в районе восточнее с. Камары в готовности к предстоящим боям по освобождению Севастополя [1, л. 24].

Еще 15 апреля на подступы к Севастополю вышли главные силы 2-й гвардейской и 51-й армий 4-го Украинского фронта. Не ожидая подхода к Севастополю войск Отдельной Приморской армии, командование этого фронта решило с ходу взять «крепость Севастополь» (так называло тогда немецкое командование свой плацдарм в районе Севастополя). И уже 15 апреля Ф. И. Толбухин поставил войскам фронта задачу овладеть Севастополем. Но сделать это не удалось, пришлось усиливать и перегруппировывать войска. Участие бронетанковых и механизированных войск в штурмах последнего оплота вражеских сил на Крымском полуострове – тема отдельного исследования.

По состоянию на 18 апреля 1944 г., танковые части ОПА находились в соответствующем положении, имели определенный состав и обеспеченность,

который отражен в существующих документах оперативного характера [50, л. 135]. Так, 63-я ТБР находилась в районе Карасубазара, имела 43 танка в строю (2 – КВ, 1 – Т-34, 10 – М4А2, 8 – Мк-9, 10 – Мк3, 12 – М3л), боеприпасов – один боекомплект, заправка одна, продовольствия на 3 суток. 85-й ОЛТП сосредотачивался в районе Биюк-Сюрень, имея в строю 21 танк (12 – Т-34, 5 – М3л, 4 – Т-26), боеприпасов два боекомплекта, одну заправку и продуктов на 5 суток. 224-й ОЛТП находился в районе Алушты, в полку на ходу было 27 танков (8 – М4А2, 3 – М3с, 2 – Мк3, 14 – М3л), обеспеченных полуторным боекомплект, одной заправкой и семью сутодачами. 257-й ОЛТП базировался в районе Камары с 28 танками на ходу (16 – М4А2, 5 – Мк3, 7 – М3л), боеприпасов в полку – один боекомплект, заправка одна, продовольствия на 3 суток. 1449-й самоходный артполк находился в районе Карасубазара, имея только 5 СУ-122 и один танк Т-34, обеспеченность его боеприпасами два боекомплекта, две заправки и продуктов на 8 суток. Всего по БТ и МВ ОПА на ходу было 125 танков и САУ, тяжелых при этом буквально несколько единиц, как впрочем и легких, подавляющее большинство – это средние танки, как правило, зарубежного производства (советских Т-34 было только 14 машин). Всего, за время операции по освобождению Юго-Восточного Крыма и Южного берега было по разным причинам утрачено не менее 90 танков. Как показывают исследования, подавляющее число таких потерь – из-за действий противника и технических неполадок, хотя следует специально отметить: достаточно хорошо работали ремонтные части и подразделения, возвращая в строй многие машины.

**Обеспечение действий танковых частей.** Для эвакуации и ремонта танков к началу операции в подчинении командующего БТ и МВ ОПА находились 138-я подвижная ремонтная база, 18-я армейская ремонтно-восстановительная база, склад бронетанкового имущества №2276, 58-я и 60-я эвакуационно-транспортные роты и 58-й сборный пункт аварийных машин (СПАМ) [1, л. 35]. Организация эвакуации танков обеспечивалась средствами самих танковых частей и указанными армейскими эвакуаторами. За время всей операции до середины мая средствами полков и бригады было эвакуировано 10 единиц, а двумя ротами – вывоз подбитых или отставших в пути и сосредоточение на железнодорожных станциях для отправки в капитальный ремонт и на армейский СПАМ. Всего за весь период от начала наступления до освобождения Севастополя эти эвакуаторы сосредоточили на станциях железной дороги 53 танка, а на армейский СПАМ эвакуировали 32 танка. Кроме того, в порядке помощи трофейному отделу ОПА эвакуаторы отбуксировали в пункты сбора металлолома 41 танк противника (по сути, эта численность свидетельствует о количестве германских и румынских танков в полосе наступления армии).

Ремонт боевой материальной части производился указанными выше 138-й и 18-й базами, а также ремонтно-техническими отделениями танковых частей на местах повреждений. Причем были выявлены специфические поломки пи условиях стремительного наступления: на танках «Шерман» ломались приводы вентилятора и диска главного фрикциона (из-за чего остановились 18 танков), а на Т-34 после пробега до 300 км выходили из строя поддерживающие катки и отслаивался резиновый бандаж (всего из-за этих технических неполадок вышло из строя 20

танков). Всего же за период боевых действий в Крыму и Севастополе средствами армии и самих частей произведено текущих ремонтов 126 танков и на 90 машинах – средний ремонт. Агрегатов отремонтировали 18 единиц средним ремонтом, и 12 – капитальным ремонтом [1, л. 36].

Следует отметить, что в период проведения операции через Керченский пролив производилось пополнение танками действующих частей. При этом данных о прибытии новых танков в обобщенных сводках БТ и МВ ОПА не найдено, однако в документальной хронике флота такие сведения приведены. Так, в апреле посредством морских средств через пролив были переправлены минимум 21 танк: 6 апреля – один танк, 10 апреля – 7 танков, 11 апреля – 5 танков, 16 апреля – 7 танков КВ, 22 апреля – один танк [51, с. 228, 241, 245, 260, 267]. Вошли ли эти танки в общую численность техники бронетанковых частей, и каких конкретно, остается пока непонятным.

Материально-техническое обеспечение было организовано в целом удовлетворительно, хотя и были отдельные проблемы. На 10 апреля, перед наступлением ОПА, во всех танковых частях имелось по три заправки горюче-смазочными материалами всех видов. Впоследствии подвоз ГСМ с армейских баз в части производился средствами частей и армейским транспортом. Выдача и подвоз запасных частей и агрегатов производился в основном средствами складов. Получение и монтаж агрегатов на танки производился ремонтными частями управления БТ и МВ ОПА. За весь период боевых действий поставлено 55 моторов, из которых подавляющее большинство – танковые двигатели зарубежного производства [1, л. 36]. Укажем и на недостатки, прежде всего задержки ремонтов – из-за несвоевременной переправы 18-й ремонтной базы через Керченский пролив (прибыла в Крым только через 13 дней после начала операции). Также имели место перебои в снабжении бензином из-за недостатка автотранспорта в частях и из-за большой изношенности наличных автомашин, которые сами не раз ремонтировались по ходу развития событий.

**Взаимодействие видов и родов войск с танкистами.** С первых же дней операции, несмотря на быстрый темп продвижения наступающих войск, взаимодействие между танковыми частями и авиацией в процессе преследования противника было тесным. Характерной особенностью управления боевыми действиями частей 4-й ВА в ходе операции являлась его организация непосредственно с поля боя. Как в подготовительный период, так и в ходе авиационного преследования, командиры штурмовых авиадивизий, находясь со средствами связи в наземных войсках (в подвижных отрядах наступающих войск) осуществляли управление с поля боя. Так, выносной пункт управления командира 214-й штурмовой авиационной дивизии (полки которой летали в основном на штурмовиках Ил-2) с радиостанцией наведения и опергруппой штаба дивизии двигался совместно со штабом 11-го гвардейского стрелкового корпуса. В подвижную группу этого стрелкового корпуса был выделен офицер оперативного или разведотдела штаба дивизии со средствами связи [52, л. 29, 45]. Командир 230-й штурмовой авиадивизии гвардии полковник С. Г. Гетьман со своей радиостанцией

двигался за наступающими передовыми подвижными частями 3-го горнострелкового корпуса и развертывал радиостанцию и свой КП в 1–2 км от переднего края. Так, рано утром 13.4.1944 г. Гетьман двигался даже впереди танковых частей подвижных отрядов корпуса и армии и в районе 2 км северо-восточнее с. Изюмовка (восточнее Старого Крыма) был вынужден приостановить свое движение с радиостанцией наведения и ее нарядом в ожидании подхода танковых частей, приданных 16-му гвардейскому стрелковому корпусу. После прихода танковой колонны вслед за ней начал движение на с. Шах-Мурза (западнее Старого Крыма). Командир дивизии имел в своем распоряжении две полутонные автомашины с необходимым запасом горючего, две радиостанции (одна РСБ и одна В-100), сигнальные полотнища и команду в 25 человек [53, л. 144–145]. Имея двухстороннюю связь с самолетами своих частей в воздухе и со штабом дивизии, командир 230-й штурмовой авиадивизии имел возможность своевременно перенацеливать свою авиацию, вызывать новые группы с аэродромов по тем целям, которые он наблюдал или получал от передовых частей. Таким образом, оказывалось своевременное и эффективное содействие передовым подвижным отрядам в разгроме и преследовании ими отступающих войск противника. Каждый командир штурмовой дивизии руководил авиацией со своего КП непосредственно с переднего края, самостоятельно принимая решение в зависимости от изменений в боевой обстановке. Командир дивизии, непрерывно поддерживая двухстороннюю связь с самолетами в воздухе, всегда был в курсе обстановки и получал все разведанные, необходимые для принятия решений. Поэтому взаимодействие танкистов с авиаторами было налажено достаточно эффективно: танковые части были прикрыты авиацией, их дальнейший путь разведывался с воздуха, а танкисты, в свою очередь уточняли цели авиаударов, быстро захватывали новые территории, куда впоследствии перебрасывались части ВВС. Так именно танковые полки ОПА первыми прошли районы аэродромов на Керченском полуострове, в районе сёл Цюрихталь и Карагоз.

О взаимодействии танковых формирований с артиллерией, частями реактивных минометов и инженерными частями свидетельствует само создание в армии и во всех корпусах подвижных групп из стрелковых, танковых, артиллерийских и инженерных частей. Так, в состав подвижной группы 16-го стрелкового корпуса были выделены главные силы 339-й стрелковой дивизии (без одного полка), 244-й танковый полк, 29-й истребительно-противотанковый и 272-й зенитно-артиллерийский полки, рота 97-го инженерно-минного батальона. Армейскую подвижную группу составляла 227-я стрелковая дивизия, усиленная 257-м танковым полком, артиллерией и инженерными подразделениями. В целом, одной из отличительных черт Крымской операции является четкая организация и осуществление в ходе наступления взаимодействия родов войск [54]. Умелые и решительные действия пехоты и танков, быстро и по ситуации использовавших удары артиллерии и авиации, обеспечивали высокие темпы наступления войск ОПА как на равнине, так и в условиях сложной местности горнолесной части Крыма.

Итак, к концу второй декады апреля 1944 года боевые действия бронетанковых частей на юго-востоке и юге Крыма закончились, продемонстрировав как сложности

БРОНЕТАНКОВЫЕ ЧАСТИ ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ В  
ОСВОБОЖДЕНИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ЮЖНОГО КРЫМА В АПРЕЛЕ 1944 ГОДА

их проведения, так и высокий уровень взаимодействия, самостоятельность и находчивость танкистов, оторванных от основных сил. Передовые части, в составе которых были танковые формирования, менее чем за неделю с боями прошли расстояние более 300 км, от Керчи до севастопольских окрестностей. Были освобождены многие знаковые для любого крымчанина населенные пункты – Керчь, Феодосия, Старый Крым, Кировское (тогда Ислам-Терек), Судак, Белогорск (тогда Карасубазар), Симферополь, Алушта, Ялта, южнобережные посёлки. Захвачены огромные трофеи, уничтожены или пленены тысячи военнослужащих германской и румынской армий. Были определены недостатки в этом наступлении, прежде всего, объективно обусловленные слабыми возможностями тылового обеспечения, но они не стали решающим фактором соответствующего этапа борьбы за Крым. Потери, особенно личного состава, были относительно невелики, но, даже теряя отдельные экипажи и самих танкистов, армия лишалась опытных командиров и бойцов, погибших за освобождение Крыма. По мнению автора, память о них следует сохранять, и преумножать знания об их боевой деятельности в годы войны. Как своеобразный символ памяти о действиях бронетанковых частей Отдельной Приморской армии можно воспринимать название села Танковое Бахчисарайского района (во время войны - Биюк-Сюрень), через которое для освобождения Южного берега Крыма продвигались танки упомянутой армии. Слава советским танкистам – освободителям Крыма!

**Список использованных источников и литературы**

1. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 449. Оп. 9973. Д. 33.  
Central'nyj arxiv Ministerstva Oborony` (CzAMO). F. 449. Op. 9973. D. 33.
2. Танки ленд-лиза в Красной Армии // Танк на поле боя. – 2005. – № 8. – 50 с.  
Tanki lend-liza v Krasnoj Armii // Tank na pole boya. – 2005. – № 8. – 50 s.
3. ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 503.  
CzAMO. F. 244. Op. 3000. D. 503.
4. ЦАМО. Ф. 449. Оп. 9921. Д. 47.  
CzAMO. F. 449. Op. 9921. D. 47.
5. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны / Военно-научное управление Генерального штаба. М.: Воениздат, 1948. – Т. 6. – 140 с.  
Sbornik boevy`x dokumentov Velikoj Otechestvennoj vojny` / General'nyj Shtab. Voenno-nauchnoe upravlenie. T. 6. – M.: Voenizdat, 1948. – 140 s.
6. Еременко А. И. Годы возмездия. 1943–1945. – М.: Наука, 1969. – 598 с.  
Eremenko A. I. Gody` vozmezdiya. 1943–1945. – M.: Nauka, 1969. – 598 s.
7. Ткаченко С. Н., Верешков И. Н. Победа и трагедия. Освобождение Старого Крыма в апреле 1944 года: известные факты и новейшие данные. – Симферополь: Антиква, 2023. – 106 с.  
Tkachenko S. N., Vereshkov I. N. Pobeda i tragediya. Osvobozhdenie Starogo Kry`ma v aprele 1944 goda: izvestny`e fakty` i novejshie danny`e. – Simferopol`: Antikva, 2023. – 106 s.
8. ЦАМО. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 12.  
CzAMO. F. 3162. Op. 1. D. 12.
9. ЦАМО. Ф. 4303. Оп. 0254987с. Д. 4.  
CzAMO. F. 4303. Op. 0254987s. D. 4.
10. Гарайс М. 98-я пехотная дивизия, 1939–1945 / [пер. с нем.] – М.: Центрполиграф, 2013. – 351 с.  
Garajs M. 98-ya pexotnaya diviziya, 1939–1945 / [per. s nem.] – M.: Centrpoligraf, 2013. – 351 s.
11. ЦАМО. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 11.

- CzAMO. F. 3162. Op. 1. D. 11.  
 12. ЦАМО. Ф. 3162. Оп. 1. Д. 20.  
 CzAMO. F. 3162. Op. 1. D. 20.  
 13. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 605.  
 CzAMO. F. 33. Op. 11458. D. 605.  
 14. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 11459. Д. 474.  
 CzAMO. F. 33. Op. 11459. D. 474.  
 15. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 660.  
 CzAMO. F. 33. Op. 682526. D. 660.  
 16. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3101.  
 CzAMO. F. 33. Op. 690155. D. 3101.  
 17. ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977521. Д. 628.  
 CzAMO. F. 58. Op. 977521. D. 628.  
 18. ЦАМО. Ф. 3162. Оп. 2. Д. 9а.  
 CzAMO. F. 3162. Op. 2. D. 9а.  
 19. Коротков И. С. Колтунов Г. А. Освобождение Крыма. – М.: Воениздат, 1959. – 102 с.  
 Korotkov I. S. Koltunov G. A. Osvobozhdenie Kry`ma. – М.: Voenizdat, 1959. – 102 s.  
 20. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 2274  
 CzAMO. F. 33. Op. 690155. D. 2274.  
 21. ЦАМО. Ф. 449. Оп. 9973. Д. 48.  
 CzAMO. F. 449. Op. 9973. D. 48.  
 22. ЦАМО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 45.  
 CzAMO. F. 811. Op. 1. D. 45.  
 23. Мельник А. Где шли когда-то бои...: [воспоминания] // Кировец. – 1983 г. – 12 апреля.  
 Mel`nik A. Gde shli kogda-to boi... [vospominaniya] // Kirovecz. – 1983 g. – 12 aprelya.  
 24. Осипов В. Бои с коричневой чумой [воспоминания П.К. Козикова] // Кировец. – 1988 г. – 13 апреля.  
 Osipov V. Boi s korichnevoj chumoj [vospominaniya P.K. Kozikova] // Kirovecz. – 1988 g. – 13 aprelya.  
 25. ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11385. Д. 118.  
 CzAMO. F. 38. Op. 11385. D. 118.  
 26. ЦАМО. Ф. 449. Оп. 9921. Д. 141.  
 CzAMO. F. 449. Op. 9921. D. 141.  
 27. ЦАМО. Ф. 449. Оп. 9921. Д. 104.  
 CzAMO. F. 449. Op. 9921. D. 104.  
 28. ЦАМО. Ф. 449. Оп. 9921. Д. 107.  
 CzAMO. F. 449. Op. 9921. D. 107.  
 29. Освобождение Крыма / И. Коротков, С. Шишкин. – М.: Госполитиздат, 1944. – 51 с.  
 Osvobozhdenie Kry`ma / I. Korotkov, S. Shishkin. – М.: Gospolitizdat, 1944. – 51 s.  
 30. Крым, 1944: Весна освобождения / авт.-сост. С.Н. Ткаченко. – М.: Вече, 2014. – 512 с.  
 Kry`m, 1944: Vesna osvobozhdeniya / avt.-sost. S.N. Tkachenko. – М.: Veche, 2014. – 512 s.  
 31. Ак-Монайский узел. Боевые действия в Юго-Восточном Крыму в годы Великой Отечественной войны / С. Н. Ткаченко, В. В. Соцкий, А. Ю. Бутовский. – Симферополь: ИП Бровко, 2019. – 468 с.  
 Ak-Monajskij uzel. Voevy`e dejstviya v Yugo-Vostochnom Kry`mu v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` / S. N. Tkachenko, V. V. Soczkij, A.Yu. Butovskij. – Simferopol` : IP Brovko, 2019. – 468 s.  
 32. Мощанский И. Б. Освобождение Крыма: Крымская стратегическая наступательная операция 8 апреля – 12 мая 1944 года / И. Мощанский, И. Хохлов. – М.: БТВ-МН, 2006. – 84 с.  
 Moshhanskij I. B. Osvobozhdenie Kry`ma: Kry`mskaya strategicheskaya nastupatel`naya operaciya 8 aprelya – 12 maya 1944 goda / I. Moshhanskij, I. Nonlov. – М.: BTV-MN, 2006. – 84 s.  
 33. ЦАМО. Ф. 849. Оп. 1. Д. 29.  
 CzAMO. F. 849. Op. 1. D. 29.  
 34. Провалов К. И. В огне передовых линий. – М.: Воениздат, 1981. – 351 с.  
 Provalov K. I. V ogne peredovy`x linij. – М.: Voenizdat, 1981. – 351 s.

БРОНЕТАНКОВЫЕ ЧАСТИ ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ В  
ОСВОБОЖДЕНИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ЮЖНОГО КРЫМА В АПРЕЛЕ 1944 ГОДА

35. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686043. Д. 43.  
CzAMO. F. 33. Op. 686043. D. 43.
36. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 2 / Пред. ред. коллегии И. Н. Шкадов. – М.: Воениздат, 1988. – 863 с.  
Geroi Sovetskogo Soyuza: Kratkij biograficheskiy slovar`. T. 2 / Pred. red. kollegii I. N. Shkadov. – M.: Voenizdat, 1988. – 863 s.
37. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-849. Оп. 2. Д. 290.  
Gosudarstvennyj arxiv Respubliki Kry`m (GARK). F. P-849. Op. 2. D. 290.
38. Сообщения Советского Информбюро. Т. 6. Январь – июнь 1944 г. – М., 1944. – 434 с.  
Soobshheniya Sovetskogo Informbyuro. T. 6. Yanvar` – iyun` 1944 g. – M., 1944. – 434 s.
39. Еременко А. И. Годы возмездия. 1943–1945.– 2-е изд. – М.: Финансы и статистика, 1985. – 424 с.  
Eremenko A. I. Gody` vozmezdiya. 1943–1945.– 2-e izd. – M.: Finansy` i statistika, 1985. – 424 s.
40. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3763.  
CzAMO. F. 33. Op. 690155. D. 3763.
41. Булавинцева Евгения. О памятнике танкистам – освободителям Ялты // Ялтинские вести. – 2022. – №15 (368). – 23 апреля.  
Bulavinceva Evgeniya. O pamyatnike tankistam – osvoboditelyam Yalty` // Yaltinskie vesti. — 2022. – №15 (368). 23 aprelya.
42. Никитской средней школе присвоено имя Михаила Георгиевича Малышева [Электронный ресурс]. – URL: <https://yalta.rk.gov.ru/articles/80390b6c-d596-49d5-bd7c-f14d3c51f822>  
Nikitskoj srednej shkole prisvoeno imya Mixaila Georgievicha Maly`sheva [E`lektronnyj resurs]. – URL: <https://yalta.rk.gov.ru/articles/80390b6c-d596-49d5-bd7c-f14d3c51f822>
43. Памятники и памятные места в Республике Крым, связанные с событиями Великой Отечественной войны 1941-1945 годов / [М-во внутренней политики, информ. и связи Респ. Крым]. – Симферополь: Таврида, 2015. – 496 с.  
Pamyatniki i pamyatny`e mesta v Respublike Kry`m, svyazanny`e s soby`tiyami Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941-1945 godov / [M-vo vnutrennej politiki, inform. i svyazi Resp. Kry`m]. – Simferopol`: Tavrida, 2015. – 496 s.
44. Как освобождали Ялту - видеохроника 16 апреля 1944 [Электронный ресурс]. – URL: <https://ai-petri.com/blog/kak-osvobozhdali-yaltu-videoxronika-16-a/>  
Kak osvobozhdali Yaltu - videoxronika 16 aprelya 1944 [E`lektronnyj resurs]. – URL: <https://ai-petri.com/blog/kak-osvobozhdali-yaltu-videoxronika-16-a/>
45. ЦАМО. Ф. 1502. Оп. 1. Д. 7.  
CzAMO. F. 1502. Op. 1. D. 7.
46. ЦАМО. Ф. 1502. Оп. 1. Д. 11.  
CzAMO. F. 1502. Op. 1. D. 11.
47. ЦАМО. Ф. 849. Оп. 1. Д. 54.  
CzAMO. F. 849. Op. 1. D. 54.
48. ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 819.  
CzAMO. F. 244. Op. 3000. D. 819.
49. ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 820.  
CzAMO. F. 244. Op. 3000. D. 820.
50. ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 550.  
CzAMO. F. 244. Op. 3000. D. 550.
51. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 6. – М.: Воениздат, 1951. – 552 с.  
Xronika Velikoj Otechestvennoj vojny` Sovetskogo Soyuza na Chernomorskom teatre. Vy`p. 6. – M.: Voenizdat, 1951. – 552 s
52. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 4798. Д. 264.  
CzAMO. F. 319. Op. 4798. D. 264.
53. ЦАМО. Ф. 319. Оп. 4798. Д. 143.  
CzAMO. F. 319. Op. 4798. D. 143.

54. Ткаченко С. Н. Советское военное искусство в Крымской стратегической наступательной операции (апрель – май 1944 г.) // Крым, 1944: Весна освобождения / авт.-сост. С. Н. Ткаченко. – М.: Вече, 2014. – с. 484-501.

Tkachenko S. N. Sovetskoe voennoe iskusstvo v Kry`mskoj strategicheskoy nastupatel`noj operacii (aprel` – maj 1944 g.) // Kry`m, 1944: Vesna osvobozhdeniya / avt.-sost. S. N. Tkachenko. – M.: Veche, 2014. – s. 484-501.

#### **Список использованных сокращений**

БТ и МВ – бронетанковые и механизированные войска  
ВА – воздушная армия  
ВВС – военно-воздушные силы  
гв. – гвардейский  
ГСД – горнострелковая дивизия  
ГСК – горнострелковый корпус  
дер. - деревня  
ж.д. ст. – железнодорожная станция  
ИПТАД – истребительный противотанковый артиллерийский дивизион  
ИПТАП – истребительный отдельный противотанковый артиллерийский полк  
КП – командный пункт  
МСБР – мотострелковая бригада  
ОИПТАД – отдельный истребительный противотанковый артиллерийский дивизион  
ОЛТП – отдельный линейный танковый полк  
ОПА – Отдельная Приморская армия  
ОТБР – отдельная танковая бригада  
пос. - поселок  
с. - село  
САП – самоходный артиллерийский полк  
САУ – самоходная артиллерийская установка  
СБР – стрелковая бригада  
СД – стрелковая дивизия  
СК – стрелковый корпус  
СП – стрелковый полк  
ТБР – танковая бригада  
ЮБК – Южный берег Крыма

#### **Старые и новые названия упомянутых населенных пунктов**

Аджи-Бей – ныне не существует (Судакский городской округ)  
Адым-чокрак – ныне не существует (Бахчисарайский район)  
Ак-Монай – с. Каменское Ленинского района  
Ак-Монай, ж.д. ст. – ныне станция Петрово, восточнее ж.д. ст. Владиславовка  
Акчора – с. Долинное Кировского района  
Аптак – ныне часть с. Васильковое Кировского района  
Байрач – ныне часть с. Журавки Кировского района  
Барак – с. Синицыно Кировского района  
Биук-Сюрень – с. Танковое Бахчисарайского района  
Ближние Камыши – ныне район г. Феодосия  
Варнутка – с. Гончарное Балаклавского муниципального округа города Севастополя  
Дальние Камыши – пгт. Приморский Феодосийского городского округа  
Джума-Эли – ныне часть с. Приветное Кировского района  
Ени-Сала – с. Красносёловка Белогорского района  
Ислам-Терек – пгт. Кировское Кировского района  
Камары – с. Оборонное Балаклавского муниципального округа города Севастополя

**БРОНЕТАНКОВЫЕ ЧАСТИ ОТДЕЛЬНОЙ ПРИМОРСКОЙ АРМИИ В  
ОСВОБОЖДЕНИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО И ЮЖНОГО КРЫМА В АПРЕЛЕ 1944 ГОДА**

Карагоз – с. Первомайское Кировского района  
Карасубазар – г. Белогорск Белогорского района  
Карасубаши – с. Карасевка Белогорского района  
Кикенеиз – с. Оползневое Ялтинского городского округа  
Кишлав – с. Курское Белогорского района  
Коккозы – с. Соколиное Бахчисарайского района  
Коклуз – с. Богатое Ущелье Бахчисарайского района  
Крым-Шибань – ныне не существует (Ленинский район)  
Кулеча-Мечеть – с. Новопокровка Кировского района  
Куру-Узень – с. Солнечногорское Алуштинского городского округа  
Кутлак – с. Веселое Судакского городского округа  
Кучук-Кой – пгт. Парковое Ялтинского городского округа  
Кучук-Узень – с. Малореченское Алуштинского городского округа  
Лимены – пгт. Голубой Залив Ялтинского городского округа  
Малый Бурундук – с. Муромское Белогорского района  
Надежда-Шолтак – с. Надежда Советского района  
Насыпкой – с. Насыпное Феодосийского городского округа  
Нейзац – с. Красногорское Белогорского района  
Ново-Царицыно – с. Садовое Нижнегорского района  
Новый Карабай – с. Возрождение Кировского района  
Османчик – с. Холодовка Судакского городского округа  
Отузы – с. Щебетовка Феодосийского городского округа  
Салы – с. Грушевка Судакского городского округа  
Сарабуз – пгт. Гвардейское Симферопольского района  
Сартана – с. Алексеевка Белогорского района  
Сеит-Асан – с. Васильковское Кировского района  
Субаш – ныне часть с. Приветное Кировского района  
Суук-Су – с. Лесное Судакского городского округа  
Тама – ныне не существует (Белогорский район)  
Таракташ – с. Дачное Судакского городского округа  
Таушан-Базар – с. Привольное Симферопольского района  
Тохтаба – ныне не существует (Кировский район)  
Улу-Узень – с. Генеральское Алуштинского городского округа  
Ускут – с. Приветное Алуштинского городского округа  
Фриденталь – с. Курортное Белогорского района  
Цюрихталь – с. Золотое Поле Кировского района  
Шах-Мурза – ныне не существует, находилась западнее г. Старый Крым

**Tkachenko S. N. Armored units of the Separate Primorsky Army in the liberation of the Southeastern and Southern Crimea in april 1944**

The quantitative and qualitative composition of armored units of the Separate Primorsky Army on the eve and during the first stage of the Crimean offensive operation in April 1944 is disclosed, and the main combat operations of these units are described. The events of the liberation of settlements in Southeastern Crimea, which were not previously reflected in the historiography of the war, are described in particular detail; problems are identified and tasks are set for further studies of the actions of Soviet troops on the Southern coast of Crimea. For the first time in historiography, detailed information is given about tankers who died during the fighting and the places of their primary burial. Using archival documents, narrative sources and analyzing the available research, the study reconstructed and presented a number of previously unknown moments in the history of the liberation of Crimea, clarified some circumstances of known events.

Keywords: armored troops, tank regiment, tank brigade, combat operations, mobile detachment, advance group, march, battle, logistics, tankmans, Stary Crimea city, Feodosia, Sudak, Alushta, Yalta, Crimea.

УДК 94(569.4)"1917/1948"

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-1-163-181

## АРАБСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПАЛЕСТИНЕ В 1936–1939 ГОДАХ И ПОЛИТИКА СТРАНЫ-МАНДАТАРИЯ

*Щевелев С. С.*

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского  
г. Симферополь, Российская Федерация  
E-mail: shevelevss57@gmail.com*

Прослеживается процесс постепенной трансформации англо-арабских и англо-еврейских отношений в Палестине в период мандатного управления. Значительное внимание в работе уделено анализу национального движения палестинских арабов в 30-е годы, которое имело антиеврейскую и антибританскую направленность. Была исследована ситуация в арабской и еврейской общинах Палестины, рассмотрены причины, ход и последствия арабского восстания 1936 – 1939 годов. Раскрыты идеологические установки арабских и еврейских партий и организаций в Палестине в период мандатного управления, их практическая деятельность. Освещается деятельность королевских комиссий в Палестине в 30-е годы XX века. Рассмотрены их рекомендации по разделу Палестины на арабское и еврейское государства, при контроле Великобританией части страны. Эти планы не были претворены в жизнь. Белая книга 1939 года рекомендовала на 10 лет «заморозить» ситуацию в Палестине. Всё это свидетельствовало о кризисе мандатной системы в Палестине и неспособности страны-мандатария контролировать ситуацию в стране в рамках мандата.

**Ключевые слова:** Палестина, палестинцы, евреи, мандат, Великобритания, Лига Наций, Королевские комиссии, Высший арабский комитет, Еврейское Агентство, Всемирная сионистская организация.

Накануне арабского восстания ситуация в подмандатной Палестине неуклонно накалялась. Кровавые события 1929 года в Иерусалиме, резня в Хевроне, где были убиты 67 евреев и десятки ранены, постоянные вооружённые стычки, в ходе которых по официальным английским данным погибли 133 еврея и 116 арабов, еврейская колонизация Палестины, категорическое непризнание права евреев на проживание в стране со стороны Арабского палестинского конгресса (АПК), а затем, после его роспуска, Высшим арабским комитетом (ВАК), Верховного муфтия Палестины Амина аль-Хусейни (сначала именовавшегося Верховным муфтием Иерусалима – С. Щ.) приводили к росту арабо-еврейского противостояния, в конце концов вылившегося в арабское восстание 1936–1939 годов [1, с. 232; 2, с. 40]. Не стоит забывать и о политике лавирования между арабами и евреями со стороны мандатной администрации, правительства Великобритании, Постоянной мандатной комиссии Лиги Наций, проявлявшейся в уступках то одной общине, то другой.

Председатель Исполкома Еврейского Агентства в Палестине Давид Бен-Гурион, заложивший в 20-х годах фундаментальные основы будущего сионистского государства, писал в это время: «Мы и они (арабы – С. Щ.) хотим Палестину и это фундаментальный конфликт» [3, с. 600].

Так как у арабов Палестины к началу действия мандата Великобритании не было официального лидера, первый Верховный комиссар Палестины Герберт Сэмюэль придумал титул Верховного муфтия Иерусалима. В 1921 году коллегия выборщиков, состоявшая из традиционных лидеров мусульман Палестины, выдвинула на этот пост трёх кандидатов, а мандатное правительство утвердило одного из них – хадж Амина аль-Хусейни. 11 апреля 1921 года Герберт Сэмюэль встретился с ним и получил заверения от имени муфтия и его клана в том, что их деятельность будет направлена на достижение спокойствия в стране. Через три недели начались кровавые события в Яффе, перекинувшиеся на другие города и деревни палестины, в ходе которых погибло 43 еврея [4, с. 355–356].

Некоторые арабские исследователи считают началом восстания вооружённое столкновение группы Изз ад-Дина аль-Кассам численностью от 10 до 25 человек 20 ноября 1935 года в районе Дженина с английскими военными. В ходе боя аль-Кассам и его четверо единомышленников погибли [5, с. 22; 6, с. 202]. До своей гибели аль-Кассам создал организацию под названием «Чёрная рука», члены которой убили трёх жителей кибуца Ягур, отца и сына из Нахальяля, сжигали посевы, вырубали деревья в еврейских поселениях, повреждали линии электропередач и железнодорожное полотно [7, с. 153].

На самом деле арабское восстание началось в апреле 1936 года, когда в Наблусе, Яффе, а затем в других городах Палестины были созданы арабские комитеты для руководства всеобщей стачкой. Инициатором создания этих комитетов стала партия Хизб аль-Истикляль аль-Араби (Арабская партия независимости, далее Истикляль – С. Щ.). Эту забастовку поддержали партии Хусейни и Нашашибби – двух традиционно воюющих друг с другом кланов [8, с. 28]. Истикляль в 1932 году основал Ауни Абд аль-Хади (1889–1970) – один из организаторов Первого арабского конгресса на Парижской мирной конференции 1919–1920 годов.

13 апреля 1936 года арабами был убит еврейский иммигрант Израэль Хазан. 15 апреля 1936 года арабы расстреляли грузовик с евреями, убив двух из них. Через два дня члены ревизионистского крыла Хаганы в отместку убивают двух арабов. На следующий день арабы убивают 16 евреев в Яффе [9, с. 131; 10, с. 19]. Волна убийств накрывает Наблус, Яффу, Тель-Авив, север Палестины. 14 мая в Иерусалиме были убиты 2 еврея, 16 мая араб открыл стрельбу в кинотеатре «Эдисон», погибли трое евреев [11, с. 168]. Подобные террористические акты охватили практически всю Палестину.

В сельской местности стали формироваться вооружённые отряды арабов, нападавшие на еврейские поселения, полицейских, британские патрули. 20 апреля 1936 года Арабский национальный комитет Наблуса объявил всеобщую стачку [12, с. 96]. 21 апреля лидеры пяти арабских политических партий также объявили всеобщую забастовку в Палестине [13, с. 214].

25 апреля было объявлено о создании Высшего арабского комитета (аль-Ладжна аль-Арабийя аль-Улия), во главе с Верховным муфтием Амином аль-Хусейни. Также в руководство ВАК вошли представители кланов Хусейни и Нашашибби, политические и религиозные лидеры, в том числе Ауни Абд аль-Хади – генеральный

секретарь ВАК, лидер партии Истикляль, Ахмад Хильми, президент партии Национальной обороны Раджеб Нашашаби [8, с. 28; 12, с. 96].

25 и 27 апреля, ВАК передал Верховному комиссару послание, содержащее требования: прекращение еврейской иммиграции, запрет продажи земли в Палестине евреям и создание правительства в Палестине на основе пропорциональных населению выборов [7, с. 156; 14, с. 20]. В ответ Верховный комиссар потребовал «прекратить восстание» [14, с. 23]. 5 мая 1936 года на встрече с делегацией ВАК Верховный комиссар потребовал от ВАК прекратить «пропаганду жестокости и саботажа среди арабов». В ответ члены ВАК заявили, что они не причастны к вооружённым столкновениям в Палестине [13, с. 214].

В этот же день в Иерусалиме были арестованы лидеры Арабского стачечного комитета. 6 мая ВАК опубликовал заявление за подписью его генерального секретаря и одновременно основателя и руководителя партии Истикляль Ауни Абд аль-Хади, в котором подчёркивалось, что арабы «ни при каких обстоятельствах не позволят «иудаизировать» Святую землю» [11, с. 167].

7 мая 1936 года ВАК выступил с призывом к палестинцам, в котором они призывались бастовать до выполнения правительством Великобритании требований ВАК от 25 и 27 апреля 1936 года, а именно: прекращение еврейской иммиграции, запрета евреям приобретать землю в Палестине. При этом, один из пунктов ещё одного обращения от 25 ноября 1935 года, а именно – «образование демократического правительства», был сформулирован по-новому: «создание национального правительства» (читай арабского – С. Щ.) [12, с. 97; 7, с. 156].

8 мая в Иерусалиме конференция Арабских национальных комитетов потребовала не только продолжать забастовку, но и прекратить платить налоги [12, с. 97]. В Палестине началась кампания массового гражданского неповиновения. ВАК отказался вести переговоры с Верховным комиссаром, и так же призвал арабов не платить налоги хотя бы до временного прекращения еврейской иммиграции В тот же день ВАК ещё раз призвал население: «Никаких налогов без представительства» [15, с. 731; 11, с. 167].

Весной 1936 года муфтий Амин аль-Хусейни потребовал, чтобы при обсуждении ситуации в Палестине в палате лордов английского парламента, присутствовали арабские представители. Потому что, по мнению муфтия, британские парламентарии находятся «под влиянием еврейской пропаганды и не могут быть объективными» [16, с. 136]. Такого приглашения в парламент не последовало, что, впрочем, и следовало ожидать.

В августе 1936 года проходили переговоры делегации ВАК с королём Трансиордании Абдаллахом и министром иностранных дел Ирака Нури Саидом. Через этих своих союзников Верховный комиссар пытался убедить палестинских лидеров отказаться от своих категорических требований и прекратить политику гражданского неповиновения. Однако позиция членов ВАК осталась прежней, забастовка продолжалась до октября 1936 года [14, с. 31]. Эта забастовка привела к ухудшению жизни арабов. Арабский труд был заменён еврейским, тем самым было покончено с еврейской безработицей. От страны-мандатария арабам не удалось

добиться ничего конкретного, «...если бы муфтий закончил на этом, его популярность тоже бы закончилась» [17, с. 78].

В 1936–1937 годах мандатные власти ввели цензуру на всю прессу Палестины [18, с. 10]. Так же был принят ряд законов, ужесточивших наказания для участников восстания. Так, отныне под пожизненное тюремное заключение попадали те, кто открывал огонь из огнестрельного оружия по британским военнослужащим и полицейским, а также лица, участвовавшие в диверсиях на различных коммуникациях [19, с. 37].

В мае 1936 года был принят Закон о полиции, по которому находящиеся на открытом воздухе, «держачие в руках оружие, нож, камень, палку, металлический прут, так же, кто выступает на митингах или участвует в демонстрациях, подлежит аресту» [20, с. 201]. В палестинских газетах стали публиковаться объявления о выплатах премий за информацию об участниках вооруженных столкновений [21, с. 462].

В 1936 году между Верховным комиссаром Палестины и Верховным комиссаром Сирии и Ливана было заключено соглашение по закрытию границы между Палестиной, Сирией и Ливаном, для того, чтобы прекратить доступ в Палестину добровольцам и поставки оружия и боеприпасов [19, с. 97].

В апреле и июне 1936 года были опубликованы законы «Об обороне Палестины» и Чрезвычайный закон. Эти законы расширили права полиции и британской армии. Отныне они могли по своему усмотрению вводить комендантский час, совершать проверки транспорта и документов в любом месте и в любое время. На всю печатную продукцию вводилась цензура, разрешалось вскрытие и проверка бандеролей и писем, а также разрешались аресты без санкций судебных органов, обыски, конфискации, увольнения граждан с занимаемых ими должностей, депортация за пределы Палестины [22, с. 534; 14, с. 25]. 1 мая 1940 года в палате общин глава министерства колоний Макдональд заявил, что в палестинских тюрьмах содержалось 105 евреев за хранение взрывчатки и организацию взрывов. На июнь 1936 года коллективные штрафы были применены в отношении 20 палестинских деревень, полицейские посты были установлены в 27 деревнях [23, с. 1320].

К октябрю 1936 года было убито 80 евреев, около 400 ранено, было уничтожено более 200 тысяч деревьев, сотни гектаров пшеницы, совершались многочисленные нападения на автобусы. В Иерусалиме и Яффе арабы нападали на полицейские участки и патрули, а потом растворялись в узких улочках Старого города. Англичанам пришлось выселять жителей из их домов и сносить их жильё. В мае – июне 1936 г. в Палестине происходило 10–15 снайперских обстрелов, 8 взрывов на различных коммуникациях, было зафиксировано 510 взрывов бомб. ВАК традиционно отказывался брать на себя ответственность за террор: «...пока англичане не изменят свою политику, такое проявление чувств, к сожалению, неизбежно» [15, с. 732; 24].

Летом 1936 года в Палестине развернулась настоящая партизанская война. В августе 1936 года по приглашению ВАК в Палестину прибыл Фаузи аль-Каукаджи, ранее принимавший участие в мятежах против французской мандатной

администрации Сирии. Целью ВАК было объединение под его командованием разношерстных групп и вооруженных отрядов. Вскоре отряд под командованием Фаузи аль-Каукаджи насчитывал до двухсот человек. Основой его были три роты добровольцев – иракская, сирийская и друзская. В сентябре 1936 года эти силы вступили в бой с английскими войсками под командованием генерал-лейтенанта Джона Дилла. Англичане имели перевес в живой силе и технике. В первом же бое в районе дороги на Шхем арабы подверглись бомбардировке с воздуха английскими самолётами, были рассеяны, а штаб Фаузи аль-Каукаджи был разрушен [25, с. 307; 7, с. 170; 8, с. 93–94].

С 22 сентября в Палестине начались крупномасштабные военные операции против палестинских отрядов. К концу сентября в Палестине было дислоцировано 20 тысяч британских военнослужащих [12, с. 98, 100]. Наиболее удобной для ведения боевых действий была область, известная под названием Самария, центром которой был Наблус. Этому способствовала холмистая местность с редкими для Палестины рощами, и поддержка партизан местными крестьянами. С конца августа 1936 года в этом районе и начал действовать вооружённый отряд из добровольцев из соседних арабских стран – Сирии, Трансиордании, Ирака под командованием Фаузи аль-Каукаджи. Добровольцы прибывали и из Египта, где Братья-мусульмане развернули активную пропаганду в поддержку палестинских арабов [8, с. 94].

Одновременно с военными действиями британская мандатная администрация начала репрессии против палестинцев. Были введены штрафы на деревни, в которых, или около которых произошли вооруженные инциденты. Мандатные власти получили право разрушать дома, из которых стреляли по войскам и полиции. Была введена смертная казнь за диверсионную деятельность [15, с. 734]. Британский полицейский в Палестине в последствии так писал о репрессии против арабов после взрыва в одном из кафе: «Мы лупили каждого араба, которого только видели, мы разгромили все магазины и кафе, неся разорение и разрушение, кругом лилась кровь... Переехать через араба – это тоже самое, что сбить собаку в Англии, только мы на это не реагировали» [3, с. 602].

Уже упоминаемый ранее генерал-лейтенант Дилл, командовавший британскими войсками в Палестине, в 1936 году несколько раз предлагал ввести в Палестине военное положение, расширить права трибуналов, запретив обжаловать их решения, ужесточить наказания за участие в беспорядках. Правда, в 1936 году странамандатарий не решилась ввести военное положение [15, с. 739].

В июне 1936 года были заключены в концентрационный лагерь лидеры партии Истикляль Ауни Абд аль-Хади (одновременно являвшимся, как уже указывалось выше, генеральным секретарём ВАК – С. Щ.) и Иззат Дарваза. Поводом к аресту послужили призывы партии к поддержке вооружённой борьбы в Палестине [14, с. 25]. Сразу же появился меморандум 137 арабских официальных чиновников и судей, призывавший прекратить «беспорядки». Летом 1936 года был опубликован ещё один подобный документ, который подписали 1200 арабских официальных чиновников. Вскоре к этому меморандуму присоединились судьи мусульманских

(шариатских) судов, уточняя что они не являются «правительственными чиновниками» [20, с. 99].

В 1922 году Лига Наций утвердила проект правительства Великобритании по созданию в Трансиордании эмирата во главе с Абдаллахом ибн Хусейном, включив его в мандат на Палестину. Абдаллах мечтал о выполнении Лондоном обещаний его отцу Хусейну аль-Хашими за организацию арабского восстания на стороне Антанты во время Первой мировой войны – после победы этого блока, создать на Ближнем Востоке арабское государство, напоминающее арабские средневековые халифаты. Это было зафиксировано в соглашении Сайкс-Пико и в переписке между Верховным комиссаром Египта Г. Мак-Магоном и Хусейном аль-Хашими. Эти обещания, в полном объеме не были выполнены, но Абдаллах не без основания рассчитывал на них, понимая своё исключительное для мусульман происхождение, мечтая основать «Великую Сирию» под своей властью. Подобные настроения присутствовали и у некоторых традиционных лидеров Палестины, полагавших, что образование подобного государства приведёт к отмене мандатов на Ближнем Востоке. Так, например, уже упоминаемый Ауни Абд аль-Хади на заседании комиссии Пиля заявил: «Нет такой страны Палестина. Этот термин был изобретён сионистами. В Библии ничего не говорится о Палестине. Наша страна в течение многих веков была частью Сирии» [26, с. 11]. Когда в Палестине началось восстание, Абдаллах запретил отправлять в Палестину оружие, вербовать добровольцев и оказывать финансовую помощь [8, с. 119].

По мнению эмира – только под его давлением члены ВАК прекратили забастовку в Палестине. Он действительно вёл с ними переговоры в 1936 году, убеждая их прекратить вооружённое восстание и наладить постоянные консультации с Лондоном по поводу событий в Палестине. За эту посредническую миссию Еврейское Агентство в Палестине обещало признать эмира главой палестинских арабов. С такой же миссией попытался выступить и министр иностранных дел Ирака Нури Саид, требовавший признания права евреев на создание еврейского национального очага в Палестине, который войдёт в состав арабской федерации, руководимой ветвью иракских хашимитов [16, с. 136].

В свою очередь, британское правительство просило руководителей арабских стран – Саудовской Аравии, Йемена, Трансиордании, Ирака с просьбой «надавить» на муфтия Амина аль-Хусейни. Действительно, вскоре появилось их совместное заявление, в котором монархи убеждали палестинских арабов «положиться на добрые намерения нашего друга – английское правительство и поддержать его готовность обеспечить справедливость» [13, с. 215]. Это заявление стало для Амина аль-Хусейни удобным поводом для прекращения всеобщей забастовки и вооруженного сопротивления. 12 ноября ВАК официально объявил о прекращении забастовки и вооружённого восстания [27, с. 136]. На этом закончился первый этап арабского восстания. К этому времени численность британских войск была доведена до 30 тысяч человек, а в палестинскую полицию было зачислено констеблями 2800 евреев [7, с. 178; 8, с. 29, 90, 95].

11 ноября 1936 года в Палестину прибыла Королевская комиссия лорда Пила. Она провела 65 публичных заседаний в Иерусалиме с 12 ноября 1936 года по 11 февраля 1937 года и одно заседание в Лондоне, на котором члены комиссии Пила беседовали с основателем и председателем Новой сионистской организации Владимиром Жаботинским. Встречи с ним проходили в Лондоне, потому что во время беспорядков в Палестине в 1920 году Жаботинский организовал вооружённую оборону евреев от арабов. За это он был арестован и приговорён английским трибуналом к каторжным работам сроком на 15 лет. Через три месяца Верховный военный суд в Лондоне отменил этот приговор, после чего Жаботинскому был запрещён въезд в Палестину [28, с. 348]. Члены комиссии убедились, что главной целью В. Жаботинского и Новой сионистской организации было «создание еврейского государства в Палестине на обоих берегах реки Иордан» [29, с. 369]. Новая сионистская организация была образована в 1935 году, когда сионисты-ревизионисты во главе с В. Жаботинским вышли из Всемирной сионистской организации [30, с. 37].

В публичных заседаниях принимали участие видные деятели сионистского движения: председатель Исполкома Еврейского Агентства Д. Бен-Гурион, члены Исполкома Ваад Леуми и другие. В заседаниях комиссии принимали участие и арабские лидеры во главе с председателем ВАК Амином аль-Хусейни, представители британской мандатной администрации в Палестине.

Председатель Исполкома Еврейского Агентства Д. Бен-Гурион и другие сионистские лидеры убеждали членов комиссии Пила в том, что нужно резко увеличить число иммигрантов для экономического развития Палестины, имея в виду не только рабочую силу, а в первую очередь денежные средства иммигрантов. В своих выступлениях на заседании комиссии Верховный муфтий Палестины Амин аль-Хусейни несколько раз напоминал о незаконности Декларации Бальфура, о вреде идеи создания еврейского национального очага в Палестине, незаконности присутствия евреев в Палестине. В отчёте комиссии, наоборот, подчёркивалось, что Декларация Бальфура очень важна для арабов, потому что она «помогла добыть победу Антанте и тем самым освободить все арабские территории от турецкого управления» [31, с. 4].

7 июля 1937 года был опубликован доклад комиссии в котором лицемерно сообщалось, что, не смотря на кровавые столкновения в 1920 и 1921 годах между арабами и евреями в Палестине, была достигнута гармония. Возникает вопрос – о какой гармонии можно было говорить, не упоминая о событиях в Палестине 1929 года, когда арабы и евреи истребляли друг друга самыми кровавыми способами? Нарушение этой «гармонии» объяснялось двумя причинами – иммиграцией евреев из Германии и Польши и «вмешательством независимых арабских государств в проблему Палестины» [31, с. 56]. Великобритания как страна мандатарий оказывалась ни при чём. Тем не менее, члены комиссии согласились с тем, что еврейский национальный очаг превратился в государство в государстве, а еврейская иммиграция вызывает невозможность мандатного управления Палестиной. Комиссия Пила рекомендовала разделить страну на арабское и еврейское государства, оставив

под английским контролем значительную часть Палестины, включая Иерусалим, Вифлеем, коридор до порта Яффа, дорогу Иерусалим – Яффа, аэродром Лидда, порт Хайфу, города Тибериас, Сафад, Назарет, Акку [8, с. 160–164].

Кроме того, предлагалось объединение арабской части Палестины с Трансиорданией, а Великобритания должна была получить статус постоянного международного опекуна Святых мест [32, с. 133]. Предлагалось установить новый международный контроль над главными христианскими городами – Иерусалимом, Бейт-Лехемом и Назаретом, отменив в этом районе действие Декларации Бальфура. Жители Иерусалима могли бы добровольно стать гражданами арабского или еврейского государства [17, с. 300]. В целом, мандатное управление должно быть заменено системой договоров, при котором Британия сохраняла бы определённый контроль [33, с. 45].

Все арабские партии, существовавшие в Палестине, и все палестинские газеты в этом отчёте назывались крайне националистическими, разжигавшими национальную и религиозную рознь среди жителей Палестины. Министр колонии Великобритании считал, что еврейский национализм присутствует только у Новой сионистской организации и сторонников Жаботинского, да и то, этот «националистический национализм вызван политикой ВАК» [12, с. 133, 142]. Мандатная комиссия Лиги Наций считала план Пила попыткой мандатария ликвидировать напряжённость в Палестине и почти единогласно выступила за сохранение мандата на любой переходный период, необходимый для обучения населения управлению собственным государством. В таком варианте комиссия представила доклад Совету Лиги Наций [34, с. 192–194, 229].

Отчёт Королевской комиссии Пила был опубликован 7 июля 1937 года. Сразу же правительство Великобритании заявило, что «схема, предложенная комиссией, является наиболее лучшим и справедливым решением» и что правительство Великобритании в принципе принимает рекомендации комиссии Пила [10, с. 24].

В августе 1937 года XX конгресс ВСО в Цюрихе одобрил идею раздела Палестины, потому что она означала, что впервые был поставлен вопрос о создании еврейского государства. В то же время, конгресс не утвердил схему раздела Палестины, обязав Д. Бен-Гуриона начать переговоры с Лондоном относительно границ будущего еврейского государства. Председатель Исполнительного комитета Еврейского Агентства Д. Бен-Гурион поддержал идею раздела Палестины, в отличие от большинства деятелей Еврейского Агентства, придерживавшихся принципа «либо всё, либо ничего». Д. Бен-Гурион выдвинул новый политический курс: «необходимо добиваться сохранения мандата и договориться (с Великобританией – С. Ш.) о более выгодной схеме раздела» [35, с. 609].

В. Жаботинский, в свою очередь, вообще отвергал рекомендации комиссии Пила по разделу Палестины. Он не отступал от программы своей организации – создание еврейского государства на территории всей Палестины и Трансиордании, немедленное формирование Еврейского легиона, называя территорию еврейского государства, предложенную комиссией Пила, «чертой оседлости» [36, с. 240]. При этом, В. Жаботинский на всём протяжении своей деятельности исходил из того, что

«О добровольном примирении между палестинскими арабами и нами (евреями – С. Щ.) не может быть никакой речи, ни теперь, ни в пределах обозримого будущего... люди за исключением слепорождённых уже давно сами поняли полную невозможность получить добровольное согласие арабов Палестины на превращение этой самой Палестины из арабской страны в страну с еврейским большинством» [37, с. 262–263].

Еврейская диаспора в США, численностью в 4,5 млн человек, как сионисты, так и не сионисты поддерживали идею создания еврейского государства в Палестине, выступая против раздела страны. На упоминаемом выше XX сионистском конгрессе в Цюрихе американская делегация выступила с резкой критикой проекта комиссии Пила, заявляя, что президент Рузвельд наложит вето на раздел Палестины, ссылаясь на англо-американское соглашение 1924 года. Это соглашение гарантировало американцам равные права с англичанами в Палестине. Правда, этого не произошло, президент ограничился лишь приветствием в адрес конгресса [8, с. 107].

Рекомендации комиссии Пила не были приняты ни одной политической партией палестинских арабов, более того, они вызвали обострение вооружённой борьбы в Палестине. В начале 1938 года в Палестину для доработки схемы раздела была послана Палестинская разделительная комиссия под руководством Дж. Вудхеда. Арабы Палестины бойкотировали её работу, а все её рекомендации по разделу Палестины основывались лишь на предложениях Еврейского Агентства и мандатных властей. Комиссия Вудхеда предложила на рассмотрение британского парламента три плана раздела Палестины. Эти планы не были одобрены британским правительством. В этом году оно признало, что эти планы практически не осуществимы, в силу того, что «... политические, административные и финансовые трудности при создании независимых арабского и еврейского государств в Палестине очень велики, и, поэтому они делают такое решение проблемы невозможным» [16, с. 144]. Поэтому предлагалось управлять Палестиной на принципах мандата Лиги Наций [38, с. 64–65].

Комиссия Вудхеда выполнила свою формальную задачу – детализацию и корректирование схемы раздела Палестины, рекомендовала британскому правительству отказаться от нереалистических планов раздела Палестины [32, с. 138]. Эта комиссия была послана в Палестину уже после отказа британского правительства от идеи раздела Палестины между арабами и евреями. Формирование этой комиссии было очередной попыткой правительства Великобритании выиграть время для выработки новых планов по Палестине [39, с. 739].

Даже в годы восстания вражда между кланами Хусейни и Нашашаби не прекращалась, а обострялась. В октябре 1938 года представитель клана Нашашаби Фахри аль-Нашашаби обвинил Амина аль-Хусейни в предательстве интересов палестинских арабов. За это интервью он был обвинён в измене палестинцам и приговорён муфтием Амином аль-Хусейни к смертной казни, приговор был приведен в исполнение через три года в Багдаде [11, с. 177].

Партия Раджеба Нашашаби Национальная оборона сотрудничала с мандатными властями и во время арабского восстания в Палестине, поддерживая британские

планы по разделу Палестины. В июне 1936 года в Яффе вспыхнули вооружённые конфликты между этими кланами. Продолжались они целый год и достигли своего пика 30 июня 1937 года, когда был ранен племянник Раджеба Нашашаби Фахри. Во время этих вооружённых столкновений два члена партии Национальная оборона Раджеб Нашашаби и Якуб Фаррадж демонстративно вышли из ВАК. Все эти кровавые события происходили в Яффе [40, с. 15].

В ноябре 1937 года в Палестине по распоряжению Верховного комиссара были образованы специальные военные трибуналы. В этом году 26 палестинских арабов прошли через эти трибуналы, в результате были вынесены четыре смертных приговора, а остальные арабы были приговорены к длительным срокам каторги. В 1938 году трибуналы судили 382 человека, 54 из которых по их решению были казнены [41, с. 201].

1 октября 1937 года, на основании Чрезвычайного закона 1937 года, ВАК и местные арабские Национальные комитеты объявлялись вне закона. Шестеро членов ВАК были арестованы, а Амин аль-Хусейни был снят с поста президента Высшего исламского совета. Арестованные члены ВАК: Джамаль Хусейни, Ахмад Хильми, Фуад Саба, Якуб Хусейн, Фахри Халиди, Хадж Рашид Ибрагим объявлялись преступниками и кроме Джамала Хусейни были депортированы на Сейшельские острова [8, с. 113; 42, с. 21]. Амин аль-Хусейни бежал в Бейрут, а с 1939 по 1945 год жил в Берлине.

27 сентября 1937 года был убит районный комиссар Галилеи Л. Эндрюс и сопровождавший его констебль Мак-Ивен. Эти убийства вызвали массовые репрессии английских войск против арабов, хотя настоящих убийц так и не нашли [7, с. 168; 15, с. 569].

В ночь с 14 на 15 октября 1937 года палестинские арабы совершили нападения на еврейские автобусы, убивая их пассажиров [43, с. 21]. Был взорван нефтепровод у Бейсана, пущен под откос поезд на перегоне Хайфа – Лидда, в районе Хеброна были убиты двое английских полицейских. Арабами был захвачен банк в Наблусе. Наибольшего размаха вооружённая борьба арабов достигает осенью 1938 года. Через десять лет англо-американская комиссия так оценивала ситуацию в Палестине в этот период: «К июлю 1938 года арабские группировки достигли высокого уровня организации. Были учреждены повстанческие суды, изготовлены печати, а Старый город Иерусалима превратился в место сбора террористов, где планировались расправы, убийства и шантаж, совершавшиеся открыто и безнаказанно» [11, с. 177]. В 1936 году в рядах палестинцев насчитывалось около пятнадцати тысяч человек. Летом 1938 года они совершили серию нападений на еврейские сельскохозяйственные поселения. В ответ происходили взрывы на базарах в арабских кварталах – в результате взрыва на базаре в Хайфе было убито 23 араба и ранено 79 человек; 15 июля – взрыв в старом городе Иерусалима, в результате погибло 10 арабов и 29 были ранены; 25 июля – вновь взрыв на базаре в Хайфе – 39 палестинцев убито и 60 ранено; 26 августа – взрыв на базаре в Яффе – 24 араба убито и 39 ранено [16, с. 149; 17, с. 79].

На встрече с Гитлером в ноябре 1941 года Амин аль-Хусейни заявлял: «Германия и арабы естественные союзники, так как имеют общих врагов – англичан, евреев и коммунистов» [26, с. 27]. Гитлер ответил муфтию: «Германия считает, что необходимо вести бескомпромиссную войну против евреев. Естественно, что такие действия включают активную оппозицию созданию еврейского национального очага в Палестине. Германия окажет поддержку и окажет реальную практическую помощь арабам, участвующим в этой борьбе. Цель Германии – разрушение еврейского элемента, находящегося в арабской среде. В этот час муфтий является самым авторитетным представителем арабского мира...» [26, с. 27]. Совместная фотография муфтия с Гитлером, сделанная на этой встрече в берлинском кабинете фюрера, получила широкую популярность на Ближнем Востоке [44, с. 215]. Несколько раз во время второй мировой войны муфтий Амин аль-Хусейни выступал по «Радио Берлина» с призывами к мусульманам начать джихад против евреев: «Арабы! Убивайте евреев, где вы их только не найдёте. Это угодно Аллаху, истории и религии» [45, с. 110]. В 1943 году муфтий принимал участие в вербовке 28 тысяч мусульман для эсэсовских войск, совершавших массовые убийства евреев в Хорватии и Венгрии. В 1946 году Амин аль-Хусейни бежал из французского лагеря для военнопленных и до своей смерти в 1974 году вёл антиеврейскую пропаганду из Каира, а затем из Бейрута.

В 1938 году численность британских войск в Палестине была доведена до 42 тысячи человек. Только в этом году в страну было переброшено две эскадрильи, бронетанковые соединения и крейсер [8, с. 116; 46, с. 55]. В конце 1938 года для подавления восстания в Палестину прибыл генерал-майор Бернард Монтгомери. Он характеризовал свою миссию как войну с «бандами профессиональных бандитов» [17, с. 79]. 18 октября 1938 года было введено военное положение в Иерусалиме. К ноябрю 1938 года английские войска полностью блокировали северные районы Палестины, они были введены практически во все города и деревни северной Галилеи и южной Самарии. Все дороги здесь патрулировались британскими военными.

О размахах подавления восстания свидетельствуют приговоры военных судов. В 1938 году они вынесли 54 смертных приговора и 38 пожизненных тюремных сроков. Одним из первых казнённых был шейх Фархан аль-Саади, которого выдали властям родственники казнённых им арабов. По приказу Амина аль-Хусейни были убиты несколько старейшин клана Нашашиви. В 1938 году в Палестине погибло более 500 арабов от рук своих соплеменников. По приказу муфтия «... каждый араб обязан был убить во имя Аллаха главу клана Нашашиви Фархи бея» [7, с. 169]. Как и упоминалось ранее, и было сделано в Багдаде.

С 1938 года английские инструкторы готовили евреев для защиты еврейских поселений (1168 человек), для охраны железных дорог (422 человека), для охраны других коммуникаций и общественных зданий (1628 человек). Для этих целей набирались только добровольцы-евреи [47, с. 20]. Эти подразделения получали от англичан оружие, боеприпасы, военную форму. На службу в военную полицию было принято пять тысяч евреев [13, с. 216].

В начале 1939 года английская администрация разрешила создание десяти батальонов полицейских сил из обученных английскими военными евреями-добровольцев. Командовал каждым батальоном английский офицер, его заместителя назначало Еврейское Агентство [48, с. 1741].

Восставшие палестинцы действовали небольшими отрядами (по английской терминологии – «бандами» – С.Щ.), насчитывавшими от 10 до 25 человек. Они перемещались из деревни в деревню, а местные жители присоединялись к ним во время военных операций. Во главе восставших стоял Комитет защиты Палестины со штаб-квартирой в Дамаске (т.е. на французской подмандатной территории – С. Щ.). Он контролировал действия различных командиров в разных районах Палестины. Сирийский Комитет защиты Палестины, в свою очередь, находился под контролем муфтия Амина аль-Хусейни, находившегося в это время в Бейруте после своего бегства из Иерусалима [49, с. 66].

С начала 1939 года восстание пошло на убыль. Причинами этого были, и военное превосходство англичан, и противоречия в руководстве восстанием, не редко переходившие в вооружённые столкновения, и манёвры правительства Великобритании, обещавшего собрать в Лондоне в этом году конференцию по Палестине, которая, по его мнению, найдёт выход из палестинского тупика. 7 февраля 1939 года эта конференция начала свою работу в Лондоне с участием представителей Великобритании, Египта, Ирака, Саудовской Аравии, Трансиордании, Йемена. Сирия и Ливан не приглашались на конференцию, чтобы не обострять отношения с Францией. На конференцию, получившую название Конференция круглого стола, приглашались руководители арабских партий Палестины, лидеры сионистского движения. Участники конференции сразу же столкнулись с диаметрально противоположными позициями палестинских арабов и сионистов. Х. Вейцман от имени Еврейского Агентства потребовал снятия всех ограничений на иммиграцию евреев в Палестину, продолжения существования мандата [50, с. 211].

Правительство Великобритании было против включения в состав палестинской делегации Амина аль-Хусейни и бывших членов ВАК, арестованных и депортированных во время восстания в Палестине, предлагая сформировать делегацию из умеренных палестинских лидеров, в основном из членов партии Национальной обороны, возглавляемой кланом Нашашаби. Однако, из-за угрозы бойкота конференции, Лондону пришлось вернуть в Палестину депортированных членов ВАК и дать разрешение на вхождение их в состав палестинской делегации (кроме Амина аль-Хусейни – С. Щ.). Кроме них в состав делегации были включены представители клана Нашашаби, всегда сотрудничавшие с мандатной администрацией и правительством Великобритании. В её состав вошли и другие традиционные лидеры палестинских арабов.

Накануне начала работы конференции Еврейское Агентство заявило, что оно согласно участвовать в конференции только на основе признания всеми участниками Декларации Бальфура и мандата Лиги Наций. Кроме того, подчёркивалась незаконность приглашения на конференцию представителей арабских государств,

потому что ещё в июне 1922 года Великобритания признала ВСО в качестве Еврейского Агентства в качестве единственного законного представителя евреев. Это в следующем году подтвердила и Лига Наций. Кроме того, мандат Лиги Наций на Палестину включал в себя и Декларацию Бальфура. В нём делалась ссылка на обоснованность «воссоздание еврейского национального очага в этой стране. Слово «араб» ни разу не упоминалось в решении о передаче Британии мандата на Палестину. 24 июля 1922 года мандат был официально одобрен в Лиге Наций представителями 52 стран» [26, с. 13].

По решению лидеров Еврейского Агентства в Палестине, страна-мандатарий должна была пригласить на конференцию и другие государства, в которых проживали евреи, в первую очередь, США [51, с. 446]. Не за долго до начала работы конференции, сенатор-сионист от штата Нью-Йорк А. Вагнер в беседе с Ф. Д. Рузвельтом настаивал на эффективном демарше президента против сокращения еврейской иммиграции. Однако Рузвельт не пошёл на это. Объяснив, что существующие американо-английские соглашения относительно Палестины не дают Соединённым Штатам права вмешиваться в мандатные отношения [51, с. 447].

Фактически это были две параллельные конференции, так как палестинские арабы отказались сесть за один стол с еврейской делегацией. От имени арабской делегации выступил Джамаль Хусейни. 9 февраля 1939 года он изложил арабские требования: «...признать за арабами право на независимость, немедленное прекращение еврейской иммиграции, запрет на продажу земли евреям, отмену мандата, создание независимой Палестины» [52, с. 217]. После этого заявления стало понятно, что конференцию ожидает провал.

К началу действия мандата в собственности ишува находилось около полутора миллионов дунамов земли «... все они были куплены, при чём куплены именно у арабов, больше купить земельные участки в стране было не у кого, от решения этой проблемы британские мандатные власти самоустранились» [53, с. 162]. На конференции начались отдельные переговоры между правительством Великобритании и арабской и еврейской делегациями. Правительство М. Макдональда организовало не прямые переговоры руководства сионистов (Вейцмана, Бен-Гуриона и Шарета) с представителями арабских стран, принимавших участие в работе конференции, и арабами Палестины. Переговоры, проходившие в Сент-Джеймском дворце при посредничестве министра иностранных дел лорда Галифакса, вошли в историю как Сент-Джеймская конференция, закончившаяся безрезультатно [45, с. 160].

Участники конференции категорически отвергли требования друг друга в отношении будущего Палестины. За время работы конференции в Палестине погибло 113 человек, а правительство Великобритании объявило о введении 75тысячной квоты еврейской иммиграции в течение пяти лет, поставив её в зависимость от экономической вместимости страны. При этом евреи должны были составить одну треть населения палестины [4, с. 361; 39, с. 745]. Продажа земли евреям в Палестине должна была быть обусловлена массой ограничений. Самое главное требование Лондона состояло в предложении создать независимое федеративное палестинское

государство в течение десяти лет. Конституция должна была быть выработана совместно арабами и евреями. Как только стало известно об этих предложениях Великобритании по Палестине, еврейская делегация, собравшись в номере Д. Бен-Гуриона, объявила «о смерти политического сионизма и начале периода активного сионизма» [27, с. 151]. Это заявление в первую очередь подразумевало военное решение вопроса провозглашения еврейского государства.

Белая книга была утверждена правительством Великобритании 17 мая 1939 года. На ближайшие пять лет евреям выделялась квота в 75 тысяч человек, 15 тысяч из которых проживал в Европе. Через пять лет еврейская иммиграция запрещалась. Никаких ограничений на арабскую иммиграцию не предусматривалось. Кроме создания через 10 лет на территории Палестины единого арабо-еврейского государства, предполагалось постепенное привлечение под английским контролем традиционных лидеров арабов и руководителей сионистского движения к управлению страной. При этом, все изменения, предусматриваемые Белой книгой, были обусловлены прекращением всех антибританских выступлений и полным умиротворением страны [39, с. 745]. Хаим Вейцман так писал по поводу Белой книги 1939 года: «...в мире есть два типа стран – те, которые хотят изгнать евреев. И те, которые не хотят принять их» [1, с. 234]. Председатель Исполкома Еврейского Агентства Д. Бен-Гурион был более категоричен в оценке Белой книги 1939 года: «Это величайшее предательство, совершённое правительством цивилизованного народа, сформулировано и обосновано с профессионализмом шулеров, хотя и претендует на справедливость» [39, с. 747]. Сионисты, как социалисты, так и ревизионисты не признали Белую книгу 1939 года, объявив её не имеющей юридической силы. Более того, с начала мировой войны Совет Лиги Наций не собирався, Белая книга не была ратифицирована, а мандатная комиссия Совета Лиги Наций признала её не действительной.

Большую часть арабских лидеров эта ситуация вполне устраивала, они стали формировать «отряды мира», которые расправлялись со своими политическими противниками в первую очередь со сторонниками муфтия Амина аль-Хусейни [7, с. 170]. Действительно, провал Конференции Круглого стола и Белой книги 1939 года свидетельствовал о неспособности правительства Великобритании выполнять мандат Лиги Наций, тем более, что через несколько месяцев разразилась вторая мировая война.

Британские планы раздела Палестины в 30-х – 40-х годах обязательно предусматривал передачу части Палестины под власть Великобритании. Не за долго до появления Белой книги 1939 года, 24 февраля этого же года лорд-канцлер Великобритании попытался в своём меморандуме обосновать этот факт: «Прежде всего следует настоятельно напомнить о том уникальном положении, которое занимала Палестина и тогда, и теперь, – Святая земля не только для мусульман, но также для христиан и иудеев, и страны, где все европейские и американские государства имели прочные интересы. Палестина была даже более важна для христиан и иудеев, нежели для мусульман, поскольку для первых двух она являлась главной и, по существу, единственной Святой землёй, в то время как для мусульман –

второй после Хиджаза. Не будет преувеличением сказать, что для христиан и иудеев Палестина также важна, как Мекка и Медина для мусульман» [53, с. 103].

Незадолго до принятия Белой книги, в 1938 году появились мемуары Ллойд Джорджа «Правда о мирных договорах», в которых бывший премьер-министр Великобритании писал о конференции в Сан-Ремо: «Ни один народ не извлёк таких выгод из обещаний союзников, как арабы. Арабы получили независимость в Ираке, Аравии, Сирии и Трансиордании, не смотря на то, что большинство арабов в течение всей войны сражались за своих турецких угнетателей... Палестинские арабы сражались за турецкое владычество» [45, с. 161].

Арабское восстание шло на убыль и окончательно завершилось осенью 1939 года. И арабы, и евреи не согласились с британскими планами такого раздела Палестины, какой был зафиксирован в Белой книге 1939 года, тем более с планом раздела Конференции Круглого стола 1939 года. Лидеры сионистов попытались переориентироваться на США, возлагая надежды на президента Ф. Д. Рузвельта. Арабы, находившиеся под влиянием Амина аль-Хусейни, ведущего пропаганду из Берлина, ожидали немецкого вторжения из Северной Африки. С 1938 года на Ближнем Востоке стала работать немецкая радиостанция, ведущая антиеврейскую пропаганду. Арабские газеты утверждали, что: «Италия и Германия сильны, а Англия и вся Британская империя существует лишь с согласия Муссолини и Гитлера» [7, с. 169]. Один из чиновников в Палестине так характеризовал ситуацию в стране в это время: «...на одной квадратной миле Палестины было больше ненависти, чем в любой другой стране на Земле» [3, с. 604–605].

Как только была опубликована Белая книга, В. Жаботинский, ещё в 1923 году заявлявший, что: «Невозможно мечтать о добром соглашении между нами и арабами ни сейчас, ни в обозримом будущем, только железная стена еврейских штыков может заставить арабов смириться с неизбежным», обратился к террору. Он и командир подпольной организации Иргун Цвай Леуми (сокращённо Иргун), в произношении на иврите – Эцель Давид Разиэль объявили о начале вооружённой борьбы с английской администрацией и арабами. 23 мая члены Эцель убили английского полицейского в Иерусалиме, а 29 мая, там же в арабском кинотеатре взорвали бомбу [4, с. 362; 17, с. 83].

Эта «новая» Иргун появилась в апреле 1937 года после раскола «старой» Иргуна в результате голосования её членов по вопросу о возвращении в Хагану. Организация раскололась примерно поровну – 1,5 тысяч членов вернулись в Хагану, а другие остались в организации, взявшей прежнее название [39, с. 536]. Она была создана на основе политических установок В. Жаботинского и его Новой сионистской организацией. Её эмблемой был рисунок руки, державшей винтовку на фоне карты Палестины, включавшей и Трансиорданию с надписью «Только так!» [54, с. 18; 55, с. 553].

Арабское восстание 1936–1939 годов в Палестине, в ходе которого погибло 610 британцев, 2394 еврея и 3764 араба [17, с. 79], тщетные попытки Великобритании найти выход из «палестинского тупика» ещё раз показали, что мандатная система

**АРАБСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПАЛЕСТИНЕ В 1936–1939 ГОДАХ  
И ПОЛИТИКА СТРАНЫ-МАНДАТАРИЯ**

---

Лиги Наций являлась продолжением колониальной политики стран Запада, последствия которой, проявляются на Ближнем Востоке и в наши дни.

**Список использованных источников и литературы**

1. Телушкин Й. Еврейский мир. – Иерусалим: Гешарим, 1997. – 574 с.  
Telushkin Y. Evreyiskii mir. – Ierusalim: Gesharim, 1997. – 574 s.
2. Great Britian and Palestine 1915–1936. – L., N.-Y.: Oxford University Press, 1937. – 111 p.
3. Брендон П. Упадок и разрушение Британской империи 1781 – 1997. – М.: АСТ МОСКВА, 2010. – 957 с.  
Brendon P. Upadok i razrushenie Britanskoi imperii 1781 – 1997. – М.: AST MOSKVA, 2010. – 957 s.
4. Джонсон П. История евреев. – М.: Вече, 2006. – 480 с.  
Djonson P. Istoriya evreev. – М.: Veche, 2006. – 480 s.
5. Муджахидун мин Филастин. – Байрут: Дар аль-Наср аль-Арабийя, 1972. – 152 с.
6. Носенко В. И. Вооружённое выступление Изз ад-Дина аль-Кассама (из истории палестинского национально-освободительного движения) // Арабский Восток и Магриб (сборник статей) – М.: Наука, 1977. – СС. 180 – 207.  
Nosenko V. I. Vooruzhonnoe vistuplenie Izz ad-Dina al-Kassama (iz istorii palestinskogo natzionalno-osvoboditelnogo dvizheniya) // Arabskii Vostok i Magrib (sbornik statei). – М.: Nauka, 1977. – SS. 180 – 207.
7. Кандель Ф. Земля под ногами. Из истории заселения и освоения Эрец Исраэль. Книга вторая. 1917 – 1939. – М.: Мосты культуры, 2008. – 400 с.  
Kandel F. Zemlya pod nogami. Iz istorii zaseleniya i osvoeniya Erez Israel. Kniga vtoraya. 1917 – 1939. – М.: Mosti kulturi, 2008. – 400 s.
8. Great Britian and Palestine. 1915-1945. Information Papers No. 20. – L., N.-Y.: Royal Institute of International Affairs, 1946; L.: Chatham House, 1946. – 177 p.
9. Бар-Зохар М. Бен-Гурион. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 512 с.  
Bar-Zohar M. Ben-Gurion. – Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. – 512 s.
10. The Political History of Palestine under British Administration (Memoranda by His Majesty's Government Presented in July, 1947 to the United Nations Special Committee on Palestine). – Jerusalem, 1947. – 41 p.
11. Гилберт М. Иерусалим. История города в XX веке. – М.: КоЛибри, Азбука – Аттикус, 2012. – 416 с.  
Gilbert M. Ierusalim. Istoriya goroda v XX veke. – М.: KoLibri, Azbuka – Attikus, 2012. – 416 s.
12. Palestine Royal Commission. Report Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. July, 1937. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1937. – 404 p.
13. Новейшая история арабских стран Азии. – М.: Наука, 1988. – 637 с.  
Noveishaya istoriya arabskih stran Azii. – М.: Nauka, 1988. – 637 s.
14. Great Britain. Colonial Office. Report His Britannic Majesty's Government to the Council of the League of Nations on the Administration of Palestine and Trans-Jordan for the Year 1936. Colonial №. 129. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1937. – 413 p.
15. Survey of International Affairs for 1936. – L.: Oxford Univ. Press, Milford, 1937. – 717 p.
16. Батенко А. В., Близняков Р. А., Малышев Д. А., Щевелев С. С. История Палестины (1897 – 2009 гг.) / Под. ред. Щевелева С. С. – Симферополь – Киев: Издательство ДОЛЯ, 2011. – 512 с.  
Batenko A. V., Bliznyakov R. A., Malishev D. A., Shchevelev S. S. Istoriya Palestini (1897 – 2009 gg.) / Pod. red. Shcheveleva S. S. – Simferopol – Kiev: Izdatelstvo DOLYA, 2011. – 512 s.
17. Штереншиш М. История Государства Израиль. – Герцлия: ISRADON, 2005. – 720 с.  
Shterenshis M. Istoriya Gosudarstva Izrael. – Gertzliya: ISRADON, 2005. – 720 s.
18. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Fifth Series. Vol. 226 (March 4 to March 27) 1929. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1929. – 2524 p.
19. Government of Palestine. Higher Commissioner. Regulations, Rules, Orders and Notices. Annual Volume 2 for 1936. – Jerusalem: Government Printing Press, 1936. – 642 p.

20. Government of Palestine. Higher Commissioner. Ordinances. Annual Volume 1 for 1936. – Jerusalem: Government Printing Press, 1936. – 410 p.
21. Васаик аль-харака аль-ватанийя аль-филастинийя 1918 – 1939. – Байрут: Муасса ад-дирасат аль-филастинийя, 1979. – 722 с.
22. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Fifth Series. Vol. 351 (August 24 to October 5) 1939. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1939. – 2206 p.
23. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons. Fifth Series. Vol. 313 (July 9 to June 26) 1936. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1936. – 2194 p.
24. Чернин М. Арабское население Израиля и палестинских территорий. Происхождение, клановая и конфессиональная структура. – М.: Мосты культуры / Гешарим, 2016. – 800 с.
- Chernin M. Arabskoe naselenie Izrailya i palestinskih territorii. Proishozhdenie, klanovaya i konfessionalnaya struktura. – M.: Mosti kulturi / Gesharim, 2016. – 800 s.
25. Левит И. Сказки доктора Левита: беспокойные герои: Иосиф Трумпельдор и Чарльз Орд Вингейт. – М.; Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2004. – 414 с.
- Levit I. Skazki doktora Levita: bespokoinie geroi: Iosif Trumpeldor i Charlz Ord Vingeit. – M.: Mosti kulturi, Gesharim, 2004. – 414 s.
26. Бард М. Мифы и факты. Путеводитель по арабо-израильскому конфликту. – М.: Еврейское слово, 2007. – 480 с.
- Bard M. Mifi i farti. Putevoditel po arabo-izraillskomu konfliktu. – M.: Evreiskoe slovo, 2007. – 480 s.
27. Бар-Зохар М. Бен-Гурион. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 484 с.
- Bar-Zohar M. Ben-Gurion. – Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. – 484 s.
28. Архив еврейской истории / Международный исследовательский центр российского и восточно-европейского еврейства, Т. 3. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) 2006. – 408 с.
- Arhiv evreiskoi istorii / Mezhdunarodnii issledovatel'skii tzentr rossiiskogo i vostochno-evropeiskogo evreistva, T. 3. – M.: «Rosiiskaya politicheskaya entziklopediya» (ROSSPEN) 2006. – 408 s.
29. Great Britain. Colonial Office. Palestine Royal Commission. Minutes of Evidence Heard at Public Session. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1937. – 408 p.
30. Гордис Д. Менахем Бегин. Битва за душу Израиля. – М.: Мосты культуры / Гешарим, 2014. – 368 с.
- Gordis D. Menahem Begin. Bitva za dushu Ierusalima. – M.: Mosti kulturi / Gesharim, 2014. – 368 s.
31. Great Britain. Colonial Office. Palestine Royal Commission. Summary of Report. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1937. – 42 p.
32. Меламедов Г. А., Эпштейн А. Д. Дипломатическая борьба за Иерусалим. Закулисная история. – Иерусалим, М.: Издательство «Мосты культуры – Гешарим». – 416 с.
- Melamedov G. A., Epshtein A. D. Diplomatischeeskaya borba za Ierusalim. Zakulisnaya istoriya. – Ierusalim, M.: Izdatel'stvo «Mosti kulturi – Gesharim». – 416 s.
33. Звягельская И. Д. История Государства Израиль. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 359 с.
- Zvyagelskaya I. D. Istoriya Gosudarstva Izrail. – M.: Aspekt Press, 2012. – 359 s.
34. League of Nations. Permanent Mandates Commission. Session, 32-d. Geneva, 1937. Minutes of the Thirty-Second (extraordinary) Session Devoted to Palestine, Held at Geneva from July 30-th to August 18-th, 1937, Including the Report of the Commission to the Council. – Geneva, 1937. – 235 p.
35. Teveth Sh. Ben-Gurion. The Burning Ground. 1886-1948. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1987. – 967 p.
36. Недава И. Владимир Жаботинский: вехи жизни. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 288 с.
- Nedava I. Vladimir Zhabotinskii: vehi zhizni. – Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. – 288 s.
37. Жаботинский В. О железной стене: речи, статьи, воспоминания. – Мн.: ООО «МЕТ», 2004. – 560 с.
- Zhabotinskii V. O zheleznoi stene: rechi, stati, vospominaniya. – Mn.: ООО «МЕТ», 2004. – 560 s.
38. Звягельская И. Д., Карасова Т. А., Федорченко А. В. Государство Израиль. – М.: ИВ РАН, 2005. – 506 с.

**АРАБСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПАЛЕСТИНЕ В 1936–1939 ГОДАХ  
И ПОЛИТИКА СТРАНЫ-МАНДАТАРИЯ**

---

- Zvyagelskaya I. D., Karasova T. A., Fedorchenko A. V. Gosudarstvo Izrail. – М.: IV RAN, 2004. – 506 s.
39. Лакер В. История сионизма. – М.: КРОН ПРЕСС, 2000. – 848 с.
- Laker V. Istoriya sionizma. – М.: KRON PRESS, 2000. – 848 s.
40. Intifada Diary. – Damascus: [s. n.], [s. a.]. – 57 p.
41. Щевелев С. С. Палестина под мандатом Великобритании (1920 – 1948 гг.). – Симферополь: Таврия Плюс, 1999 – 400 с.
- Shchevelev S. S. Palestina pod mandatom Velikobritanii (1920 – 1948 gg.). – Simferopol: Tavriya Plyus, 1999 – 400 s.
42. Great Britain. Colonial Office. Report His Britannic Majesty's Government to the Council of the League of Nations on the Administration of Palestine and Trans-Jordan for the Year 1937. Colonial No. 146. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1938. – 408 p.
43. Bulletin of the Palestine Economic Society. Vol. 6. February 1933. n. Hirsch S. Sheeps and Goats in Palestine. – Tel-Aviv: The Palestine Economic Society, 1933. – 77 p.
44. Эпштейн А. Д. Арабо-израильский конфликт и попытки его урегулирования // Общество и политика современного Израиля. – М.: Мосты культуры, 2002. – СС. 213 – 238.
- Epshtein A. D. Arabo-izraïlskij konflikt i popitki ego uregulirovaniya. – М.: Mosti kulturi, 2002. – SS. 213–238.
45. Гругман Р. Жаботинский и Бен-Гурион: правый и левый полюсы Израиля. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. – 398 с.
- Grugman R. Zhabotinskii i Ben-Gurion: pravii i levii polyusi Izrailya. – Rostov-na-Donu: Feniks, 2014. – 398 s.
46. Government of Palestine. Higher Commissioner. Regulations, Rules, Orders and Notices. Annual Volume 3 for 1937 (Continued). – Jerusalem: Government Printing Press, 1937. – 1347 p.
47. Great Britain. Colonial Office. Report His Britannic Majesty's Government to the Council of the League of Nations on the Administration of Palestine and Trans-Jordan for the Year 1938. Colonial No. 166. – L.: His Majesty's Stationery Office, 1939. – 422 p.
48. From Haven to Conquest: Readings in Zionism and the Palestine Problem until 1948. (Ed. by Walid Khalidi). – Beirut: The Institute for Palestine Studies, 1971. – 914 p.
49. League of Nations. Permanent Mandates Commission. Session, 36-th. – 1939. Minutes of the Thirty-Sixth Session, Held at Geneva from June 8-th to 29-th 1939, Including the Report of the Commission to the Council. – Geneva, 1939. – 289 p.
50. Kayyali A.W. Palestine: A Modern History. – L.: Croom Helm, 1971. – 243 p.
51. Survey of International Affairs for 1938. Vol.1. – L.: Oxford Univ. Press, Milford, 1941. – 735 p.
52. Marlowe J. Rebellion in Palestine. – L.: Cresset Press, 1946. – 279 p.
53. Эпштейн А. Д. Горизонты и миражи политической государственности. – М.: Институт Ближнего Востока, 2016. – 432 с.
- Epshtein A. D. Gorizonti i mirazhi politicheskoi gosudarstvennosti. – М.: Institut Blizhnego Vostoka, 2016. – 432 s.
54. Le Mire H. Tsahal: Histoire de l'Arme d'Israel. 1948-1986. – P.: Plon, 1986. – 331 p.
55. Encyclopedia of Zionism and Israel. Ed Patai R. Vol. 1. – N.-Y.: Herzl Press and Mc. Crow-Hill, 1971. – 647 p.

**Shchevelev S. S., Arab uprising in Palestine in 1936–1939 and politics of the mandatory country.** The article traces the process of gradual transformation of Anglo-Arab and Anglo-Jewish relations in Palestine during the Mandate period. Considerable attention in the work is paid to the analysis of the national movement of Palestinian Arabs in the 1930s, which had an anti-Jewish and anti-British orientation. The situation in the Arab and Jewish communities of Palestine was investigated, the causes, course and consequences of the Arab uprising of 1936–1939 were considered. The ideological attitudes of the Arab and Jewish parties and organizations in Palestine during the Mandate period, their practical activities were revealed.

The article covers the activities of the Royal Commissions in Palestine in the 1930s. It examines their recommendations for dividing Palestine into Arab and Jewish states, with Britain controlling part of the country. These plans were not implemented. The White Paper of 1939 recommended «freezing» the situation in Palestine for 10 years. All this testified to the crisis of the mandate system in Palestine and the inability of the mandatory country to control the situation in the country within the framework of the mandate.

Keywords: Palestine, Palestinians, Jews, Mandate, Great Britain, League of Nations, Royal Commissions, Arab Higher Committee, Jewish Agency for Israel, World Zionist Organization.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Акимченков  
Виктор  
Владимирович**

кандидат исторических наук, преподаватель  
ГБОУ г. Москвы «Школа № 1519».  
(г. Москва, Российская Федерация).

**Андреева  
Анна  
Владимировна**

заведующая отделом истории медицины Института  
общественного здоровья, здравоохранения и социальной  
работы ФГБОУ ВО «Северный государственный  
медицинский университет» (г. Архангельск, Российская  
Федерация)

**Белоглазов  
Роман  
Николаевич**

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Всеобщая  
история и мировая культура» Института общественных  
наук и международных отношений Севастопольского  
государственного университета (г. Севастополь,  
Российская Федерация)

**Замулин  
Валерий  
Николаевич**

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник  
Юго-Западного государственного университета (г. Курск,  
Российская Федерация)

**Кобелев  
Иван  
Михайлович**

врач клинической лабораторной диагностики отдела  
экстренных исследований клиничко-диагностической  
лаборатории Санкт-Петербургского ГБУЗ «Городская  
многопрофильная больница № 2» (г. Санкт-Петербург,  
Российская Федерация)

**Колесников  
Михаил  
Анатольевич**

кандидат исторических наук, независимый исследователь  
(г. Старый Крым, Российская Федерация)

**Михайлов  
Вадим  
Викторович**

доктор исторических наук, профессор  
Военно-космической академии им. А. Ф. Можайского  
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**Непомнящий  
Андрей  
Анатольевич**

доктор исторических наук, профессор кафедры  
археологии и всеобщей истории Крымского федерального  
университета им. В. И. Вернадского; ведущий научный  
сотрудник Крымского научного центра Института  
истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан  
(г. Симферополь, Российская Федерация)

<b>Осиповский Семен Николаевич</b>	кандидат политических наук, доцент кафедры «История России и Основы российской государственности» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (г. Севастополь, Российская Федерация).
<b>Смирнов Алексей Викторович</b>	аспирант кафедры истории России Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация)
<b>Твердохлебов Николай Иванович</b>	кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, ветеран труда Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)
<b>Ткаченко Сергей Николаевич</b>	кандидат исторических наук, доцент кафедры основ российской государственности Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)
<b>Щевелев Сергей Стефанович</b>	доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация)

## СОДЕРЖАНИЕ

### **Акимченков В. В.**

У истоков советской системы образования: неизвестные  
страницы биографии Г. П. Вейсберга ..... 3

### **Андреева А. В., Кобелев И. М.**

Хирург и политический деятель Сергей Андреевич Никонов:  
к 160-летию со дня рождения ..... 36

### **Белоглазов Р. Н. Осиповский С. Н.**

Неопубликованные мемуары А. А. Куликовского как источник  
по истории движения сопротивления в Крыму в годы  
Великой Отечественной войны ..... 46

### **Замулин В. Н.**

Проблемы модернизации артиллерии Красной армии  
и восстановление ее соединений во фронтах под Курском  
перед летней кампанией 1943 года ..... 57

### **Колесников М. А.**

Орудия гнева Аполлона Пифийского ..... 71

### **Михайлов В. В.**

Политическая роль Х. А. Паэса в первые годы независимости  
Венесуэлы. .... 84

### **Непомнящий А. А.**

Между Керчью и Севастополем: К. Э. Гриневич в 1924 году ..... 93

### **Смирнов А. В.**

Отечественные энциклопедические издания XIX – начала XXI вв.  
как источник формирования образа ордынского владычества  
в массовом историческом сознании..... 112

### **Твердохлебов Н. И.**

Николай I и Александра Федоровна в Ореанде: вымыслы и факты..... 126

## СОДЕРЖАНИЕ

---

<b>Ткаченко С. Н.</b>	
Бронетанковые части Отдельной Приморской армии в освобождении юго-восточного и южного Крыма в апреле 1944 года .....	135
<b>Щевелев С. С.</b>	
Арабское восстание в Палестине в 1936–1939 годах и политика страны-мандатария .....	163
<b>Сведения об авторах</b> .....	182